

"Девять правил соблазнения"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сара Маклейн

Девять правил соблазнения

Пролог

Англия, Лондон

Апрель 1813 года

Леди Кальпурния Хартуэлл, с трудом сдерживая слезы, едва ли не бегом покинула бальный зал Уортингтон-Хауса — сцену ее нынешнего и самого ужасного позора. В вечернем воздухе явно чувствовалось дыхание весны, но девушка не замечала его, торопливо сбегая по великолепным мраморным ступеням. Отчаяние заставляло ее ускорять шаг, подталкивая в густой полумрак большого старого сада. Только оказавшись в тени живой изгороди, девушка наконец почувствовала себя в безопасности и, глубоко вздохнув, замедлила шаг. Ее матушка страшно рассердится, когда узнает, что старшая дочь позволила себе выйти в вечерний сад без сопровождения, но ничто не могло удержать Калли в стенах этой огромной комнаты пыток.

Ее первый сезон, похоже, закончится полным провалом.

А ведь не прошло и месяца с момента ее первого появления в свете. Калли, старшая дочь графа и графини Аллендейл, казалось, была создана для этой жизни, для успеха в которой надлежало хорошо танцевать, обладать изящными манерами и быть красавицей. Но именно в последнем условии и заключалась проблема. Калли прекрасно танцевала, ее манеры казались безупречными, но можно ли было назвать ее красавицей? Девушка абсолютно трезво оценивала свою внешность и не питала на этот счет особых иллюзий.

«Я знала, что все это закончится настоящей катастрофой», — думала она, обессиленно опускаясь на мраморную скамью, скрытую в зеленом лабиринте Уортингтона. Она три часа провела на этом балу, и ее ни разу не пригласил хотя бы мало-мальски перспективный кавалер. Дважды ее приглашали известные охотники за состояниями, один раз какой-то жуткий зануда, имени которого она даже не запомнила, и один раз старик баронет, которому, наверное, было никак не меньше семидесяти. В конце концов Калли уже не могла изображать радостное оживление и удовольствие, якобы получаемое от танцев и музыки. Было совершенно очевидно, что, невзирая на ее благородное происхождение, светское общество оценивало Калли исключительно как обладательницу солидного приданого. Однако даже этого оказалось недостаточно, чтобы дебютанткой заинтересовались те джентльмены, которые могли ей действительно понравиться. Приходилось признать, что большую часть сезона завидные молодые холостяки обходили Калли своим вниманием.

Она вздохнула.

Сегодняшний вечер показался ей настоящим кошмаром. Мало того что Калли пришлось танцевать с кем попало, так еще и сегодня вечером, казалось, все гости, кто исподтишка, а кто и открыто, разглядывали ее как какую-то диковинку.

«Нельзя было позволять матушке напяливать на меня это уродство», — пробормотала девушка себе поднос, в очередной раз окидывая взглядом свое платье — слишком зауженная и завышенная линия талии при чертовски маленьком лифе, в который едва втискивалась грудь, которая была гораздо крупнее, чем того требовала нынешняя мода. Калли была уверена, что ни одна красавица никогда не надела бы такое яркое, цвета жаркого заката, платье.

Это платье, как уверяла ее матушка, последний крик моды. Когда Калли высказала опасение, что фасон не слишком подходит для ее фигуры, графиня довольно резко заметила, что она не права. «Ты будешь выглядеть потрясающе», — обещала матушка, пока модистка порхала вокруг девушки, втискивая ее в кричаще яркий наряд, и, наблюдая в большом зеркале за происходящими с ее фигурой трансформациями, Калли вынуждена была согласиться с ними. В этом платье она действительно выглядела потрясающе: потрясающе уродливо.

Защищаясь от вечернего холода, она крепко обхватила себя руками и обреченно закрыла глаза. «Я не могу вернуться. Мне придется навсегда остаться тут».

Из тени донесся тихий смешок, и Калли, испуганно ахнув, вскочила на ноги. Пытаясь унять сердцебиение, она быстро огляделась и в густом полумраке с трудом различила темный силуэт мужской фигуры.

— Не следует в темноте подкрадываться к людям. Джентльмены так не поступают.

Незнакомец не замедлил с ответом, и ее окутал низкий тембр его голоса:

— Приношу свои извинения. Впрочем, я мог бы сказать, что это вам не следует таиться в темноте. Дамы так не поступают.

— Вот здесь вы ошибаетесь. Я не таюсь в темноте, а скрываюсь. Это совершенно разные вещи.

— Я вас не выдам, — прошептал мужчина, словно читая ее мысли, и сделал шаг вперед. — Так что можете показаться — все равно вы оказались в настоящей ловушке.

Калли почувствовала спиной колючий кустарник живой изгороди, а незнакомец продолжал приближаться, и она поняла, что ее таинственный визави прав. Девушка горестно вздохнула. Неужели несчастья этого вечера не закончились? В этот момент мужчина шагнул в серебристый лунный свет, и стало ясно, что дела Калли совсем плохи.

Перед ней стоял печально известный маркиз Ралстон — убийственно красивый и дьявольски обаятельный лондонский повеса. С его безнравственной репутацией могла сравниться только его столь же безнравственная улыбка, которая сейчас предназначалась именно Калли.

— О нет, — прошептала она, не в силах сдержать прозвучавшее в ее голосе отчаяние. Она просто не может допустить, чтобы он ее увидел. Только не такой — затянутой, как рождественская индейка. Рождественская индейка цвета оранжевого заката.

— Так что же с вами произошло, юная леди?

Лениво-заботливый тон согрел Калли, хотя она и продолжала оглядываться в поисках путей отступления. Маркиз, будучи как минимум на шесть дюймов выше, загораживал собой все пространство, подойдя уже настолько близко, что она могла бы его коснуться. Впервые за долгое время девушка почувствовала себя маленькой. Даже крошечной.

— Я... я должна идти. Если меня застанут здесь... с вами...

Калли не закончила фразу. Маркиз и без того понимал, что случится.

— Кто вы? — Он прищурился в темноте, разглядывая нежные черты ее лица. — Подождите... — Она представила, как его глаза сверкнули узнаванием. — Вы ведь дочь сэра Аллендейла. Я заметил вас.

В ее ответных словах прозвучал печальный сарказм:

— Уверена, что заметили, милорд. Меня трудно не заметить. — Она тотчас прикрыла рот ладошкой, шокированная собственной смелостью.

Ралстон негромко хмыкнул.

— Да уж, ваше платье просто бросается в глаза.

Калли не смогла сдержать улыбки.

— Очень дипломатично, но согласитесь: я в нем слишком похожа на абрикос.

На этот раз маркиз рассмеялся в голос.

— Удачное сравнение. — Элегантным жестом он предложил девушке вновь занять место на скамье, и после некоторого колебания Калли села.

— Пожалуй, — ответила она и широко улыбнулась, удивляясь, что вовсе не чувствует неловкости. Наоборот, Калли почувствовала себя свободнее. — Моя матушка... Ей отчаянно хочется нарядить свою дочь, как фарфоровую куклку. Печально, но я для этого совершенно не подхожу. И просто мечтаю о том, чтобы моя сестра начала выезжать, — тогда, надеюсь, графиня оставит меня в покое. Правда, сейчас сестренке только восемь.

Маркиз присел рядом с девушкой и, весело улыбнувшись, сказал:

— Да. Вам придется немного подождать.

— Это мягко сказано. — Она взглянула на усыпанное звездами небо. — К тому времени, когда состоится ее первый выезд, я буду считаться старой девой.

— Откуда такая уверенность, что вы засидитесь в девицах?

Калли, чуть нахмурившись, посмотрела на него.

— Я ценю ваше благородство, милорд, но это притворное недоумение оскорбительно для нас обоих. — Он не нашелся что ответить, Калли опустила взгляд на свои руки и произнесла: — Мой выбор весьма ограничен.

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, среди претендентов на мою руку будут только разорившиеся шалопаи, престарелые ловеласы и убийственные зануды, — пояснила Калли, загибая пальцы по мере перечисления категорий возможных женихов.

Маркиз усмехнулся:

— В это трудно поверить.

— О, это правда. К сожалению, я не отношусь к числу тех молодых леди, на танец с которыми джентльмены занимают очередь. Это видно каждому, у кого есть глаза.

— У меня есть глаза. И ничего подобного я не вижу.

Его голос, нежный и мягкий как бархат, проникал прямо в душу, маркиз протянул руку и осторожно погладил девушку по щеке. Мощная теплая волна прокатилась по ее телу, и Калли непроизвольно задержала дыхание.

Не в силах противиться самой себе, она подалась навстречу его ласке, и мужчина приподнял пальцами ее подбородок.

— Как вас зовут, юная леди? — тихо спросил маркиз.

Калли поморщилась, зная, что за этим последует.

— Кальпурния.

Она вновь закрыла глаза, в очередной раз смутившись своего экстравагантного имени, — имени, которое могла дать своему ребенку только экзальтированная мамаша, сходящая с ума от Шекспира.

— Кальпурния. — Он попробовал ее имя на язык. — Как жену Цезаря?

Калли покраснела еще больше и кивнула.

Маркиз улыбнулся:

— Смелое имя, ничего не скажешь.

— Ужасное имя.

— Чепуха. Кальпурния была императрицей Рима. Сильная, красивая, умная, гораздо умнее окружающих ее мужчин. Она видела будущее, выстояла перед обвинениями своего мужа. У тебя просто замечательная тетка.

С этими словами Ралстон ласково, но решительно приподнял ее подбородок.

Калли молчала, не зная, что ответить на его пылкую тираду, но он не ждал от нее ответа и потому продолжил:

— Мне пора уходить. А вы, леди Кальпурния, должны вернуться в бальный зал с высоко поднятой головой. Сможете?

Он еще раз легко вздернул ее подбородок и встал. Совершенно потрясенная, Калли тоже встала и кивнула, глядя на него сияющими глазами.

— Да, милорд.

— Вот и умница, — прошептал он, так низко склонившись над ней, что его дыхание шевелило волоски у нее на затылке и согревало в этот холодный апрельский вечер. — Помни: ты императрица. Держись как императрица, и окружающим придется видеть тебя такой. Я именно такой тебя и вижу. — Он помолчал, а Калли затаила дыхание, ожидая продолжения. — Ваше высочество.

С этими словами маркиз повернулся и моментально исчез в зеленом лабиринте, а Калли еще несколько секунд стояла с недоуменно-мечтательной улыбкой на губах. Потом, словно опомнившись, она последовала за маркизом — так ей хотелось быть рядом с ним. В этот момент она готова была пойти за ним куда угодно. Последовать за этим принцем, появившемся

среди простолюдинов, который заметил ее — не ее приданое и не ее ужасное платье, а ее!

«Если я императрица, то он единственный мужчина, достойный быть моим императором».

Ей не пришлось долго разыскивать его. После очередного поворота лабиринт вывел ее к большому сверкающему фонтану, украшенному фигурками херувимов. Возле него, купаясь в серебряном свете луны, стоял ее принц. Увидев его, Калли едва не задохнулась от восторга. Его фигура, широкоплечая и длинноногая, настолько четко вырисовывалась на фоне темного сада, словно сам он был высечен из великолепного мрамора.

И тут она заметила женщину, которую Ралстон обнимал, закрывая своей широкой спиной. Калли беззвучно ахнула, быстро прикрыв рот ладонью. Широко раскрыв глаза, она смотрела на то, что открылось ее взору. За все свои семнадцать лет она никогда не видела ничего столь... прекрасно грешного.

В полумраке светлые волосы его возлюбленной, освещенные лишь слабым лунным сиянием, казались совершенно белыми, а платье представлялось сотканым из тончайшей паутины. Калли отступила в тень, но продолжала осторожно выглядывать из-за изгороди, отчасти сожалея о том, что последовала за маркизом, и в то же время совершенно не в силах отвести взгляд от обнимающейся пары. Боже, как они целовались!

Томление, возникшее глубоко внизу живота, сменилось медленно разгорающейся ревностью. Впервые в жизни ей до дрожи захотелось быть рядом с этим мужчиной. На мгновение Калли представила себе, что это она сейчас тает в его объятиях; это она своими изящными пальцами перебирает темные блестящие пряди его волос; это ее тело гладят сильные мужские руки, и это ее стоны раздаются в ночном воздухе, когда он, целуя, слегка покусывает ее губы.

Затаив дыхание, Калли из своего укрытия смотрела на любовников, представляя, что это его рука касается ее тела, и чувствуя, как твердеет сосок под шелком платья.

— Ралстон...

Имя, произнесенное женщиной сквозь сдавленный стон, неожиданно громко разнеслось над лужайкой, вырвав Калли из грез. Очнувшись, она нервно отдернула руку от собственной груди и бросилась прочь от той сцены, невольной свидетельницей которой довелось стать. Она бежала по лабиринту, отчаянно желая выбросить из памяти все еще стоявшую перед глазами картину, и остановилась только тогда, когда вновь оказалась у мраморной скамьи, где началось ее ночное путешествие. Тяжело дыша, она опустилась на скамейку и постаралась успокоиться, мысленно ругая себя за столь неподобающее поведение. Леди не подслушивают. И уж точно не подглядывают, спрятавшись в кустах.

Кроме того, такие фантазии не доведут до добра.

Калли грустно вздохнула, безропотно приняв правду. Ей никогда не заполучить великолепного маркиза Ралстона или кого-то хотя бы похожего на него. Отчего-то она ощутила пронзительную уверенность в том, что все сказанное маркизом ранее было ложью неисправимого соблазнителя, которая помогла мужчине не только успокоить расстроенную девушку, но и устранить неожиданную помеху своему тайному свиданию с этой потрясающей красавицей. Он не верил в то, что говорил.

Нет, она не Кальпурния, императрица Рима. Она самая обычная Калли. И останется такой навсегда.

Глава 1

Англия, Лондон

Апрель 1823 года

Его разбудил короткий настойчивый стук. Сквозь сон он попытался определить источник разбудившего его шума, но в спальне снова воцарилась полная тишина.

Несколько секунд Гейбриел Сент-Джон, маркиз Ралстон, сквозь полуприкрытые веки лениво рассматривал ярко декорированную спальню, стены которой были украшены шелковыми гобеленами и вычурными позолоченными бордюрами.

Маркиз протянул руку и коснулся лежащей рядом роскошной женщины. Легкая улыбка заиграла на его губах, когда она прижалась к нему своим полным желанием обнаженным телом.

Он лежал, прикрыв глаза, кончиками пальцев лениво рисуя замысловатые узоры на обнаженном плече любовницы, в то время как изящная женская ручка призывно поглаживала его плоский живот.

Прикосновение женщины стало настойчивее, и он вознаградил ее низким рыком удовольствия.

И вновь раздался стук в тяжелую дубовую дверь — громкий и долгий.

— Какого черта!

Ралстон резко поднялся с постели, решительно настроенный нагнать страху на нежданного визитера, осмелившегося разбудить его в такую рань. Набросив на плечи шелковый халат, он, громко чертыхаясь, распахнул дверь.

На пороге как ни в чем не бывало стоял его брат-близнец. Словно это было в порядке вещей — на рассвете заявиться к своему брату в дом его любовницы. Позади Николаса Сент-Джона суетился слуга и бессвязно лопотал:

— Милорд, я пытался остановить этого джентльмена...

От ледяного взгляда, брошенного Ралстоном, слова застряли в горле дворецкого.

— Оставь нас.

Ник, насмешливо приподняв бровь, посмотрел вслед поспешно удалявшемуся лакею.

— Я и забыл, насколько обаятелен ты бываешь по утрам, Гейбриел.

— Черт побери, что заставило тебя притащиться сюда в такую рань?

— Сначала я отправился в Ралстон-Хаус, — сказал Ник. — Тебя там не оказалось, и я подумал, что скорее всего застаю тебя здесь.

Поверх плеча брата он, усмехнувшись, посмотрел на женщину, сидевшую в центре огромной кровати, и приветственно кивнул:

— Настасия. Прошу простить за вторжение.

Греческая красавица неторопливо потянулась, как изнеженная кошечка, позволив простыне, которой она прикрывалась, соскользнуть и открыть одну соблазнительную грудь. Дразнящая улыбка заиграла на губах женщины, и, выдержав короткую паузу, она произнесла:

— Лорд Николас, уверяю вас, вы не причинили ни малейшего неудобства. Возможно, вы захотите присоединиться к нам... — Она многозначительно помолчала. — За завтраком?

Ник усмехнулся:

— Соблазнительное предложение.

Прервав их обмен двусмысленными репликами, Ралстон проворчал:

— Ник, если тебе необходимо женское общество, уверен, мы найдем такое место, где ты не сможешь беспокоить меня во время отдыха.

Ник, прислонившись к дверному косяку, еще несколько секунд откровенно разглядывал Настасию, потом перевел взгляд на Ралстона.

— Так ты отдыхал, братец?

Гейбриел, неопределенно пожав плечами, подошел к умывальнику в углу комнаты и с фырканьем начал плескать холодную воду себе на лицо.

— В твоем распоряжении пара секунд, чтобы объяснить свое появление здесь, прежде чем мне надоеет твое общество, младший братец, и я вышвырну тебя отсюда.

— Занятно, что ты выбрал столь уместный оборот, — невозмутимо произнес Ник. — Мое появление в этом доме объясняется как раз фактом твоего старшинства.

Ралстон поднял голову и вопросительно посмотрел на брата, не обращая внимания на капли воды, стекавшие по его лицу.

— Понимаешь, Гейбриел, оказывается, у нас есть сестра.

— Сводная сестра.

Ралстон повторил эти слова ровным голосом, пристально глядя на своего поверенного, ожидая, когда этот человек в очках возьмет себя в руки и прояснит свое удивительное заявление. Маркиз в совершенстве владел тактикой устрашения, которой с успехом пользовался в игорных домах Лондона. Он был уверен, что с ее помощью быстро заставит этого маленького человечка говорить.

Он оказался прав.

— Я... дело в том, милорд...

Ралстон молча пересек кабинет и налил себе выпить.

— Вываливайте, любезный. Я не могу торчать тут целый день.

— Ваша матушка...

— Моя матушка, если это слово вообще применимо к тому безответственному созданию, которое выносило нас, сбежала на континент более двадцати пяти лет назад. — Он со скучающим видом покрутил в стакане янтарную жидкость. — С какой стати мы должны верить, что эта девица — наша сестра, а не какая-то шарлатанка, преследующая собственные цели?

— Ее отец был богатым венецианским купцом и оставил ей весь свой капитал. — Поверенный помолчал, поправил очки и осторожно взглянул на Ралстона. — Милорд, у него не было причин лгать дочери относительно ее рождения.

Более того, похоже, что он предпочел бы вообще не ставить вас в известность о ее существовании.

— Так в чем же дело?

— У нее нет других родственников, хотя, по моим данным, некие друзья изъявили желание принять девушку в свою семью. Однако, как следует из документов, присланных в мою контору, такова воля вашей матушки. Она попросила, чтобы ее... — он замялся, — вашу сестру отправили сюда в случае смерти... ее мужа... мужа вашей матушки. Ваша матушка была уверена, что вы... — он прочистил горло, — поступите в соответствии с семейным долгом.

Улыбка Ралстона не предвещала ничего хорошего.

— Какая ирония, что именно матушка рассчитывала на наше чувство семейного долга, вы не находите?

Поверенный не стал притворяться, что ему непонятна эта реплика.

— В самом деле, милорд. Но если позволите, девушка уже здесь, и она очень мила. Честно говоря, я плохо представляю, что еще следует предпринять.

Он не сказал ничего больше, но подтекст был совершенно ясен: «Я не уверен, что следует оставлять ее на вашем попечении».

— Конечно, она должна остаться здесь, — наконец вмешался в разговор Ник. Поверенный с благодарностью, а брат с раздражением обернулись к нему. — Мы возьмем ее к себе. Думаю, сейчас бедняжка все еще в состоянии шока.

— В самом деле, милорд, — с готовностью согласился поверенный, пытаюсь поймать доброжелательный взгляд Ника.

— Я не думаю, что ты можешь принимать подобные решения в этом доме, брат, — протянул Ралстон, не отводя взгляда от поверенного.

— Я просто хочу прекратить мучения Уингейта, — ответил Ник, кивнув в сторону юриста. — И потом, неужели ты сможешь отвернуться от своей кровной родственницы?

Ник, конечно же, был прав: Гейбриел Сент-Джон, седьмой маркиз Ралстон, не смог бы отвернуться от своей сестры, хотя в глубине души и испытывал такое желание. Он пригладил свои черные волосы, удивляясь, что все еще испытывает раздражение при мысли о матушке, которую не видел много лет.

Ее выдали замуж очень рано — едва исполнилось шестнадцать, — и через год она родила близнецов. Десять лет спустя она уехала, сбежала на континент, оставив сыновей и их

безутешного отца. По отношению к любой другой женщине Гейбриел испытывал бы сочувствие, понял бы ее страх и простил бы бегство, но он стал свидетелем печали своего отца и испытал боль, вызванную потерей матери. Затем печаль уступила место гневу, и прошли годы, прежде чем Гейбриел смог говорить о ней без гневного комка в горле.

А теперь, когда он узнал, что его мать разрушила еще одну семью, старая рана вновь открылась. Тот факт, что она родила еще одного ребенка — к тому же девочку! — и опять оставила малышку без матери, привел его в ярость. Конечно, его матушка была права: он сделает то, чего от него требует фамильный долг. Маркиз Ралстон сделает все, что в его силах, чтобы искупить родительские грехи. И возможно, это больше всего выводило его из себя — мать понимала его. Возможно, между ними существовала какая-то связь.

Он поставил стакан и снова уселся за широкий стол красного дерева.

— Где эта девушка, Уингейт?

— Полагаю, в зеленой комнате, милорд.

— Что ж, нужно пригласить гостью. — Ник подошел к двери и отдал приказание слуге.

Последовала несколько затянувшаяся пауза, наконец Уингейт встал и нервно одернул сюртук.

— Вы позволите, сэр?

Гейбриел бросил на него раздраженный взгляд.

— Она хорошая девушка. Очень милая.

— Да. Вы это уже говорили. В противовес вашему мнению обо мне, Уингейт, я не людоед, пожирающий молоденьких девушек. — Он помолчал, затем усмехнулся уголком рта. — По крайней мере тех девушек, с которыми я состою в родстве.

Приход сестры помешал Гейбриелу вдоволь насладиться возмущенным сопением поверенного. Дверь открылась, и он встал навстречу гостье и тут же удивленно вскинул брови.

— Боже правый! — Слова Ника вполне отразили мысли Гейбриела.

Девушка была их сестрой, это не вызывало никаких сомнений. Помимо глаз такого же голубого цвета, у нее, как и у близнецов, были резко очерченные скулы и темные вьющиеся волосы. Она выросла копией своей матери — те же горящие глаза, такая же высокая, гибкая и просто прелестная. Гейбриел чертыхнулся себе под нос.

Ник первым пришел в себя и низко поклонился.

— Очарован, мисс Джулиана. Я ваш брат Николас Сент-Джон. А это наш брат Гейбриел, маркиз Ралстон.

Она присела в изящном книксене, выпрямилась и, с любопытством поглядывая на братьев, проговорила:

— Меня зовут Джулиана Фиори. Признаюсь, я тоже не ожидала... — она помолчала, подыскивая подходящее слово, — *i gemelli* [1]. — Ямочка на щеке Джулианы была в точности такой же, как и у Ника. — Да, это просто поразительно.

— Ну что ж. — Уингейт прочистил горло, обращая на себя внимание присутствующих. — В таком случае позвольте откланяться, если, конечно, милорды больше не нуждаются в моем присутствии.

Маленький человечек переминался с ноги на ногу: ему явно не терпелось покинуть кабинет.

— Можете идти, Уингейт, — холодно произнес Ралстон. — Вы нам больше не понадобятся.

Поверенный поклонился и быстро вышел, словно опасаясь, что маркиз передумает и ему вообще не удастся уйти. Как только он удалился, Ник поспешил успокоить Джулиану:

— Надеюсь, вы не позволите Гейбриелу ввести вас в заблуждение. Он не такой ужасный, как кажется. Иногда ему просто нравится играть роль хозяина дома.

— Полагаю, я и есть хозяин дома, Николас, — сухо заметил Ралстон.

вернуться

1

близнецы (ит.).

Ник подмигнул сестре:

— На четыре минуты старше, но он не может удержаться, чтобы лишний раз не напомнить мне об этом.

Джулиана робко улыбнулась ему в ответ, потом обратила свой ясный взгляд на старшего брата.

— Милорд, я хотела бы вас покинуть.

Гейбриел кивнул:

— Я понимаю. Ваши вещи отнесут в одну из спален на втором этаже. Вас, должно быть, очень утомило путешествие.

— Нет. Вы не так меня поняли. Я хотела бы покинуть Англию. Вернуться в Венецию. — Ни Гейбриел, ни Ник не произнесли ни слова, и девушка продолжила, помогая себе жестами. Теперь ее акцент стал заметнее. — Уверю вас, я совершенно не понимаю, почему мой отец настоял на моем приезде сюда. Дома у меня есть друзья, и они с радостью меня примут...

Гейбриел решительно прервал ее:

— Вы останетесь здесь.

— Mi scusi [2], милорд. Мне бы этого не хотелось.

— Боюсь, у вас нет выбора.

— Вы не можете удерживать меня здесь. Это не мой дом. Не с вами... не в... Англии.

Она выплевывала эти слова, словно они были отвратительны ей на вкус.

— Вы забываете, Джулиана, что вы наполовину англичанка, — улыбаясь, произнес Ник.

— Ничего подобного! Я итальянка!

Ее голубые глаза сверкнули.

— И об этом говорит твой темперамент, котенок, — протянул Гейбриел. — Но ты просто портрет нашей матушки.

Джулиана обвела взглядом стены.

— Портрет? Нашей матери? Где?

Ник хихикнул, очарованный ее непониманием.

— Нет. Здесь вы не найдете ее изображений. Гейбриел сказал, что вы похожи на нашу матушку. Просто точная ее копия.

Джулиана резко взмахнула рукой.

— Никогда больше не говорите мне этого. Наша матушка была... — Она умолкла, и в комнате повисло тяжелое молчание.

Губы Ралстона изогнулись в кривой улыбке.

— Вижу, что все-таки существуют моменты, в которых мы вполне сходимся.

— Вы не можете заставить меня остаться.

— Боюсь, что могу. Я уже подписал бумаги. До замужества вы будете находиться под моей опекой.

Джулиана широко раскрыла глаза.

— Это невозможно. Мой отец просто не мог этого потребовать. Он знал, что я не собираюсь выходить замуж.

— Отчего же? — удивился Ник.

Джулиана развернулась к нему.

— Я думаю, вы должны это понять, как никто другой. Я не стану повторять грехи моей матери.

Гейбриел прищурился.

— Нет абсолютно никаких оснований считать, что вы повторите...

— Вы простите меня, если я скажу, что у меня нет желания рисковать, милорд. Но ведь мы можем договориться?

В этот момент Гейбриел принял решение.

— Вы не знали нашу матушку?

Джулиана стояла, гордо выпрямившись, и решительно, не отведя глаз, встретила взгляд

Ралстона.

— Она покинула нас почти десять лет назад. Полагаю, с вами случилось то же самое?

Ралстон кивнул:

— Нам даже десяти не исполнилось.

— В таком случае, полагаю, никто из нас не испытывает к ней особой любви.

— В самом деле.

Они стояли так довольно долго, решая, насколько каждый из них искренен. Гейбриел первым нарушил молчание:

— Предлагаю вам сделку. — Джулиана мгновенно отрицательно качнула головой, но Ралстон поднял руку, не дав ей заговорить, и продолжил: — Это не подлежит обсуждению. Вы останетесь здесь на два месяца. Если по истечении этого срока вы все же предпочтете вернуться в Италию, я это устрою.

Джулиана вскинула голову, словно обдумывала не только предложение кузена, но и возможность побега. Наконец она согласно кивнула:

— Два месяца. Ни днем больше.

— Наверху вы можете выбрать спальню по своему вкусу, сестричка.

Джулиана низко поклонилась.

— Grazie [3], милорд.

Она уже повернулась к выходу, когда Ник спросил, не в силах больше сдерживать свое любопытство.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

Ник коротко взглянул на брата и продолжил:

— Мы должны представить вас лондонскому обществу.

— Полагаю, в этом нет никакой необходимости, поскольку я пробуду здесь всего восемь недель.

Она с явным нажимом произнесла последние слова.

— Мы обсудим это позже, когда вы устроитесь. — Коротким поклоном Ралстон дал понять, что разговор окончен, распахнул дверь кабинета и позвал дворецкого. — Дженкинс, пожалуйста, проводи мисс Джулиану наверх и пришли кого-нибудь помочь ее горничной распаковать вещи. — Он повернулся к Джулиане. — У вас ведь есть горничная, не так ли?

— Да, — ответила она, и на ее губах появилась улыбка. — Может, мне стоит напомнить вам, что это римляне принесли цивилизацию в вашу страну?

Ралстон поднял брови.

— А вы, оказывается, с характером.

Джулиана ангельски улыбнулась:

— Я согласилась остаться, милорд, но не обещала хранить молчание.

Маркиз вновь повернулся к Дженкинсу.

— С этого дня мисс Джулиана будет жить в нашем доме.

Джулиана покачала головой, смело встретив взгляд брата.

— Два месяца.

Ралстон кивнул и исправился:

— Она два месяца будет жить в нашем доме.

Дворецкий невозмутимо выслушал довольно странное распоряжение, произнес: «Да, милорд», — и повел Джулиану в ее комнату, попутно приказав лакеям, отнести сундуки Джулианы наверх.

Уверенный в том, что все его распоряжения будут должным образом выполнены, Ралстон закрыл дверь в кабинет и повернулся к Нику, который с ленивой усмешкой на губах стоял, прислонившись спиной к книжному шкафу.

— А ты молодец, братец, — произнес Ник. — Но если свет узнает, что тебе присуще столь гипертрофированное чувство фамильного долга... твоя репутация падшего ангела будет уничтожена.

— Ты меня очень обяжешь, если замолчишь.

— В самом деле, это так трогательно — демон, поверженный ребенком.

Ралстон молча пересек комнату и сел за большой письменный стол.

— Разве тебя не дожидается статуя, которую необходимо почистить? Пожилая мраморная дама из Бата, которую срочно необходимо идентифицировать?

Ник сел в кресло и закинул ногу на ногу, демонстрируя сияющие гессенские сапоги и явно не собираясь заглатывать наживку.

— Вообще-то дожидается. Однако ей вместе с легионом моих поклонников придется подождать. Я предпочел бы провести этот день с тобой.

— Не стоит идти на такие жертвы ради меня.

Ник стал серьезным.

— И что же случится за эти два месяца? А если она все-таки решит уехать, а ты не сможешь ей этого позволить? — Ралстон не ответил, и Ник продолжал гнуть свою линию: — Ей пришлось нелегко. Ее бросила мать, когда она была еще совсем ребенком... а потом она потеряла и отца.

— Ее обстоятельства ничем не отличаются от наших. — Ралстон притворился, что тема разговора ему совершенно неинтересна, и сделал вид, будто внимательно просматривает корреспонденцию. — Должен тебе напомнить, что вместе с матерью мы потеряли и своего отца.

Ник не отвел взгляда.

— Мы были друг у друга, Гейбриел. У нее же нет никого. Нам с тобой лучше, чем кому-либо, известно, каково это — быть всеми покинутым, всеми, кого ты когда-либо любил.

В глазах брата Ралстон заметил грусть воспоминаний об их детстве. Близнецы вместе пережили бегство своей матери и отчаяние отца. Их детство не было радостным, но Ник говорил правду — они всегда держались вместе.

— Наблюдая за нашими родителями, я усвоил одну вещь: любви придается слишком большое значение. Ответственность — вот что действительно важно. Честь. И Джулиане лучше понять это в самом раннем возрасте. Теперь у нее есть мы. Возможно, она считает, что это не так много, но этого должно быть достаточно.

Братья замолчали, каждый погрузился в собственные мысли. Наконец Ник произнес:

— Трудно будет добиться, чтобы ее приняли в обществе.

Ралстон энергично выругался, признавая справедливость слов брата.

Дочери женщины, не получившей должным образом оформленного развода, вряд ли обрадуются в свете. И Джулиане придется приложить немало усилий, чтобы избавиться от тяжелого шлейфа испорченной репутации своей матери.

вернуться

2

Извините (ит.).

вернуться

3

Спасибо (ит.).

И вновь заговорил Ник:

— Законность ее рождения будет подвергнута сомнению.

Гейбриел на некоторое время задумался.

— Если наша матушка вышла замуж за ее отца, это означает, что маркиза по приезде в Италию перешла в католичество. Католическая церковь никогда не признала бы ее брака, если бы она оставалась в англиканской церкви.

— В таком случае незаконнорожденными оказываемся мы. — Ник криво улыбнулся.

— Для итальянцев, — уточнил Гейбриел. — К счастью, мы англичане.

— Превосходно. Для нас все складывается хорошо, — сказал Ник. — Но что же с Джулианой? Найдется немало семейств, которые откажутся принимать ее. Многие посчитают нашу сестру дочерью падшей маркизы и ее любовника — простого итальянского торговца. И к тому же католика.

— Начнем с того, что они и так бы не приняли Джулиану. Мы не можем изменить тот факт, что происхождение ее отца оставляет желать лучшего.

— Возможно, проще выдать ее за дальнюю родственницу и не упоминать о том, что Джулия наша сводная сестра.

Ралстон отрицательно мотнул головой:

— Абсолютно исключено. Она наша сестра. Именно так мы ее и представим, а уж потом будем разбираться с последствиями.

— С последствиями придется разбираться ей. — Ник твердо встретил взгляд брата; его слова тяжелым грузом повисли в воздухе. — Скоро самый разгар сезона.

Если мы хотим добиться успеха, наше поведение должно быть безупречным. Ее репутация зависит от нашей.

Ралстон понял. Ему придется прекратить встречи с Настасией — оперной певичкой, известной своей неосмотрительностью.

— Я сегодня же поговорю с Настасией.

Ник согласно кивнул и добавил:

— Джулиану необходимо представить обществу, и это должен сделать человек с безупречной репутацией.

— Я и сам об этом подумал.

— Мы можем обратиться к тетушке Филлидии.

Голос Ника дрогнул при упоминании имени сестры отца. Вдовствующей герцогине была присуща манера высказывать весьма резкие замечания и давать безапелляционные наставления. Тем не менее пожилая дама являлась признанным столпом общества.

— Нет, — поспешно возразил Ралстон. Филлидия не справится с такой деликатной ситуацией — загадочная неизвестная сестра прибывает к дверям Ралстон-Хауса в разгар сезона. — Для этого не подойдет ни одна из наших родственниц.

— Тогда кто же?

Взгляды близнецов встретились. Задержались. В решимости они нисколько не уступали друг другу, но слово маркиза было решающим.

— Я найду такого человека.

Глава 2

«И, разразившись слезами, она бросилась к нему, и обняла Одиссея, и поцеловала его в голову, и проговорила: «О, ты смог убедить мое сердце, каким бы негибимым оно ни было». И в его Сердце пробудилось еще более сильное желание горестных стенаний; и он пролил слезы, держа в объятиях свою дорогую преданную жену».

Калли отложила чтение, откинувшись на спинку высокого мягкого стула, и глубоко вдохнула запах любимых книг, вообразив себя героиней именно этой истории — любящей женой, все двадцать лет разлуки своей любовью вдохновлявшей мужа на героические подвиги.

Схватка с Циклопом, противостояние сиренам — Одиссей готов был одолеть все испытания ради одной-единственной цели — вновь оказаться рядом со своей Пенелопой.

Каково быть такой женщиной? Женщиной, чья несравненная красота была вознаграждена любовью величайшего героя своего времени. Каково это — открыть свое сердце такому мужчине? Впустить его в свою жизнь? В свою постель?

Калли хихикнула. Не дай Бог, кто-нибудь узнает, что леди Кальпурния Хартуэлл, вполне добропорядочная незамужняя девица, тешит себя совершенно неподходящими для леди тайными помыслами о вымышленных героях. Калли отдавала себе отчет, что ведет себя очень глупо, мечтая о героях своих любимых книг. Это, конечно же, дурная привычка, но она слишком давно у нее появилась.

Вот и сейчас воображение с готовностью нарисовало замечательную картину: она сидит за ткацким станком, а он, сильный и мужественный, замер в дверном проеме. Калли без труда представила его внешность — это был тот же самый образ, который в течение последних десяти лет вновь и вновь возникал в ее фантазиях.

Высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами, пробуждавшими у женщин желание прикоснуться к ним, и ярко-голубыми глазами — цвета того моря, которое Одиссей бороздил в течение двадцати лет. Резко очерченные скулы, ямочка, появлявшаяся, когда он улыбался — той самой улыбкой, которая в равной степени обещала и грех, и наслаждение.

Да... все ее герои обладали внешностью единственного мужчины, о котором она когда-либо мечтала, — Гейбриела Сент-Джона, маркиза Ралстона. Можно было подумать, что после целых десяти лет, в течение которых она носила в душе этот образ, Калли могла бы отказаться от бесплодных мечтаний... но оказалось, что этот повеса настолько прочно укоренился в ее сердце, что теперь она была просто обречена провести остаток своей жизни, представляя себя Клеопатрой, а Гейбриела Ралстона — Антонием.

Калли громко рассмеялась, поймав себя на этом сравнении. Было абсолютным безумием считать, что только благодаря тому, что ее назвали в честь императрицы, можно было сравнивать леди Кальпурнию Хартуэлл с Клеопатрой. Во-первых, мужчины никогда не склонялись перед красотой Калли, что легко заставляла их делать великая царица. У Клеопатры не было таких совершенно заурядных каштановых волос и карих глаз, как у Калли. Да и пухленькой царицу Египта никогда не называл ни один из современников. И Калли также не могла себе представить, чтобы Клеопатра в течение целого вечера скромно оставалась в уголке бального зала. Кроме того, царица Египта никогда не надела бы обычный кружевной чепец.

— Калли!

Девушка вздрогнула и выронила книгу: пронзительный возглас, раздавшийся за дверью библиотеки, застал ее врасплох. Калли смущенно кашлянула, прочищая горло, и постаралась успокоить сильно забившееся сердце. Мысленно она взмолилась, чтобы тот, кто нарушил ее уединение, как можно скорее ушел и позволил ей вновь погрузиться в свои мечты. Однако эта мысль быстро сменилась печальным вздохом — Калли Хартуэлл была слишком хорошо воспитана, чтобы отказать даже незваному визитеру.

Дверь распахнулась, и в библиотеку влетела сестра Калли, энергичная и возбужденная.

— Калли! Вот ты где! А я тебя повсюду ищу!

Едва бросив взгляд на живое доброе лицо сестры, Калли не смогла сдержать улыбки. В свои восемнадцать лет Марианна стала первой красавицей сезона — дебютанткой, которая, завоевав внимание всего общества, очень скоро получила прозвище Ангел Аллендейл.

Сейчас она, с удовольствием красуясь в тонком шифоновом платье желтого цвета, купалась в проникающем в библиотеку размытом солнечном свете. Великолепные каштановые локоны служили идеальным обрамлением для ее прелестной улыбки. Калли прекрасно понимала, почему лондонское общество обожает ее сестру. Марианну трудно было не любить, даже несмотря на то что ее совершенство порой несколько утомляло старшую и не столь совершенную сестру.

Лукаво улыбнувшись, Калли спросила:

— И зачем же я тебе понадобилась? Думаю, ты вполне могла бы без меня обойтись, Мари!

Прелестный румянец разлился по фарфоровой коже девушки — такой нежный и ровный, что Калли могла бы ему только позавидовать, если бы его вид не стал ей давно привычен.

— Калли! Я просто не могу в это поверить! Я весь день себя щиплю! — Марианна бегом пересекла комнату и рухнула в кожаное кресло, стоявшее напротив кресла сестры. В мечтательном изумлении она продолжила: — Он сделал мне предложение! Ты можешь этому поверить? Разве это не замечательно?

Под словом «он» подразумевался Джеймс Толботт, шестой герцог Ривинггон и самый завидный жених во всей Британии. Молодой, красивый, богатый и знатный, герцог лишь однажды увидел Марианну на балу, устроенном еще до открытия сезона, и совершенно потерял голову. Последовало головокружительное ухаживание, и этим утром герцог прибыл в Аллендейл-Хаус, чтобы просить руки возлюбленной. Калли едва скрывала свое удивление, видя, как искренне переживает Ривинггон; при всех его титулах и богатстве он, очевидно, действительно горел желанием получить согласие Марианны, и этот факт еще больше расположил к нему Калли.

— Я могу в это поверить, дорогая. — Она рассмеялась. — У него так горели глаза, когда он прибыл сюда... и сейчас я вижу такое же сияние в твоих глазах! — Марианна скромно потупила голову, а Калли продолжила: — Но ты должна мне рассказать! Каково это стать избранницей мужчины, который так сильно тебя любит? И к тому же герцога!

— О, Калли! — выдохнула Марианна. — Мне абсолютно безразличен титул Джеймса! Для меня важен сам Джеймс! Ну разве он не самый замечательный мужчина?

— И к тому же герцог!

Обе девушки обернулись в изумлении, услышав пронзительно высокий голос, который

произнес эти слова с едва скрываемым возбуждением. Калли вздохнула, вспомнив, от кого сегодня утром ей пришлось прятаться.

Матушка.

— Калли! Не правда ли, великолепная новость?

Мельком подумав, что сегодня ей еще не раз придется отвечать на этот вопрос, Калли открыла рот, но, как оказалось, не очень быстро.

— Потрясающе! Ривингтон буквально без ума от нашей Марианны! Подумать только! Герцог! Влюблен в нашу Марианну! — Калли вновь попыталась вставить слово, но ее снова перебили: — Сколько предстоит хлопот! Свадебная церемония! Меню! Приглашения! А свадебное платье! Приданое! О! Марианна! Калли! Нам необходимо будет хорошенько обдумать твой наряд!

«О нет». У вдовствующей герцогини Атлецейл было все или почти все, но вот хорошей модистке среди этого всего места не нашлось. Если Калли сейчас не отвлечет матушку от грандиозных свадебных планов, она будет обречена появиться на свадьбе своей сестры в украшенном перьями уродстве, которое будет венчать какой-нибудь такой же уродливый тюрбан.

— Думаю, матушка, прежде всего нам следует заняться самым главным на этот момент. Почему бы не организовать сегодня праздничный ужин?

Она помолчала, ожидая увидеть, клюнет ли ее матушка на эту наживку.

— Замечательная мысль! — Калли медленно выдохнула, хваля себя за находчивость. — Конечно, так и нужно сделать! Конечно, это будет исключительно семейный ужин, поскольку мы должны подождать с официальным объявлением до бала по поводу обручения. Но думаю, что праздничный ужин сегодня вечером — это как раз то, что нужно! Ох! Как много еще предстоит сделать! Я должна разослать приглашения и обсудить меню с поваром!

— О Боже! — с неподдельным ужасом произнесла Марианна. — Как ты думаешь, она долго будет пребывать в таком состоянии?

— Не могу сказать точно, но, думаю, по крайней мере до конца сезона.

— До конца сезона! И что, с этим ничего нельзя поделать?

— Есть один выход. — Для большего драматического эффекта Калли выдержала паузу.

Марианна нетерпеливо поерзала.

— Ну и какой же?

— Как, по-твоему, Ривингтон отнесется к идее отправиться в Гретна-Грин?

Марианна страдальчески вздохнула, а Калли расхохоталась.

Сезон обещал быть чрезвычайно увлекательным.

Калли стояла в уголке гостиной, где после ужина и последовавших за трапезой ритуалов — курения сигар для мужчин и сплетен для женщин — воссоединилось все семейство, продолжавшее осыпать Марианну и герцога наилучшими пожеланиями. Калли обожала

счастливые события, которые оставляли самые приятные воспоминания.

Однако сегодня вечером все было по-другому. Калли проклинала тот момент, когда предложила устроить праздничный ужин в тесном семейном кругу. Казалось, что сейчас над ней смеются даже предки, выстроившиеся на стенах гостиной чинной шеренгой портретов.

Когда к ней с сияющим видом направилась тетушка Беатрис, Калли подавила вздох и изобразила улыбку. Она совершенно точно знала, что последует дальше, и понимала, что это неизбежно.

— Разве это не чудесно? Такая счастливая пара! Такой прекрасный брак! Настоящее удовольствие видеть Марианну такой счастливой.

Пожилая тетушка положила морщинистую руку на руку Калли. Сейчас начнется, подумала та, стискивая зубы.

— Уверена: твоя матушка наконец счастлива — ведь она так мечтала заняться приготовлением к свадьбе! — От радостного кудактанья пожилой дамы настроение Калли окончательно испортилось. — Ведь вы с Бенедиктом не смогли доставить ей такого удовольствия!

Калли выдавила смешок, который прозвучал слишком громко, и оглядела комнату в поисках хоть кого-нибудь, кто избавил бы ее от нескончаемого потока бестактных намеков, которые преподносились как искренняя забота членов семейства о ее судьбе. В течение трех часов, то есть с момента прибытия гостей на ужин, Калли пришлось с незначительными вариациями выдержать подобный разговор с двенадцатью разными людьми. Особенно трудно ей пришлось непосредственно во время ужина, когда она оказалась втиснутой между бабушкой Ривингтона, весьма самоуверенной особой, и удивительно бестактным кузеном, — оба они, казалось, полагали, что незамужнее положение Калли вполне вписывается в рамки приличного разговора. Ей начало казаться, что нет ни одного человека в семействах Ривингтон и Аллендейл, обладающего хотя бы минимальным чувством такта. Трудно было поверить, что все эти бесчисленные родственники действительно не понимают, насколько обидно слышать постоянные напоминания о том, что она превратилась в замшелую старую деву, основательно задвинутую в тень лондонского общества. Это было невыносимо.

Не видя спасения, Калли остановила лакея, разносившего шерри, и, подхватив с подноса рюмку с рубиновым напитком, повернулась к тетушке:

— Могу я предложить вам рюмочку шерри, тетушка Беатрис?

— Бог мой, нет! Я терпеть этого не могу, — произнесла пожилая женщина с ноткой негодования в голосе. — Ты же понимаешь, Кальпурния, если леди дорожит своей репутацией, ей не стоит пить в обществе столь крепкое вино.

— Да, но мне кажется, что сегодня вечером мне нет необходимости беспокоиться об этом, вы согласны?

— Полагаю, твоей репутации ничто не угрожает, Кальпурния. — Тетушка Беатрис похлопала племянницу по руке с неосознанно снисходительным видом. — Это ведь настоящая драма, не так ли? Этого никто не мог предвидеть. Ну кто бы мог подумать, что с твоим-то приданным ты не сможешь выйти замуж!

Калли едва не вспыхнула, услышав столь прозрачный намек на то, что лишь благодаря приданому у нее был шанс на замужество, но, прежде чем она успела придумать в ответ какую-

нибудь колкость, тетушка Беатрис продолжила:

— К сожалению, теперь, когда тебе уже столько лет, думаю, придется оставить всякую надежду. Я с трудом могу себе вообразить, что кто-то сделает тебе предложение. Разве что какой-нибудь пожилой джентльмен, который подумывает о том, чтобы покинуть этот бранный мир, и нуждается в компаньоне. Такое еще возможно.

В голове Калли мелькнула картинка, эдакая радующая душу фантазия — тетушка Беатрис, глупо разинув рот, осматривает свое пышное платье, залитое сладким красным вином. Едва заметно тряхнув головой, Калли отбросила проказливую мысль, аккуратно поставила рюмку и вновь сосредоточила внимание на тетушке, которая все еще продолжала рассуждать по поводу незамужнего положения племянницы.

— Конечно, еще нужно учесть, что твоя внешность... хм... оставляет желать лучшего. К сожалению, времена Рубенса прошли.

От возмущения Калли лишилась дара речи. Она, наверное, ослышалась: отвратительная старуха просто не могла этого сказать.

— Ты не думала о диете? Вареные яйца и капуста... Я слышала, они творят чудеса. Может, это сделает тебя менее... более! — Дама дробно захихикала, не замечая собственной бестактности. — И вот тогда-то, возможно, нам удастся найти тебе мужа!

Пришла пора сбегать отсюда, иначе она не выдержит и либо наговорит кому-нибудь из своих родственников дерзостей, либо просто лишится рассудка, пытаясь сдержать рвущийся наружу гнев. Избегая встречаться с теткой взглядом — она не могла гарантировать, что не выскажется в адрес злобной старухи, — Калли поторопилась распрощаться.

— Прошу прощения, тетушка: думаю, мне следует наведаться на кухню.

Ее нисколько не беспокоило, что ужин давно закончился, — Калли просто не могла оставаться среди гостей.

Едва сдерживая слезы, она укрылась в кабинете своего брата — там ее не потревожит случайно забредший гость. Лунный свет, льющийся сквозь огромные, во всю стену, окна, позволял девушке свободно ориентироваться. Она достала в буфете бокал и бутылку шерри, потом подошла к большому креслу в дальнем углу комнаты, служившей своего рода убежищем для мужчин семейства Аллендейл.

«Сегодня вечером это будет дамское убежище», — подумала девушка, делая глубокий вдох и наливая шерри. Она поставила тяжелый хрустальный графин на пол и устроилась поудобнее.

— О чём вздыхаешь, сестрица?

Калли вздрогнула и повернулась в сторону внушительного стола красного дерева в другом конце комнаты. Разглядев в полумраке фигуру за столом, она широко улыбнулась:

— Ты меня напугал.

— Пожалуй, обойдусь без извинений. Это ты забралась в мою берлогу. — Бенедикт Хартуэлл, граф Аллендейл, поднялся, пересек комнату и сел в кресло напротив сестры. — Надеюсь, у тебя есть веская причина прятаться, или я отошлю тебя обратно.

— Да? Интересно будет посмотреть, как тебе это удастся, — ты ведь не сможешь обнаружить мое исчезновение, не привлекая внимания к собственному, — поддразнила она.

— Абсолютно верно. — Бенедикт сверкнул белоснежными зубами. — В таком случае можешь остаться.

— Спасибо. — Она подняла свой бокал с шерри. — Ты очень добр.

Бенедикт налил себе виски и лениво крутил бокал в руках, а Калли залпом осушила свой и, закрыв глаза, замерла в кресле, наслаждаясь дружеским молчанием. Через несколько минут брат произнес:

— И что же заставило тебя бежать с такого большого семейного праздника?

Калли не открыла глаза.

— Тетя Беатрис.

— Что на этот раз выкинула старушенция?

Калли вздохнула и вновь наполнила свой бокал.

— Она лишь еще раз повторила то, что я уже слышала от представителей обоих семейств, собравшихся на ужин, — просто она сделала это со свойственной бестактностью.

— Ага. Замужество.

— На самом деле она сказала... — Калли помолчала и глубоко вздохнула. — Нет, я не доставлю ей удовольствия и не стану повторять ее слова.

— Могу себе представить.

— Нет, Бенни, не можешь. — Она сделала глоток. — Клянусь, знай я раньше, каково это — остаться незамужней, согласилась бы выйти за первого, кто сделал мне предложение.

— Первым тебе сделал предложение болван-викарий.

— Не следует плохо отзываться о представителях духовенства.

Бенедикт фыркнул и сделал большой глоток шерри.

— Хорошо. Я вышла бы замуж за второго. Джеффри был вполне привлекателен.

— Если бы ты его не отвергла, Калли, отец бы воспрепятствовал этому браку. Джеффри уже тогда слыл неисправимым игроком и отъявленным пьяницей. Он так и пропал в одном из игровых притонов.

— Да, но тогда сейчас я была бы вдовой, а вдов никому не позволено обижать.

— Ну, не уверен, что соглашусь с тобой, но если ты настаиваешь... — Бенедикт помолчал. — Ты действительно жалеешь, что не вышла за одного из них?

Калли вновь сделала глоток, задержав сладкое вино на языке и обдумывая его вопрос.

— Нет, — сказала она наконец. — Мне не хотелось бы стать рабыней какого-нибудь ужасного человека, который женился бы на мне только ради денег, или земли, или возможности породниться с графами Аллендейл, но не возражала бы против брака по любви.

Бенедикт хихикнул.

— Брак по любви — это совсем другое дело. Но они так редко свершаются.

— Не часто, — согласилась она, и оба замолчали. После некоторого размышления Калли сказала: — Нет... чего мне на самом деле хотелось бы, так это быть женщиной.

— Не понял?

— Действительно хотелось бы! Например, если бы я сказала, что тебе придется следующие три месяца выслушивать ехидные соболезнования в связи со свадьбой Мари, что бы ты мне ответил?

— Я бы ответил: «Пропади оно пропадом!» — и все бы закончилось, не успев начаться.

Калли указала бокалом в его сторону.

— Вот именно! Потому что ты мужчина!

— Мужчина, которому удалось избежать присутствия на многих событиях, не давая, таким образом, возможности всяким сплетникам критически высказаться по поводу моего холостяцкого положения.

— Бенедикт, — произнесла Калли, поднимая голову, — единственная причина, по которой тебе удалось избежать всего этого, — это то, что ты мужчина. Я, к сожалению, не могу играть по этим же правилам.

— Да почему же?

— Потому что я женщина. Я просто не могу без конца уклоняться от балов и званых ужинов, чаепитий и примерок. О Боже! Эти примерки! Мне опять придется терпеть все эти фальшивые сочувственные взгляды. О Боже.

Калли прикрыла глаза, представив эту картину.

— Я все же не вижу причины, по которой ты не можешь просто не ездить на все эти ужасные мероприятия. Ладно, ты должна присутствовать на балу, где будет объявлено об их помолвке. Ты должна быть на свадьбе. Но откажись от всего остального.

— Да не могу я!

— И я снова спрошу: почему?

— Приличным женщинам также не пристало уклоняться от светских мероприятий, как и заводить любовников. Я должна заботиться о своей репутации.

Теперь настал его черед фыркнуть.

— Какая чушь, Кальпурния. Тебе ведь уже двадцать восемь.

— Это не по-джентльменски — упоминать о моем возрасте. И ты знаешь: я терпеть не могу, когда меня называют Кальпурнией.

— Переживешь. Тебе двадцать восемь лет, ты не замужем, и у тебя по сравнению с другими, пожалуй, самая образцовая репутация в свете. Ради Бога, ну скажи мне, когда в последний раз ты выезжала куда-нибудь без своего кружевного чепца?

Калли бросила на него сердитый взгляд.

— Моя репутация — это все, что у меня есть. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать, Бенедикт.

Она протянула руку, чтобы налить себе еще шерри.

— Действительно, ты права. Это все, что у тебя есть сейчас. Но ты могла бы иметь больше. Почему бы просто не протянуть руку и не взять то, что хочется?

— Уж не предлагаешь ли ты мне запятнать доброе имя Аллендейлов? — не веря своим ушам, спросила Калли. Она так и замерла с графином в одной руке, а тонким бокалом — в другой. Бенедикт, не удержавшись, усмехнулся, глядя на эту живописную картину. Калли поставила графин. — Ты ведь понимаешь, что, если я совершу нечто подобное, граф Аллендейл, по всей вероятности, испытает на себе возможные последствия этого поступка.

— Я не предлагаю тебе завести любовника, Калли. И очень надеюсь, что ты не окажешься замешанной в каком-нибудь скандале. Я просто хочу тебя убедить, что ты не должна стремиться соответствовать чересчур высоким стандартам и слишком беспокоиться о своей репутации, — на ней и так нет ни одного пятнышка. Уверю: если ты уклонишься от посещения утомительных мероприятий, связанных со свадьбой, это никак не скажется на твоей репутации.

— Тогда почему бы мне не попробовать пить виски и курить сигары?

— А почему бы и нет?

— Ты шутишь!

— Калли, я уверен, что этот дом не рухнет, если ты позволишь себе выпить. Хотя не уверен, что это придется тебе по вкусу. — Он помолчал несколько минут, затем спросил: — Что еще тебе хотелось бы сделать?

Она тщательно обдумывала ответ на этот вопрос. Что бы она сделала, если бы это не повлекло никаких последствий?

— Я не знаю. Я никогда не позволяла себе задумываться над подобными вещами.

— Ну так позволь сейчас. Что бы ты сделала?

— Все, что только возможно. — Ответ вырвался слишком быстро, но когда слова уже были произнесены, Калли поняла, что в них есть доля правды. — Я не хочу считаться безупречной. Ты прав. Двадцать восемь лет безукоризненного поведения — это слишком много.

Она рассмеялась, услышав собственные слова.

Бенедикт тоже засмеялся.

— Ну так что? Что бы ты сделала?

— Я бы выбросила свой кружевной чепец.

— Это естественно. — Бенедикт слегка усмехнулся. — Ну давай, Кальпурния. Ты можешь быть гораздо более изобретательной. Выбери три вещи, которые сможешь делать у себя дома. Без всяких последствий.

Калли улыгнулась и, втягиваясь в игру, удобнее устроилась в своем кресле.

— Я научилась бы фехтовать.

— Принимается, — ободрил он сестру. — Что еще?

— Я постаралась бы побывать на дуэли!

— Уж если идти, то до конца. Может, попробуешь использовать новообретенные навыки, — небрежно заметил Бенедикт.

Калли наморщила носик.

— Не думаю, что хотела бы причинить кому-то вред.

— Ага, — произнес он, теперь уже совершенно серьезно, — итак, мы очертили границы, которые ты не хотела бы переступить.

— Похоже, одну из них. Но, думаю, мне бы понравилось стрелять из пистолета. Просто, не в человека.

— Многие действительно находят в этом удовольствие, — признал брат. — Что еще?

Она подняла глаза к потолку, раздумывая.

— Научиться ездить верхом по-мужски.

— В самом деле?

Она кивнула:

— Правда. Дамское седло — это как-то слишком по-женски.

Он рассмеялся ее пренебрежению.

— Я бы... — Калли внезапно умолкла, когда у нее в голове промелькнула другая мысль. Поцеловать кого-нибудь. Но она, конечно же, не могла сказать об этом своему брату. — Я бы делала все то, что для мужчин является само собой разумеющимся. Более того, — произнесла она, — я бы играла! В мужском клубе!

— О нет! И как бы тебе это удалось?

На мгновение она задумалась.

— Полагаю, мне пришлось бы переодеться мужчиной.

Бенедикт с улыбкой покачал головой.

— А, матушкино увлечение Шекспиром в конце концов сказалося и на нас. — Калли хихикнула, а брат продолжил: — Думаю, здесь я бы подвел итог. Графы Аллендейл могли бы потерять привилегии в «Уайтсе», если бы ты предприняла столь кощунственную попытку.

— К счастью для тебя, я не собираюсь проникать в этот клуб. Равно как и делать все остальное.

Не прозвучало ли разочарование в ее голосе?

Вновь воцарилось молчание, брат и сестра погрузились в свои мысли, потом Бенедикт медленно поднес бокал к губам, собираясь допить виски, но, не донеся его до рта, задержал руку и чуть приподнял бокал, глядя на Калли. Секунду она смотрела на янтарную жидкость, понимая, что предложение Бенедикта означает гораздо большее, чем капля виски на дне его стакана.

Наконец она покачала головой, и момент был упущен. Бенедикт осушил бокал и заговорил вновь.

— Мне жаль, сестренка, — произнес он, поднимаясь со стула. — Я рад был бы услышать, что ты решилась на пару подобных шагов.

Эта реплика, хотя и была произнесена небрежным тоном, больно отдалась в ушах Калли. Брат поднялся, собираясь уходить, но, остановившись у двери, обернулся:

— Ты думаешь, я останусь в безопасности, если покину эту комнату? Или лучше отсидеться здесь до самой свадьбы?

Она рассеянно покачала головой и ответила:

— Думаю, ты в безопасности. Отправляйся спокойно.

— Ты идешь со мной?

— Нет, спасибо. Я, пожалуй, останусь здесь и помечтаю о жизни, полной приключений.

Бенедикт улыбнулся сестре.

— Замечательно. Дай мне знать, если надумаешь завтра отплыть на Восток.

Калли ответила ему улыбкой.

— Ты узнаешь об этом первым.

Бенедикт вышел, оставив сестру погруженной в собственные мысли.

Так она сидела довольно долго, прислушиваясь к тому, как уезжают гости, как слуги убирают столовую, где проходил ужин, как семейство удаляется ко сну и постепенно затихает дом. Все это время Калли вновь и вновь прокручивала в голове последние минуты разговора с Бенедиктом. А что, если?.. Что, если она осмелится прожить другую жизнь, а не ту до скуки положительную пародию, которую проживает сейчас? Что, если она сделает все то, о чем они говорили с братом? Что удерживает ее от этого решительного шага?

Ей двадцать восемь лет, никто особенно о ней и не думает. В течение многих лет — всех тех лет, когда так важно было сохранить незапятнанное имя, — ее репутация была безупречной. Нет, в любом случае она не собирается заходить слишком далеко и рисковать добрым именем

своей семьи. Она не собирается делать ничего такого, чего не мог бы позволить себе любой достойный представитель общества. Если это могут мужчины, почему она не может себе этого позволить?

Калли подняла руки и вынула шпильки, поддерживавшие ее кружевной чепец. Избавившись от них, она стянула чепец с головы, при этом высвободив несколько длинных локонов, подержала его в руках, повертела, рассматривая со всех сторон и обдумывая свой следующий шаг. Когда она превратилась в женщину, которая носит кружевной чепец? Когда простилась с надеждой на внимание к себе и успех? Когда стала тем человеком, которого заставляет прятаться даже бесцеремонность собственной тетки?

Калли встала, не слишком твердо держась на ногах, и медленно подошла к камину, сминая чепчик в руках. Разговор с Бенедиктом и изрядная порция отличного шерри превратились в головокружительную смесь, которая, казалось, разбудила ранее дремавшие в Калли силы. Она не отрываясь смотрела на тлеющие угли: легкие оранжево-красные сполохи завораживали.

Не медля, она бросила кружевной чепец в камин. Некоторое время ничего не происходило: комок ткани просто лежал в камине, и его девственная белизна резко контрастировала с горячим почерневшим деревом. Калли уже хотела было вытащить наверняка безнадежно испорченный головной убор, как его охватили яркие языки пламени.

Она охнула и машинально отшатнулась, не отводя глаз от горящего кружева. Затем неожиданно для самой себя залилась нервным смехом. Она ощущала себя одновременно ужасно и восхитительно — словно теперь могла делать все, о чем когда-либо мечтала.

Развернувшись, Калли решительно пересекла комнату и подошла к столу графа. Она зажгла свечу, открыла верхний ящик и достала чистый лист бумаги. Некоторое время она смотрела на белое нетронутое пространство листа, потом упрямо мотнула головой и, открыв серебряную чернильницу, стоящую рядом, потянулась за пером.

Окунув тщательно заостренный кончик в чернила, Калли задумалась, а затем написала твердым уверенным почерком: «Поцеловать кого-нибудь».

Написанного ей показалось недостаточно. Слегка прикусив нижнюю губу, она быстрым росчерком добавила одно слово: «*Поцеловать кого-нибудь — страстно*».

Следующие пункты дались ей легко, поскольку они явились прямым следствием ее разговора с Бенедиктом.

«Курить сигары и пить виски.

Ездить верхом в мужском седле.

Фехтовать.

Присутствовать на дуэли.

Стрелять из пистолета.

Играть в карты (в мужском клубе)».

Она уже собралась было ограничиться теми семью пунктами, которые так быстро пришли ей на ум. Несмотря на то что список возник в результате внезапного полета фантазии, Калли

знала, что он отражает нечто большее. Это был шанс наконец быть честной с самой собой. Записать то, что ей так отчаянно хотелось испытать. То, в чем она не признавалась никому — даже себе. Тяжело вздохнув, она еще раз пробежала глазами список, понимая, что следующий пункт записать ей будет особенно трудно.

«Танцевать на балу каждый танец».

Она обожала танцевать. Всегда любила. Еще будучи ребенком, она имела обыкновение тайком сбегать из своей спальни и наблюдать за балами, которые давали ее родители. Там, высоко над бальным залом, она кружилась и кружилась под музыку, воображая, что на ней не ночная рубашка, а красивое шелковое платье, такое же, как на дамах, которые кружились в танце внизу. Именно танцев так ждала Калли, когда пришло время ее первого сезона. Однако по мере того как она становилась старше, приглашения следовали все реже и реже. Теперь она уже и не помнила, когда танцевала в последний раз.

Здесь, в темноте кабинета графа Аллендейла, Калли наконец призналась себе, что все эти балы, которые она провела, развлекаясь разговорами с пожилыми матронами, имели для нее самые негативные последствия. Отвратительно было чувствовать себя девушкой без кавалера, но ей так и не удалось изменить эту ситуацию. За десять лет, что прошли с момента ее дебюта, она настолько привыкла к положению сторонней наблюдательницы, что уже и не представляла, как себя чувствовала бы, оказавшись вдруг в центре внимания. Впрочем, ей это не грозит: она никогда не станет предметом восхищенных взглядов. Сморгнув слезы, она нацарапала на листке следующий пункт: «Войти в число признанных красавиц. Хотя бы однажды».

Это был самый невероятный пункт во всем списке... Калли могла припомнить лишь один мимолетный момент в своей жизни, когда ей почти удалось достичь этой цели. Но размышляя о том давнем вечере, когда маркиз Ралстон позволил ей почувствовать себя красивой, Калли убедила себя, что таковой он ее не считал. Просто повел себя как мужчина, который сделал все, что мог, чтобы утешить молоденькую девушку, которая готова была разрыдаться, спрятавшись в зарослях зеленого лабиринта. Но в тот момент он буквально заставил Калли почувствовать себя красавицей. Почти императрицей. Теперь ей вновь хотелось испытать те ощущения, хотелось вновь почувствовать себя Кальпурнией.

Впрочем, это, конечно же, было невозможно. Совершенно глупая попытка.

Вздохнув, Калли встала из-за стола, аккуратно сложила листок и засунула за корсаж платья, потом, задув свечу, подошла к двери, и уже собиралась выйти в коридор и подняться наверх, когда услышала снаружи шорох — тихий и непонятный.

Осторожно приоткрыв дверь — на маленькую щелочку, — Калли, щурясь, взгляделась в полутемный холл. Через приоткрытую дверь можно было расслышать тихий смех.

— Ты так красива сегодня. Совершенна. Настоящий Ангел Аллендейл.

— Ты и должен это говорить... чтобы польстить своей невесте.

— Моей невесте. — Благоговение, с которым произносились эти слова, казалось почти ощутимым. — Моя будущая герцогиня... моя любовь...

Калли поняла, что в полутемном холле задержались Марианна и Ривинггон, и на мгновение замерла. Что же ей теперь делать? Может, тихо закрыть дверь и дожидаться, когда они уйдут? Или сделать вид, что случайно наткнулась на них, и положить конец тому, что определено

было любовным свиданием?

Ее мысли прервал краткий возглас.

— Нет! Нет! Нас могут застать!

— И что тогда? — приглушенно засмеялся мужчина.

— Полагаю, в этом случае вам придется жениться на мне, ваша светлость.

У Калли от удивления едва не отвисла челюсть: в голосе сестры слышалась неприкрытая чувственность. Когда же в ее маленькой сестренке вдруг проснулась женщина?

Ривингтон застонал в темноте.

— Что угодно, лишь бы ты побыстрее оказалась в моей постели.

Теперь уже засмеялась Марианна. А потом воцарилось молчание, прерываемое лишь нежными звуками поцелуев и шуршанием шелка.

Калли открыла рот от изумления. Да, ей определенно следует закрыть дверь.

Так почему же она этого не делает?

Потому что это несправедливо.

Как долго она еще сможет удовлетворенно стоять в сторонке, в то время как младшая сестренка будет жить той жизнью, которой так жаждала Калли? Марианна выйдет замуж, родит детей, будет заниматься домом и стареть в объятиях любящего мужчины, а Калли так и останется старой девой и всю жизнь проведет здесь, в Аллендейл-Хаусе.

Пока Бенедикт не найдет себе жену. Тогда ей придется отправиться в деревню. Одной.

Калли сдержала слезы, подавив жалость к себе и зависть счастью Марианны. Она постаралась осторожно прикрыть дверь кабинета, чтобы не мешать любовникам, но, прежде чем успела это сделать, Марианна, задыхаясь, произнесла:

— Нет, Рив. Мы не можем. Моя матушка высечет нас обоих кнутом, если мы лишим ее возможности пышно отметить нашу свадьбу.

Ривингтон тихо простонал.

— У нее ведь есть еще двое детей.

— Да, но... — Последовала пауза, и Калли, даже не видя лица сестры, могла догадаться, о чем она думает: шансов мало, что кто-то из них даст ей возможность устроить еще одну свадьбу.

— Бенедикт женится. — В голосе Ривингтона прозвучала веселая нотка. — Он просто тянет до последнего.

— Я переживаю не из-за Бенедикта:

— Мари, мы это уже обсуждали. Ей всегда будут рады в Фокс-Хейвенс.

От возмущения Калли едва не выдала себя, ведь Ривингтон говорил о своем родовом поместье. Без сомнения, они говорят о ней. Как они смеют обсуждать ее судьбу? Словно она сирота, о будущем которой необходимо позаботиться. Словно она незамужняя девица, у которой нет никаких шансов.

Но ведь так оно и есть.

Калли прикусила губу.

— Из нее получится замечательная тетушка, — добавил Ривингтон.

«Великолепно. Он уже передает будущих наследников на попечение незамужней тетки».

— Из нее могла бы получиться замечательная мать, — сказала Марианна, и эти слова, произнесенные прочувственным тоном, вызвали слабую улыбку на лице Калли. Она попыталась не обращать внимания на прошедшее время в этой реплике, а Марианна добавила: — Как бы мне хотелось, чтобы у нее было то, что есть у нас. Она этого заслуживает, как никто другой.

Ривингтон вздохнул:

— Заслуживает. Но боюсь, что только сама Калли может изменить собственную жизнь. Если она останется такой... — он замолчал, подыскивая слово, и Калли вся обратилась в слух, боясь даже дышать, чтобы не пропустить ни звука, — пассивной, у нее никогда не будет ничего подобного.

Пассивной?

Калли представила, как Марианна согласно кивает.

— Калли необходимо приключение. Впрочем, она никогда на него не решится.

Последовала довольно долгая пауза; в словах сестры и ее жениха не было никакого злорадства, но все же они болезненным эхом отозвались в сердце Калли. И вновь непрошеные слезы повисли на ее ресницах.

— Возможно, ты и сама не возражала бы против небольшого приключения, моя красавица. — В голос Ривингтона вновь вернулась открытая чувственность, на которую Марианна ответила довольным хихиканьем.

Этого Калли уже не могла вынести и бесшумно прикрыла дверь, заглушая шепот счастливой парочки.

О Боже! Если бы так же просто она могла забыть то, что сказал герцог!

«Пассивной». Какое ужасное слово! Какое ужасное чувство! Пассивная, заурядная, несмелая, обреченная на скучное, инертное, лишенное всякого интереса прозябание. Калли глотала слезы, прислонившись лбом к прохладной дубовой двери.

Она не хотела становиться такой женщиной, о которой они говорили. Она никогда и не собиралась становиться такой, однако отчего-то получилось именно так... В какой-то момент она, даже не осознав этого, сбилась с пути и неожиданно для самой себя выбрала эту спокойную и скучную жизнь, совершенно забыв о том, что жизнь Кальпурнии Аллендейл

может быть совсем другой.

И вот теперь ее младшая сестра готова погубить свою репутацию, а Калли даже ни разу не целовали.

Этого более чем достаточно, чтобы заставить старую деву напиться.

Нет, она уже достаточно выпила сегодня.

Этого более чем достаточно, чтобы заставить старую деву действовать.

Сейчас. Сегодня ночью.

Калли пригладила непослушный локон и тут же вспомнила, что на ней больше нет кружевного чепца.

Сегодня ночью. Она начнет с самого трудного пункта. С пункта, который станет началом этого нового, смелого, неведомого Калли пути.

Она снова глубоко вздохнула, распахнула дверь кабинета и шагнула в полутемный холл Аллендейл-Хауса, не заботясь больше об уединении Марианны и Ривингтона. Она даже не заметила, что молодые люди уже ушли.

В любом случае у нее нет на них времени, думала Калли, торопливо поднимаясь по широким мраморным ступеням в свою спальню. Она должна переодеться.

Глава 3

Калли смотрела вслед отъезжавшему наемному кебу, совершенно не представляя, что делать дальше.

Цоканье подков затихло вдали, и на темной улице воцарилась такая тишина, что девушка услышала громкий стук собственного сердца. Кровь прилила к голове, и Калли судорожно вздохнула. Нужно было начать с виски. И определенно не стоило пить так много шерри.

Если бы она проявила приличествующую леди умеренность, то уж точно не стояла бы одна ночью перед домом одного из самых известных повес Лондона.

Господи! О чем она только думала?

Несколько секунд Калли размышляла, не повернуть ли обратно, но вслед за этой мыслью пришло понимание того, что ее репутация будет основательно подпорчена, если о ее побеге станет известно.

— Бенедикт ответит за это своей головой, — пробормотала она себе под нос, ниже опуская капюшон плаща на лицо. — И Марианна тоже.

Конечно, ни Бенедикт, ни Марианна не заставляли ее садиться в наемный экипаж и подвергать немалой опасности не только свое доброе имя, но и саму жизнь. Она сама приняла это решение.

Глубоко вздохнув, она признала правду: Кальпурния Аллендейл поставила себя в исключительно затруднительное положение, и ее репутация в любую минуту может быть

окончательно и бесповоротно погублена. Единственный шанс выбраться из этой ситуации без потерь — это оказаться в Ралстон-Хаусе. Она поморщилась от такой мысли.

Ей придется войти в дом. Нельзя провести остаток ночи на улице. Нужно войти и попросить дворецкого найти кеб или предоставить ей экипаж хозяина. Если все пройдет гладко, то через час она окажется в своей постели. Он, несомненно, обязан ей помочь. Ведь она же, в конце концов, леди.

А что, если дверь откроет Ралстон?

Калли решительно отвергла эту мысль. Во-первых, маркиз вряд ли сам пойдет открывать дверь незваному гостю, а во-вторых, вероятность, что в этот час маркиз окажется дома, ничтожна: скорее всего он у какой-нибудь своей очередной возлюбленной. В голове у нее промелькнуло видение десятилетней давности: высокий мужчина обнимает потрясающе красивую женщину.

Да. Она совершила ужасную ошибку. Необходимо ретироваться как можно скорее.

Калли распрямила плечи и подошла к внушительной двери Ралстон-Хауса. Она едва опустила ручку дверного молотка, как большая дубовая дверь распахнулась и показался пожилой слуга, который, похоже, совсем не удивился, увидев молодую женщину, стоящую на пороге. Сделав шаг в сторону, он позволил гостье войти и закрыл дверь. Калли быстро окинула взглядом теплый уютный холл старинного лондонского особняка, служившего домом нескольким поколениям маркизов Ралстонов.

Она машинально начала стягивать капюшон плаща, но тут же сообразила, что все получится гораздо проще, если ее не узнают. Опустив руку, она повернулась к слуге:

— Благодарю вас.

— Прошу, миледи. — Дворецкий коротко, но уважительно поклонился и медленно двинулся к широкой лестнице, ведущей на верхние этажи здания. — Не угодно ли следовать за мной?

«Следовать куда?» Калли быстро оправилась от изумления.

— О, я не собиралась... — Она умолкла, не зная, как закончить начатую фразу.

Он остановился у подножия лестницы.

— Конечно, нет, миледи. Никакого беспокойства. Я просто провожу вас к месту вашего назначения.

— Моего... моего назначения? — Калли в нерешительности остановилась, явно смущенная.

Дворецкий негромко кашлянул, прочищая горло.

— Пожалуйста, наверх, миледи. Их светлость сейчас там.

Во взгляде дворецкого промелькнуло любопытство, словно он сомневался в ее умственных способностях. После недолгой паузы он начал подниматься на второй этаж.

Калли несколько секунд озадаченно смотрела в спину поднимавшемуся по лестнице слуге, затем ее глаза широко раскрылись. Боже правый! Он принял ее за куртизанку. Шокирующая мысль быстро сменилась другой — дворецкий принял ее за любовницу Ралстона. И это означало, что маркиз здесь. В доме.

— Я не... — Она умолкла.

— Конечно, нет, миледи. — Он произнес эти слова со всем возможным уважением, но у нее возникло впечатление, что старик уже бесчисленное число раз и от бесчисленного количества женщин слышал подобные возражения.

Она должна бежать.

— Миледи? — В слове, произнесенном вполне почтительно, звучал невысказанный вопрос: собирается ли Калли следовать за ним?

Это ее шанс. Пусть он станет ее самой большой ошибкой, но ведь именно на этот шанс она надеялась, когда тайком выскользнула из дома и остановила кеб. Она хотела увидеть Ралстона, доказать, что у нее хватит смелости отважиться на приключение, и вот она здесь — и ее цель в пределах досягаемости.

Она сглотнула, молча глядя на старика. Прекрасно. Она последует за ним. И попросит Ралстона помочь ей добраться до дома. Это будет неловко, но он не откажет в помощи даме. Он должен помочь. Она сестра пэра Англии, а Ралстон — дворянин и, безусловно, джентльмен.

Она на это надеялась.

Хотя, возможно, это и не так. При мысли об этом ее пронзило возбуждение.

Она отбросила эту мысль, мысленно похвалив себя за то, что сообразила переодеться в самое выигрышное платье, перед тем как отправиться в эту поездку. Не то чтобы Ралстон увидит шелковый наряд лавандового цвета под обычным черным дорожным плащом — у нее не было абсолютно никакого намерения раскрывать маркизу свою личность, только в самом крайнем случае, — но осознание того, что на ней ее самое любимое платье, придало Калли толику уверенности, когда она, приподняв юбки, ступила на первую ступеньку лестницы.

Поднимаясь, Калли различила приглушенные звуки музыки, которые становились громче, пока она, следуя за дворецким, шла по длинному, слабо освещенному коридору. Слуга остановился перед большой дверью красного дерева: именно оттуда доносилась музыка. На короткое мгновение любопытство победило охватившую Калли нервозность.

Дворецкий дважды постучал, и на фоне музыки прозвучало твердое, ясное «войдите». Слуга распахнул дверь, но не переступил порог, а сделав шаг в сторону, уступил дорогу даме. Непроизвольно задержав дыхание, Калли робко вошла в комнату.

Дверь за ней закрылась. Окутанная полумраком и звуками музыки, она оказалась в логове льва.

Тусклый огонь нескольких свечей разливался по помещению спокойным, интимным светом. Это была самая типичная мужская комната, которую доводилось видеть Калли. Она была отделана темным деревом в полном разнообразии сдержанных коричневых оттенков. Стенные панели, затянутые темно-красным шелком; пол, покрытый огромным ковром, привезенным не иначе как с Востока, мебель, сплошь массивная и внушительная, — все убранство производило впечатление солидности и уверенности. Два огромных книжных шкафа почти полностью закрывали две стены. У третьей стены стояла большая палисандровая кровать, задрапированная темно-синей тканью.

Калли нервно сглотнула, отводя глаза от столь интимного предмета обстановки, и обратила

взгляд на хозяина дома, сидевшего за фортепиано в дальнем углу комнаты, спиной к двери. Калли никогда не представляла фортепиано вне консерватории или бального зала, а уж видеть этот инструмент в спальне... Когда она вошла, Ралстон, не отрываясь от инструмента, поднял руку, предлагая гостю воздержаться от каких-либо реплик, которые могли помешать его игре.

Грустная и мелодичная пьеса, которую он наигрывал, была исполнена такого таланта и чувства, что Калли тотчас была очарована этим сочетанием. Она молча стояла, не в силах отвести глаз от его загорелых мускулистых рук. Рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны, и сильные пальцы Ралстона быстро и умело касались клавиш.

Последние аккорды музыкального отрывка еще звучали в стенах спальни, а Ралстон уже развернулся к двери, и стали видны его длинные мускулистые ноги в обтягивающих бриджах и высокие, до колен, сапоги для верховой езды. Распахнутая рубашка открывала взгляду Калли гладкую кожу его груди, а когда он выпрямился, расправив плечи, стало заметно, как взбугрились под тонкой тканью мускулы.

Когда маркиз увидел вошедшую Калли, то лишь легкий прищур глаз выдал его удивление. Впрочем, в полумраке спальни это было едва заметно, и, может, он просто хотел получше рассмотреть гостью. Вот теперь она действительно обрадовалась, что не сняла капюшон. Ралстон встал и спокойно сложил руки на груди.

Неопытный взгляд расценил бы эту позу как выражение безразличия, но Калли провела не один год, больше наблюдая за жизнью лондонского общества, чем участвуя в ней, и поэтому поза мужчины несколько насторожила ее. Ей показалось, что он вдруг напрягся, мускулы его рук неожиданно вздулись, свидетельствуя о недюжинной силе. Похоже, маркиз вовсе не обрадовался неожиданному визитеру — по крайней мере женщине.

Калли открыла было рот, собираясь извиниться за свое вторжение, но прежде чем успела произнести хоть слово, заговорил хозяин:

— Я должен был догадаться, что тебя не устроит прекращение наших отношений. Хотя, признаюсь, удивлен, что у тебя хватило смелости нанести мне визит. — Калли от удивления закрыла рот, а он продолжил холодно и решительно: — Я не хотел лишних сложностей, Настасия, но, вижу, ты не можешь принять моего решения. Все кончено.

Боже милостивый! Он принял ее за отвергнутую любовницу! Пусть даже она предстала перед ним не как полагается женщине знатного происхождения — без приглашения, глубокой ночью появилась на пороге его дома, — но все равно это уже слишком! Нужно немедленно развеять его заблуждение.

— Тебе нечего сказать, Настасия? Это не очень на тебя похоже, не так ли?

И вновь Калли промолчала — ведь для этого требовалось гораздо меньше смелости, чем для того, чтобы открыться этому импозантному мужчине.

Маркиз вздохнул с раздражением, определенно вызванным молчанием своей гостьи.

— Полагаю, я был более чем щедр, разрывая наше соглашение. У тебя остаются дом, драгоценности, наряды — я дал тебе вполне достаточно, чтобы в самом выигрышном свете предстать перед следующим покровителем, не правда ли?

Калли охнула, возмущенная тем, как грубо и презрительно он сообщает о завершении любовных отношений.

Ее реакция вызвала лишь надменный смешок маркиза.

— Не стоит разыгрывать из себя падшего ангела. Мы оба знаем, что наивность тебя покинула уже давно. — Когда он отвергал женщину, его тон был совершенно холодным и равнодушным.
— Выход ты найдешь сама.

Он повернулся к ней спиной, сел за фортепиано и снова начал играть.

Калли никогда бы не подумала, что сможет пожалеть куртизанку. Они существовали за пределами светского общества, хотя, как правило, пользовались благосклонностью аристократов. Однако она не могла не почувствовать себя оскорбленной за эту конкретную женщину. А ведь она считала Ралстона лучшим представителем мужской породы!

Калли стояла, яростно сжав кулачки и гадая, как же следует поступить. Она знает, что должна сделать. Немедля покинет этот дом и вернется к себе. Но желала она совсем не этого.

А хотелось ей преподать этому мужчине урок. И нешуточный гнев придал Калли храбрости, заставив остаться.

Не оглядываясь, Ралстон спокойно произнес:

— Прошу тебя не делать эту ситуацию еще более неловкой, Настасия.

— Боюсь, что эта ситуация просто обречена стать еще более неловкой, милорд.

Маркиз вскинул голову и резко вскочил с табурета. Если бы Калли не была так раздражена, такая реакция ее бы позабавила.

— Понимаете, я не та, за кого вы меня, очевидно, приняли.

Стоило отдать должное нервам маркиза: его изумление почти мгновенно сменилось сдержанным спокойствием.

— В самом деле, вы не она, мисс... — Маркиз сделал паузу, ожидая, что она назовет себя. Последовало довольно продолжительное молчание, и наконец он произнес: — Похоже, у вас есть преимущество передо мной. Могу я вам как-то помочь?

— Я на это надеялась, однако, после того как увидела, как вы обращаетесь со своими женщинами, предпочту не оказываться в числе благодетельствованных вами.

Темная бровь Ралстона дернулась и надменно поползла вверх. Калли восприняла это как сигнал к бегству. Не говоря больше ни слова, она резко развернулась и схватилась за дверную ручку, но не успела она и на четверть дюйма приоткрыть дверь, как большая сильная рука возникла над ее плечом и легла на дверную панель, закрывая выход. Она дернула за ручку обеими руками, но дверь даже не шелохнулась.

— Прошу вас, — произнесла она почти шепотом, — отпустите меня.

— Вы говорите так, словно это я вас сюда привел, миледи. Совсем наоборот. Это вы вступили в мои владения. Вам не кажется, что вы должны оказать мне любезность и назвать свое имя?

Он произнес эти слова очень тихо, но его дыхание коснулось краешка ее капюшона и Калли охватила паническая дрожь. Он был в нескольких дюймах от нее — еще немного, и они коснутся друг друга. А может, это уже произошло, ведь она всей своей кожей ощущала тепло

его тела. Калли уставилась на дверную ручку, гадая, как же выпутаться из этой ситуации.

Она начала этот вечер как Кальпурния. Теперь ей уже нельзя было останавливаться.

— Мы... — Калли прочистила горло. — Мы знакомы, милорд, хотя и не были представлены.

— Трудно рассчитывать, что я узнаю вас закутанной в этот плащ.

Он слегка потянул за край накидки, и кончики его пальцев неосторожно коснулись тыльной стороны ее ладони. Почувствовав прикосновение, девушка коротко и резко втянула воздух. Его тон стал мягче, в нем появились просительные нотки.

— Ну же, неужели вы действительно думаете, что я позволю вам уйти, так и не узнав, кто вы такая? Простите, но, кажется, вы и так зашли слишком далеко.

Он прав. Глубоко вздохнув, она отпустила дверную ручку и повернулась к маркизу. Тот, сняв руку с двери, сделал шаг назад, и Калли, немного нервно скинув капюшон, открыла лицо. Ралстон внимательно смотрел на нее, словно пытаясь вспомнить, где же видел эту женщину. Через минуту он узнал ее и отступил еще на шаг, не в силах сдержать изумление, отразившееся на его лице и прозвучавшее в голосе.

— Леди Кальпурния?

— Она самая. — Калли закрыла глаза, щеки ее горели; она больше никогда не выйдет из дома.

Он выдохнул с веселым смешком.

— Признаюсь, никогда бы не подумал, что вы можете оказаться в роли моей полуночной гостьи. С вами все в порядке?

— Могу заверить в этом, хотя у вас могло сложиться иное впечатление.

— В таком случае простите мне мой вопрос, но что вы делаете здесь? — До него вдруг окончательно дошло, где именно они ведут этот странный разговор. — Это не самое приличное место для леди. Предлагаю перенести нашу беседу в более... приемлемое место.

Он махнул рукой, будто пытался закрыть спальню от ее взгляда, затем подошел к двери и распахнул ее.

Совершенно не заинтересованная в том, чтобы затягивать ужасную встречу, Калли осторожно отступила в сторону, стараясь насколько возможно увеличить дистанцию, образовавшуюся между ними.

— Ах, оставьте, милорд. Думаю, что вообще нет необходимости продолжать этот разговор. Я оказалась в Ралстон-Хаусе в силу весьма... специфических обстоятельств, и, полагаю, для нас обоих лучше забыть о том, что произошло. Надеюсь, для вас это не слишком сложно.

Возникло неловкое молчание, но Ралстон не собирался нарушать его, обдумывая слова девушки. Во время затянувшейся паузы Калли не осмеливалась взглянуть на него, но маркиз сразу заметил, как нервничает его гостья. Уже скоро на смену изумлению и легкой досаде пришло любопытство, и маркиз заговорил, небрежно прислонившись к дверному косяку:

— Я в этом не уверен, миледи. Вопреки вашему мнению обо мне я не так легко забываю женщин, которые навещают меня в моей спальне. — Ее щеки вновь загорелись румянцем, а он

продолжал: — Что привело леди Кальпурнию Хартуэлл в мой дом посреди ночи? Честно говоря, мне кажется, такие экстравагантные поступки совершенно не в вашем духе.

Она с трудом попыталась найти ответ.

— Я... была... поблизости.

— Среди ночи?

— Да. Я оказалась... на улице... и... мне необходимо было... добраться домой.

— Как вы оказались вблизи моего дома и без экипажа?

В его голосе прозвучало небрежное любопытство, и это заставило ее занервничать.

— Я предпочла бы не говорить на эту тему, — ответила Калли и отвела взгляд, мысленно умоляя его не настаивать. Возникла короткая пауза, и девушка даже подумала, что маркиз удовлетворился ее уклончивым объяснением.

Она ошибалась.

Ралстон с некоторым вызовом скрестил руки на груди и произнес с шутливым недоверием:

— И вы, естественно, решили, что постучаться в мою дверь гораздо безопаснее, чем сесть в ближайший наемный кеб.

— В самом деле, милорд. Ведь вы же джентльмен.

Ралстон фыркнул и хитро усмехнулся. Калли бросила на него возмущенный взгляд и воскликнула:

— Вы мне не верите?

— Ни единому слову. — Он окинул ее пронизательным взглядом голубых глаз. — Почему бы вам не поведать мне правду?

Калли вновь опустила глаза, отчаянно пытаясь придумать хоть что-нибудь, что поможет ей выпутаться из этой щекотливой ситуации.

Он, казалось, прочитал ее мысли.

— Леди Кальпурния.

— Я предпочла бы, чтобы вы называли меня Калли, — торопливо произнесла она.

— Вам не нравится ваше имя? — В его голосе слышалось ленивое любопытство.

Не поднимая глаз, она отрицательно покачала головой.

— Калли... — Он произнес ее имя низким, проникновенным голосом, в котором слышался откровенный соблазн; таким тоном — в этом она была уверена — он обращался к женщинам, когда хотел чего-то добиться от них. Она несколько бы не удивилась, если бы узнала, что это всегда срабатывало. — Зачем вы здесь?

И тогда — может, от храбрости, или от трусости, или под воздействием выпитого шерри — она решилась ответить ему. В конце концов, хуже уже просто не могло быть.

Еле слышно Кальпурния Хартуэлл прошептала:

— Я пришла попросить вас поцеловать меня.

Подобного ответа маркиз никак не ожидал. На мгновение ему показалось, будто он ослышался, однако малиновый румянец, заливший лицо гостьи, убедительно доказывал обратное — леди Кальпурния Хартуэлл только что сделала ему совершенно неприличное предложение.

Вечер начинался вполне безобидно. Ралстон ответил отказом на все приглашения, пообедал с братом и сестрой, потом удалился в свою спальню, надеясь, что приватная обстановка его убежища и фортепиано позволят ему отвлечься. В конце концов, это действительно возымело эффект, и он совершенно отдался музыке.

Но только до того момента, когда стук в дверь возвестил о появлении гостьи. Он внимательно посмотрел на нее. Девушку нельзя было назвать дурнушкой: слегка пухленькая, вроде бы самая обыкновенная, — но Ралстон предположил, что это впечатление возникает скорее из-за ее наряда — скромного черного плаща. У нее пухлые губы, безупречная кожа и большие прелестные глаза, сверкающие эмоциями. Прежде чем вернуться к обсуждаемому вопросу, он на мгновение задумался, пытаясь определить, какого они цвета.

Очевидно, она впервые решилась совершить такой смелый, такой рискованный поступок, ибо едва могла дышать от неловкости. Леди Кальпурния Хартуэлл, которую он знал в основном понаслышке, никогда не оказывалась в центре внимания на балах и званых ужинах и являла собой чистейший образец «девушки у колонны».

Сегодня, вне всякого сомнения, она таковой не была.

Ралстон спокойно, почти равнодушно разглядывал девушку — благодаря многолетнему опыту он умел скрывать свои мысли. Калли упорно не хотела встречаться с ним взглядом: то изучала свои крепко сцепленные руки, то осторожно посматривала на дверь, словно оценивая шансы на побег. И Ралстон вдруг ощутил прилив сочувствия к этой девушке, которая, очевидно, оказалась в ситуации, в которую никоим образом не должна была попадать.

В этой ситуации он мог бы повести себя, как и подобает джентльмену: не задавая лишних вопросов, предложить экипаж и, попрощавшись, забыть обо всем, что произошло этим вечером, — но Ралстон чувствовал, что, несмотря на явную нервозность девушки, в глубине души она хочет довести эту игру до конца, и маркизу стало интересно, насколько далеко осмелится зайти его незваная гостья.

— Зачем?

Калли широко раскрыла глаза, услышав этот вопрос; на мгновение их взгляды встретились, но она вновь опустила ресницы.

— Ми... милорд? — запинаясь, произнесла она.

— С чего вдруг такая просьба? Нет, я, конечно, польщен, но вы же не можете не признать, что все это несколько странно.

— Я... я не знаю.

Маркиз медленно покачал головой — хищник вышел на охоту.

— Это, моя дорогая, неправильный ответ.

— Вам не следует так ко мне обращаться. Это слишком фамильярно.

Уголки рта приподнялись в слабой улыбке.

— Вы находитесь у меня в спальне, просите поцеловать вас. Позволю себе предположить, что вы уже несколько вышли за границы приличий. И я вновь спрашиваю вас: зачем?

Она вновь прикрыла глаза, ее окатила волна смущения. На мгновение ему показалось, что Калли так и не ответит. Но тут она расправила плечи, сделала глубокий выдох и сказала:

— Меня еще никогда не целовали. Я подумала, что время пришло.

Эти слова слегка шокировали его, но в них не было ни мольбы, ни жалости к себе самой. Они были настолько честными и были произнесены настолько буднично, что маркиз не мог не восхититься ее смелостью. Английской девушке нелегко решиться на такое признание.

— Почему именно я?

Казалось, признание придало ей уверенности, и девушка ответила сразу же, словно констатировала очевидное:

— Вы отъявленный повеса. Я слышала, что о вас говорят.

— О? И что же обо мне говорят? — Румянец залил щеки Калли, и она снова потупила взгляд, но он продолжал настаивать: — Леди Кальпурния, какие слухи вы имеете в виду?

Она негромко откашлялась, прочищая горло.

— Я... я слышала, что вы якобы оставили некую полуобнаженную виконтессу в зимнем саду и, спасаясь от гнева ее супруга, вынуждены были бежать через окно.

— Это преувеличение.

Она посмотрела ему в глаза:

— А как насчет дочери викария, которая последовала за вами через весь Девоншир, решившись пожертвовать своей репутацией?

— Где вы это слышали?

— Поразительно, чего только не наслушаешься на балу, особенно если тебя почти не замечают.

— Давайте сразу проясним: эта девица так и не нагнала меня. Более того, насколько мне известно, она не так давно вышла замуж и, кажется, вполне счастлива.

Калли непроизвольно хихикнула при этих словах, но тут же осеклась, когда он добавил:

— Принимая во внимание все эти сплетни, кто скажет, что я не осмелился даже поцеловать вас?

— Никто. Но вы действительно не осмелитесь.

— Откуда такая уверенность?

— Я просто знаю.

Ралстон услышал самоуничижение в ее голосе, но сделал вид, будто ничего не заметил.

— Но почему именно сейчас? Почему не дождаться, когда появится мужчина, которого вы... к которому вы, возможно, испытаете сильное чувство?

Девушка коротко рассмеялась.

— Милорд, если этот мужчина когда-то и собирался появиться, боюсь, он давно сбился с пути. Сэр, мне двадцать восемь лет, и я поняла, что очень устала ждать.

— Возможно, вам стоило бы проявить сегодняшнюю смелость на каком-нибудь светском мероприятии? — предположил он. — Признаюсь, миледи, на самом деле вы гораздо интересней, чем кажетесь, а интерес — это та искра, которая зажигает желание.

Его слова достигли своей цели, и Калли вновь покраснела. Ралстон не мог не признать, что испытывает удовольствие от такого неожиданного поворота событий. В самом деле, это было именно то отвлечение, которое ему было необходимо в свете предстоящего представления Джулианы обществу.

И вслед за этой мыслью тотчас возникла другая.

Леди Кальпурния Хартуэлл — это отличное решение его проблемы. И судьба привела ее к порогу его дома — ну ладно, пусть чуть дальше, чем к порогу, — именно в тот день, когда объявилась его давно потерянная сестра. Ралстон почувствовал огромное удовлетворение.

Он поцелует ее. Но потребует за это плату.

— Мне хотелось бы узнать, готовы ли вы пойти на сделку.

Калли чуть настороженно посмотрела на него.

— На сделку? — Она отступила на шаг, немного увеличив дистанцию между ними. — Какого рода сделку?

— Ничего такого, о чем вы, возможно, подумали. Понимаете, оказывается, у меня есть сестра.

Она широко раскрыла глаза.

— Сестра, милорд?

— Меня и самого весьма удивил этот факт.

Ралстон кратко описал ей события прошедшего дня: приезд Джулианы, решение представить ее обществу и, как следствие, необходимость найти девушке компаньонку или наставницу, но обязательно с безупречной репутацией, чтобы облегчить неожиданно обретенной сестре выход

в свет.

— Поэтому мне представляется весьма удачным ваше появление в моем доме нынешней ночью. Вы идеально подходите для этой цели. Конечно, при условии, что у вас не войдет в привычку наносить по ночам визиты неженатым мужчинам.

Калли застенчиво рассмеялась.

— Нет, милорд. Думаю, вы останетесь единственным.

Он знал, что Калли говорит правду, и пообещал себе, что при следующей встрече все же постарается выяснить, что именно сподвигло ее на этот ночной визит.

— Надеюсь, что так и будет, — во всяком случае, пока Джулиану не представят свету.

— Я еще не согласилась на вашу просьбу.

— Но согласитесь. — В его голосе звучала самоуверенность. — А в качестве платы вы получите поцелуй.

— Простите, — сказала она несколько шутливым тоном, — но вы, должно быть, очень высоко цените свои поцелуи.

Он слегка кивнул, словно признавая справедливость ее слов.

— Хорошо. Назовите вашу цену.

Калли подняла глаза к потолку и на некоторое время глубоко задумалась.

— Пока достаточно поцелую, но я оставляю за собой право в будущем попросить вас об одолжении.

— То есть я буду перед вами в долгу?

Она улыбнулась:

— Рассматривайте это как деловое соглашение.

Маркиз поднял бровь.

— Деловое соглашение, начатое с поцелуя?

— Уникальное деловое соглашение, — уточнила Калли, и ее щеки залил румянец.

— Похоже, вас шокирует собственная смелость, — сказал он.

Она кивнула:

— Сама не знаю, что на меня нашло.

И вновь ее откровенность подкупила его.

— Хорошо, миледи; вижу, вы серьезный оппонент. Я принимаю ваши условия. — Он подошел к ней, и в его голосе послышались соблазняющие нотки. — Скрепим нашу сделку поцелуем?

У Калли перехватило дыхание, она вся напряглась, и даже сердце девушки, казалось, замерло. Ралстон улыбнулся, увидев, как она занервничала, провел пальцем по кончикам ее волос и мягко заправил за ухо непослушный локон. Калли смотрела на мужчину огромными карими глазами, и он неожиданно испытал прилив нежности к этой до сих пор не целованной девушке. Он склонился над ней, двигаясь очень медленно, будто опасался испугать Калли, и вот на одно короткое мгновение его губы коснулись ее губ, но девушка тут же отшатнулась, быстро прикрыв свои губы ладонью.

Он пристально смотрел на нее и ждал, что она скажет, но девушка молчала и Ралстон спросил:

— Я вас напугал?

— Не... нет! — ответила Калли слишком громко. — Нисколько, милорд. И благодарю вас.

Он выдохнул со смешком.

— Боюсь, что ваш опыт не удался. — Маркиз помолчал, на лице Калли появилось выражение замешательства. — Понимаете, когда я соглашаюсь что-то сделать, то делаю это как следует. Это был не тот поцелуй, ради которого вы пришли сюда, моя маленькая мышка.

Калли наморщила носик, услышав столь фамильярное прозвище.

— Не тот?

— Нет.

Ее нервозность усилилась, и она вновь начала вертеть в руках завязки плаща.

— Ну ладно. Это было очень мило. Полагаю, я вполне удовлетворена тем, что вы благородно выполнили свою часть сделки.

— «Очень мило» — это не то, к чему вы должны стремиться, — сказал маркиз, беря ее беспокойные руки в свои, и добавил более проникновенным тоном: — Этот поцелуй не может и не должен удовлетворить вас.

Она коротко дернулась, но Ралстон не отпустил ее, и Калли покорилась. Мужчина привлек девушку к себе, положив ей руки на плечи. Он провел пальцами по ее щеке, и у ночной гостьи остановилось дыхание, а голос превратился в мышинный писк:

— А какой может?

И маркиз поцеловал ее. Поцеловал по-настоящему.

Он прижал Калли к себе и припал губами к ее губам, властно, собственнически, так, как она даже вообразить не могла. Его губы, твердые и теплые, играли с ее губами, соблазняя ее, пока она не начала задыхаться. Ралстон поймал это движение, воспользовался тем, что она приоткрыла губы, и вбежал своим языком между ними, легко касаясь ее губ и кончика языка, пока она наконец не подалась к нему, давая понять, что больше не может выносить этого поддразнивания. Казалось, Ралстон читал ее мысли, и когда Калли уже совсем лишилась сил, он вдруг еще крепче прижал ее к себе, и его язык с уже неприкрытой страстью буквально ворвался в ее рот.

И Калли погибла.

Он проглотил ее, и единственное, что ей оставалось делать, — это обреченно пытаться отвечать на его движения. Казалось, ее руки по собственному желанию поглаживают его широкие плечи и обхватывают сильную мужскую шею. Она робко коснулась языка Ралстона своим языком и была вознаграждена вздохом удовлетворения, раздавшимся глубоко в его горле. Он прижался к ней всем телом, и ее окатила новая волна незнакомого ей жара. Его язык отступил, и она последовала за ним, боясь хоть на мгновение потерять этот удивительный контакт, и тут его губы бесстыдно сомкнулись вокруг ее языка, и он мягко втянул в себя нежную упругую плоть... То, что ощутила Калли, пронзило все ее существо. И внезапно осознание опалило ее.

Он оказался прав. Это был тот поцелуй, ради которого она пришла сюда.

Секунду спустя Ралстон прервал поцелуй, провел губами по ее щеке, коснулся уха и легко прикусил нежную мочку, отчего ее тело пронзила волна удовольствия. Где-то вдали Калли услышала стон и с запозданием поняла, что это стонала она.

Ралстон прижался губами к ее уху и произнес, так что его дыхание превращало слова в ласку:

— Поцелуи не должны полностью удовлетворять тебя.

Он снова коснулся своими губами ее губ и требовательно обхватил их, вновь своими головокружительными ласками прогоняя прочь все ее мысли. И ей хотелось лишь одного: быть ближе к нему, чтобы он обнимал ее крепче. Его жар проглотил ее; его нежные дразнящие губы, казалось, знали все ее секреты.

Когда он оторвался от ее губ, Калли едва держалась на ногах. А затем до нее донеслись его слова, прорвавшиеся сквозь окутавшую ее пелену чувственного тумана.

— Они должны пробуждать желание.

Глава 4

Калли отбросила одеяло и выбралась из постели. Расправив плечи, она пересекла комнату и подошла к стоящему в углу небольшому письменному столу. Девушка положила листок, разгладила смятую бумагу и еще раз внимательно перечитала написанные слова, затем взяла перо и окунула в чернильницу. Она поцеловала мужчину. И страстно.

Быстрым ровным движением она перечеркнула первый пункт жирной черной линией, не в силах сдержать широкой довольной усмешки. Что следующее?

Раздался стук в дверь, и Калли, подняв глаза, увидела в зеркале, как в спальню вошла ее горничная. Заметив суровые складки на лице пожилой женщины, Калли поджала губы, перестав улыбаться. Дверь с глухим стуком затворилась.

— Доброе утро, Анна, — приветливо поздоровалась Калли, быстро засунув листок под томик стихов Байрона.

— Кальпурния Хартуэлл, — медленно произнесла Анна. — Что вы натворили?

Калли, чуть приподняв брови, медленно перевела взгляд с горничной на большой гардероб из великолепного мореного дуба.

— Мне бы хотелось одеться, — непринужденно произнесла она. — Сегодня утром у меня назначена встреча.

— С маркизом Ралстоном?

Калли в ужасе распахнула глаза.

— Откуда ты... Что?.. Нет!

— В самом деле? Мне что-то не верится, учитывая, что внизу человек из Ралстон-Хауса дожидается ответа на письмо, которое только что доставил для вас.

У Калли перехватило дыхание, когда она увидела в руках горничной сложенный вдвое и запечатанный листок бумаги. Девушка встала и приблизилась к горничной.

— Дайте взглянуть.

Анна скрестила руки на массивной груди, спрятав послание.

— Мисс Калли, почему маркиз Ралстон посылает вам записки?

Девушка покраснела.

— Я... я не знаю.

— Вы страшная лгунья. И были такой еще с пеленок. — Анна напоминала собаку с косточкой.

— Вы давно интересовались Ралстоном, мисс Калли, но почему вдруг этот повеса проявил такой интерес к вашей персоне?

— Я... Он не проявил! — Она попыталась придать своему голосу максимум решительности и протянула руку. — Анна, я хочу получить свое письмо.

Горничная улыбнулась и как бы между прочим спросила:

— Прошлой ночью вы были у Ралстона?

Калли вздрогнула, румянец залил ее щеки, и она выпалила:

— Конечно же, нет!

Анна кинула на нее понимающий взгляд.

— Но где-то вы были. Я слышала, как вы перед рассветом тайком пробирались через черный ход.

Калли направилась к гардеробу и открыла дверцы, давая понять, что не собирается развивать эту тему.

— Анна, тот факт, что ты заботилась обо мне с самого моего рождения, не дает тебе права так со мной разговаривать.

— Конечно же, дает.

Воспользовавшись тем, что Калли отвернулась от стола, горничная вытащила из-под книги

спрятанный листок и быстро пробежала глазами.

Услышав, как Анна изумленно охнула, Калли обернулась. Увидев в руке горничной листок, она воскликнула:

— Отдай!

— Калли! Что ты натворила?

— Ничего! — Она выхватила листок, потом, увидев, что Анна смотрит на нее с недоверием, добавила: — Правда ничего. Это всего лишь список.

— Я вижу, мисс Калли, вы уже выполнили один из его пунктов.

— Выполнила. — Калли покраснела.

Анна смотрела на листок, разбирая неровный почерк. Когда горничная с шокированным видом подняла глаза, Калли отвернулась.

— Да, Кальпурния Хартуэлл, вы не теряли времени, взяв то, чего хотели многие годы.

Калли не смогла удержаться от слабой улыбки.

— И ты действительно была с Ралстоном прошлой ночью!

Пылающие щеки Калли были красноречивее слов.

— Я тебе вот что скажу. — В голосе горничной можно было расслышать уважительные нотки.

— Ты единственная девушка из тех, кого я когда-либо встречала, которая составила такой список и собирается его выполнить. — Ее тон изменился. — Впрочем, я удивлюсь еще больше, если через неделю твоя репутация не окажется окончательно загубленной.

— Я буду очень осторожна, — возразила Калли.

Анна покачала головой:

— Если только ты не служишь в военном министерстве, Калли, девочка моя, ты не сможешь осуществить и половины того, что наметила, не погубив свое доброе имя. — Горничная помолчала. — Ты ведь это понимаешь?

Калли коротко кивнула:

— Наверное, это плохо, но почему сегодня утром меня это совершенно не волнует?

— Дай мне это. — Анна забрала у Калли персиковое муслиновое платье и вместо него протянула платье из ярко-зеленого жаконэ.

— А чем тебя не устраивает то, что выбрала я?

— Неужели не понимаешь? Если ты собираешься в Ралстон-Хаус, то наденешь это платье. Тебе очень идет зеленый цвет.

Калли взяла платье, наблюдая, как Анна тщательно выбирает нижнее белье.

— Мы не едем в Ралстон-Хаус.

Анна ничего не ответила, поглощенная инспекцией содержимого гардероба. Горничная лишь молча протянула Калли послание. Дрожащими руками Калли сломала сургучную печать и, испытывая одновременно отчаянное любопытство и страх, прочитала:

«Леди Кальпурния!

Моя сестра будет ждать вас в половине двенадцатого.

Р.»

Теперь пути назад не было.

— Анна, — произнесла Калли, не в силах оторвать взгляд от записки, — мы едем в Ралстон-Хаус.

Сейчас, на следующий день после своего первого визита, Калли вновь стояла на ступенях перед входом в Ралстон-Хаус. На этот раз все было вполне пристойно: при свете дня и в сопровождении горничной. Калли пришла, чтобы встретиться с мисс Джулианой Фиори, загадочной младшей сестрой маркиза.

Хорошо бы Ралстона не оказалось дома — ей совсем не хотелось думать о непременном предстоящем унижении. Конечно, Калли понимала, что в будущем им придется общаться, раз уж она согласилась помочь сестре Гейбриела выйти в свет, но хотелось верить, что хотя бы сегодня ей удастся избежать встречи с этим человеком.

Лакей открыл дверь, за которой в глубине холла с непроницаемым видом стоял Дженкинс. «Пожалуйста, пусть он не узнает меня», — мысленно взмолилась Калли, вглядываясь в грубое морщинистое лицо дворецкого и пытаясь казаться собранной и невозмутимой.

— Леди Кальпурния Хартуэлл к мисс Джулиане.

Калли произнесла эти слова, выпрямившись во весь рост и самым спокойным тоном, на который была способна. Она протянула дворецкому визитную карточку, и тот принял ее с низким поклоном.

— Конечно, миледи. Мисс Джулиана ждет вас. Пожалуйста, следуйте за мной.

Как только Дженкинс повернулся к ним спиной, Калли облегченно выдохнула, стараясь сделать это как можно тише. Она последовала за дворецким по широкому, отделанному мрамором коридору и одарила его поистине царственным кивком, когда тот отступил в сторону, пропуская ее в прелестную гостиную, декорированную в зеленых тонах.

Калли бросила взгляд на стены, затянутые ярко-зеленым шелком, изящную кушетку и кресла из красного дерева, украшенные весьма искусной резьбой и обтянутые великолепными тканями. Легкость комнате придавала замечательная мраморная скульптура — высокая гибкая фигура богини, державшей над головой широкую полосу ткани, которая вздымалась волной позади нее. Калли не могла удержаться и подошла поближе. Ее притягивала спокойная, таинственная улыбка, которая украшала прелестное лицо богини, и плавные изгибы мраморной фигуры. Ее восхитили складки наряда, и Калли протянула руку, чтобы коснуться

скульптуры, в глубине души ожидая, что ощутит гладкую кожу, а не холодный камень. И в этот момент от дверей раздался голос:

— Как она красива, не правда ли?

Услышав это, Калли резко обернулась и охнула. В дверях стоял Ралстон, на его лице сверкала небрежная улыбка. Нет, не Ралстон.

В дверях стоял лорд Николас Сент-Джон, высокий и широкоплечий, с резко очерченными скулами и сверкающими голубыми глазами, как две капли воды похожий на Ралстона, за исключением одного: через правую щеку Сент-Джона тянулся шрам — длинная тонкая, четко очерченная белая полоска резко контрастировала с загорелой кожей и выглядела странно на лице столь безупречного джентльмена. Однако шрам, который должен был портить его красивое лицо, напротив, делал его более привлекательным. Калли бывала свидетельницей того, как добропорядочные светские дамы совершенно теряли разум, когда рядом оказывался Сент-Джон, хотя он, казалось, этого не замечал.

— Лорд Николас, — произнес он с улыбкой, слегка наклонив голову, затем пересек комнату, взял ее руку и низко поклонился.

— Кальпурния Хартуэлл. — Калли сделала книксен.

— Леди Кальпурния, — тепло улыбнулся он, — я вижу, вы уже заметили даму моего сердца. — Николас указал на статую.

— Конечно, ее невозможно не заметить. — Калли обернулась к скульптуре. — Она само совершенство. Кто же ее создал?

Сент-Джон покачал головой, в глазах появился блеск гордости.

— Неизвестно. Я нашел ее на южном побережье Греции несколько лет назад. Несколько месяцев я собирал там мрамор и вернулся домой с таким багажом, что с удовольствием пожертвовал эту красавицу для украшения Ралстон-Хауса на том условии, что мой брат обеспечит ей надлежащее обращение. — Он помолчал, не в силах отвести взгляда от скульптуры. — Я полагаю, это Селена, богиня луны.

— Она выглядит такой умиротворенной.

— Удивительное замечание.

— Понимаете, — робко начала Калли, — легенда о Селене не самая счастливая. Ведь она обречена любить смертного в вечном сне.

Сент-Джон повернулся к ней при этих словах, явно впечатленный.

— Ее собственная вина. Она знала, что Зевса не стоит просить об одолжении. Подобные действия никогда ничем хорошим не кончаются.

— Вполне вероятно, Селене это было прекрасно известно, когда она принимала это одолжение. Могу предположить, что эта статуя изображает счастливую Селену, до того как вмешался Зевс.

— Вы забываете, — ответил Сент-Джон с дразнящим блеском в глазах, что у них с Эндимионом

все-таки родилось двадцать детей, несмотря на его сонное состояние, так что не так уж и несчастна она была в своем положении.

— При всем уважении к вашим словам, милорд, хотелось бы заметить, — возразила Калли, — что выносить и вырастить двадцать детей — это не похоже на самые счастливые обстоятельства. Думаю, вряд ли она казалась бы такой умиротворенной, если бы эта статуя изображала ее в состоянии материнского блаженства.

Сент-Джон громко рассмеялся.

— Исключительно точно подмечено, леди Кальпурния. Основываясь на этом разговоре, могу сделать вывод, что дебют Джулианы должен стать чрезвычайно занимательным... по крайней мере для меня.

— О, конечно, Николас, твоя заинтересованность в этом деле важнее всего.

Калли напряглась, когда в комнате прозвучала эта раздраженная реплика, и ее сердце сильно забилося. Она попыталась сохранить спокойствие, но, даже не оборачиваясь, поняла, что к ним присоединился Ралстон.

Казалось, почувствовав напряжение Калли, Сент-Джон подмигнул ей, затем повернулся к маркизу и произнес, широко улыбаясь:

— Так оно и есть, братец.

Ралстон лишь покачал головой и, повернувшись к Калли, внимательно посмотрел на нее своими пронзительно-голубыми глазами. Легкий румянец окрасил щеки девушки, и она быстро опустила глаза, боясь встретиться с Ралстоном взглядом. Ник сразу заметил возникшую неловкость и поспешил госте на помощь.

— Не стоит так нервничать, Гейбриел. Я просто пытался развлечь леди Кальпурнию в ожидании прихода Джулианы. Где же она?

— Я велел Дженкинсу пока не приглашать нашу сестру. Мне хотелось бы поговорить с леди Кальпурнией до того, как они встретятся. — Он помолчал. — Если позволишь, Ник, наедине.

У Калли бешено заколотилось сердце. Что же такого он собирается сказать ей, чего не должен слышать даже родной брат?

Ник, изящно поклонившись, поцеловал Кальпурнии руку и сказал:

— С нетерпением буду ждать следующей встречи, миледи.

Выпрямившись, он весело улыбнулся Калли и еще раз ободряюще подмигнул.

Она не могла не ответить ему улыбкой.

— И я тоже, милорд.

Ралстон подождал, пока Николас закроет за собой дверь, и, предложив Калли кресло, сел напротив. Продолжая потихоньку осматривать обстановку, Калли отметила, насколько меньше стала казаться мебель — да и сама комната, — словно весь Ралстон-Хаус не был рассчитан на такого крупного мужчину. Она опустила голову, притворяясь, будто рассматривает замысловатый узор паркета, и старательно делая вид, что присутствие Ралстона не производит

на нее никакого впечатления. Глупо, конечно. Такой мужчина не может не производить впечатления.

— Прежде чем вы встретитесь с Джулианой, я бы хотел кое-что уточнить.

Калли почувствовала укол разочарования. Неужели ему так необходимо демонстрировать свое безразличие? Не поднимая головы, она принялась рассматривать свои руки, отчаянно стараясь не вспоминать, что всего несколько часов назад эти руки касались Ралстона. Но как она могла забыть его теплую кожу, его мягкие волосы, его сильные мускулистые плечи — все, до чего дотрагивались ее пальцы. А он казался таким равнодушным.

Калли негромко откашлялась, прочищая горло, и сказала:

— Конечно, милорд.

— Я подумал, что будет лучше, если вы начнете заниматься с Джулианой в Ралстон-Хаусе. Моей сестре нужна некоторая помощь в освоении правил поведения в лондонском свете, и мне не хотелось бы, чтобы она допустила оплошность перед графиней Аллендейл.

Калли широко раскрыла глаза, подняла голову и встретила с ним взглядом.

— Моя матушка никогда не нарушит конфиденциальность уроков вашей сестры.

— К сожалению, даже у стен есть уши.

— Только не у стен Аллендейл-Хауса.

Гейбриел подался вперед, оказавшись совсем близко от Калли, его мышцы взбугрились, натянув ткань сюртука.

— Позвольте мне выразиться яснее. Я настаиваю на этом условии. Джулиана отказывается появляться в обществе и твердит о своем возвращении в Италию. Она, вероятно, доставит мне немало хлопот, прежде чем смирится с тем, что ее новый дом здесь. Ваша матушка и ее ближайшие подруги обладают большим влиянием, для этих женщин отличная родословная и безупречная репутация имеют первостепенное значение. И хотя Джулиана не может похвастаться родословной, восходящей к Вильгельму Завоевателю, а ее репутация несколько подпорчена порочностью нашей матери, все же моя сестра выйдет в лондонский свет и заключит приличествующий нашему имени брак. И я не хочу рисковать ее будущим.

Он произнес все это таким уверенным тоном, словно единственной верной дорогой Джулианы к успеху был именно тот путь, который он для нее наметил. И все же в его голосе слышалась настоятельная просьба. Он был прав: чтобы Джулиана Фиори добилась успеха в обществе, ей понадобится гораздо больше, чем поддержка Кальпурнии Хартуэлл. Сестра Гейбриела — дочь маркизы, погубившей свою репутацию, и итальянского купца, а значит, в глазах светского общества не только не аристократка, но и едва законнорожденная.

Однако Гейбриел, очевидно, не собирался позволять мрачной истории их семейного древа омрачить будущее своей сестры. Тот факт, что братья Сент-Джон взяли на себя обязательство ввести Джулиану в общество, свидетельствовал об их решительности, и Калли, которая сама была готова буквально сражаться за счастье Джулианы, уважала их решение.

— Я рада буду встретиться с вашей сестрой, милорд.

В этой фразе, внешне такой простой, безошибочно слышался определенный подтекст: «Я на вашей стороне».

Ралстон помолчал, наблюдая за ней своим пронизательным понимающим взглядом, и впервые за десять лет она не отвела глаз. Когда мгновение спустя он заговорил, тон его стал более мягким.

— Я не думал, что вы придете сегодня.

На его губах появилось подобие улыбки.

— Признаюсь, милорд, я думала о том, чтобы уклониться от этого визита.

— И все же вы здесь.

Ее щеки порозовели, и она робко склонила голову.

— Мы заключили сделку.

Когда он ответил, голос его звучал тихо и задумчиво:

— Вы правы. Мы это сделали.

Глубокий тембр его голоса вызвал волну жара в теле Калли, и она, нервно кашлянув, сделала вид, будто смотрит на часы на соседнем столике.

— Милорд, думаю, мне пора встретиться с мисс Джулианой. Вы согласны?

Он некоторое время удерживал ее взгляд, словно пытаясь прочитать самые сокровенные мысли. В конечном итоге, как ей показалось, он удовлетворился увиденным. Не сказав ни слова, он встал и вышел из комнаты, чтобы послать за своей сестрой.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на Джулиану Фиори, была не ее красота, хотя она, бесспорно, являлась красавицей — с поразительными голубыми глазами, фарфоровой кожей и копной густых темных волос, ради обладания которыми большинство женщин согласились бы на любые физические муки. И не изящные черты лица или ее мелодичный голос с акцентом, выдававшим в ней уроженку Италии. И даже не ее рост, хотя она была выше Калли и превосходила многих других женщин.

Нет, первое, что бросалось в глаза при взгляде на Джулиану Фиори, была ее искренность.

— Какая глупость — соблюдать строгую очередность чая и молока, когда наливаешь чай.

Калли едва сдержала смех.

— Полагаю, в Венеции вы не придаете такого значения этой церемонии?

— Нет. Это всего лишь напиток. Он теплый. И к чему такое беспокойство? — Джулиана сверкнула улыбкой, и на ее щеках показались ямочки.

— Действительно, к чему? — переспросила Калли, мимоходом задавшись вопросом, обладают ли братья этой девушки такой же очаровательной чертой.

— Не озадачивайтесь. — Джулиана драматическим жестом подняла руку. — Я постараюсь запомнить: сначала чай, потом молоко. Мне не хотелось бы давать повод для новой войны между Британией и континентом.

Калли рассмеялась, принимая от молодой женщины чашку чая, налитого по всем правилам.

— Уверена, парламент выразит вам благодарность за дипломатичность.

Девушки обменялись улыбками, и Джулиана произнесла:

— Итак, случись мне встретить герцога или герцогиню... — Продолжая говорить, Джулиана аккуратно положила на маленькую тарелочку кусочек торта для Калли.

— Что наверняка и случится, — вставила Калли.

— Аллога [4], когда я встречу с герцогом или герцогиней, то должна буду обращаться к ним «ваша светлость». Ко всем остальным лучше всего обращаться «милорд» или «миледи».

— Правильно. По крайней мере ко всем остальным, кто либо обладает дворянским титулом, либо благодаря своему происхождению носит так называемый титул учтивости.

Джулиана склонила голову набок, обдумывая слова Калли.

— Это сложнее, чем приготовление чая. — Она рассмеялась. — Думаю, моим братьям повезло, что я пробуду здесь недолго. Надеюсь, они сумеют быстро восстановить свою репутацию, которую наверняка несколько подмочит их скандальная итальянская сестрица.

Калли ободряюще улыбнулась:

— Чепуха. Вы поставите общество на уши.

Джулиана выглядела озадаченной.

вернуться

4

В таком случае (ит.).

— А как можно кого-то поставить на орган слуха?

Улыбка Калли стала шире, и девушка покачала головой.

— Это всего лишь речевой оборот. Он означает, что вы произведете в свете настоящий фурор.

— Калли понизила голос до заговорщического шепота: — Уверена, что джентльмены настойчиво станут добиваться вашего внимания.

— Как это было с моей матерью? — Голубые глаза Джулианы сверкнули, и она резко мотнула головой. — Нет. Прошу вас, выбросьте идею о моем замужестве из головы. Я никогда не выйду замуж.

— Отчего же?

— А что, если я окажусь точно такой же, как она? — Эти тихие слова заставили Калли промолчать, она не сразу нашлась с ответом, а Джулиана продолжила: — Простите меня.

— Вам незачем извиняться. — Калли коснулась руки девушки. — Могу представить, как тяжело все это.

Джулиана помолчала, не поднимая глаз.

— В течение десяти лет я притворялась, будто моей матери не существует. И теперь обнаружила, что единственная семья, которая у меня осталась, — это ее семья. И эти мужчины... мои братья... — Она умолкла.

Калли внимательно посмотрела на девушку, затем спросила:

— Пока они не кажутся вам вашей настоящей семьей, не так ли?

На лице Джулианы промелькнуло виноватое выражение.

— Неужели это так заметно?

Калли покачала головой:

— Вовсе нет.

— Не думаю, что я им нравлюсь.

Калли решительно качнула головой:

— Исключено. Вы чрезвычайно обаятельная молодая женщина. Мне, например, ваше общество доставляет огромное удовольствие.

Джулиана слегка улыbnулась в ответ и произнесла:

— Николас очень тепло меня принял, но Ралстон... — Она встретилась с Калли взглядом и сказала чуть тише: — Он не улыбается.

Наклонившись вперед, Калли прикрыла рукой руку собеседницы.

— Я бы не стала придавать этому большого значения. Думаю, мне хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать, сколько раз я видела Ралстона улыбающимся.

Джулиана опустила глаза на руку Калли, потом положила свою ладонь поверх ее. Когда их взгляды встретились, Калли увидела в глазах девушки сомнение.

— Я ведь доставляю ему столько хлопот, вам не кажется? Осиротевшая дочь женщины, которая бросила их, вдруг появляется в поисках новой семьи.

Калли понимала, что ей следует закончить этот неуместный разговор: ведь сложности и хитросплетения семейства Ралстон были исключительно их семейным делом, — но не смогла удержаться.

— Не новой семьи. Старой, — поправила она. — Той семьи, частью которой вы всегда были, а теперь вам просто пришлось заявить о своем месте в ней.

Джулиана покачала головой:

— Нет. Они ничего обо мне не знают. И я всего лишь напоминаю им об их злосчастной матери. Она — это единственное, что нас связывает. Я уверена, что, когда Ралстон смотрит на меня, он видит ее. Думаю, он будет счастлив, если через два месяца я уеду.

Несмотря на то что Калли было чрезвычайно любопытно узнать об их матери, она воздержалась от вопросов о женщине, которая бессердечно покинула троих таких замечательных детей, и лишь сказала:

— Возможно, братья пока плохо вас знают, Джулиана, но они обязательно познакомятся с вами получше. И полюбят. Я могу предположить, что они уже кое-что делают для этого. Могу также предположить, что через два месяца вам не позволят уехать. А даже если позволят, надеюсь, что вы передумаете и останетесь.

Сверкающие глаза Джулианы наполнились слезами.

— Семь недель и шесть дней.

Сердце Калли сжалось.

— Честное слово, я провела с вами один день и теперь тоже чувствую себя ответственной за ваше будущее. Думаю, мы с вами подружимся.

Джулиана улыбнулась сквозь слезы. Сделав глубокий вдох, она расправила плечи и смахнула слезы, решив на время забыть о своих сомнениях.

— Вы давно дружите с моим братом?

Калли оцепенела, услышав этот вопрос.

— Дружим?

— Sì [5]. Ясно, что Ралстон очень вас ценит и считает другом. Сегодня утром он с радостью сообщил, что получил ваше согласие взять меня в качестве протеже. Если бы вы не были друзьями, зачем бы вы пришли сюда, рискуя собственным положением, чтобы уберечь меня от промахов и ошибок?

Калли понимала, что не может сказать правду. «Понимаешь, Джулиана, в жизни женщины наступает такой момент, когда она готова на все ради поцелуя». Она помолчала, пытаясь найти подходящие слова; Джулиана неверно истолковала ее молчание.

— Ага, — произнесла прелестная итальянка, и в этом маленьком слове прозвучало осознание, — понимаю. Вы ведь больше, чем друзья, sì?

Калли широко раскрыла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы его... — Джулиана мгновение помолчала, пытаясь точнее выразить свою мысль. — Его innamorata [6]?

— Прощу прощения? — Вопрос закончился сдавленным писком.

— Его любовница, да?

— Джулиана! — Возмущение одержало верх, и Калли, приняв одну из своих самых представительных поз, произнесла тоном настоящей гувернантки: — С гостями не обсуждают возлюбленных, любовниц или какие-то другие интимные вещи!

— Но вы же не просто гостя! — Джулиана выглядела смущенной. — Вы ведь мой друг, не правда ли?

— Конечно. Но и с друзьями также не говорят о таких личных делах!

— Прошу прощения. Я не знала. Я думала, что вы с Ралстоном...

— Ничего подобного! — Слова лились легко, но голос у Калли дрожал. — Мы не любовники. И даже не друзья. Я здесь, чтобы помочь тебе, потому что ты мне нравишься. Мне приятно твое общество. И маркиз Ралстон не имеет к этому никакого отношения.

Джулиана посмотрела Калли прямо в глаза, помолчав немного, затем ответила:

— Мне тоже доставляет удовольствие ваше общество, леди Кальпурния, и я рада, что именно вы будете моей наставницей. — Она подалась вперед, уголок рта слегка изогнулся в озорной улыбке. — Однако, полагаю, есть и другие причины вашего присутствия здесь, помимо доброго ко мне расположения. Иначе с чего бы вы стали так страстно опровергать мое предположение?

Калли широко распахнула глаза и в изумлении открыла рот, но так и не произнесла ни слова.

— Не беспокойтесь. Я умею хранить секреты.

Покачав головой, Калли сказала:

— Но нет никакого секрета! Нечего хранить!

Джулиана улыбнулась еще шире:

— Как вам будет угодно. — Она задумчиво склонила голову. — И все же я сохраню его.

Калли откинулась на спинку кресла и, прищутив глаза, посмотрела на свою ученицу, которая улыбалась словно кошка, съевшая миску сливок.

Подумать только, ведь еще вчера она считала маркиза самым хитрым обитателем Ралстон-Хауса.

Глава 5

Стороннему наблюдателю маркиз Ралстон, вольно развалившийся в огромном кресле элегантной гостиной мужского клуба «Брукс», мог показаться до кончиков ногтей настоящим представителем избалованной аристократии. Ноги в сверкающих сапогах небрежно вытянуты в сторону огромного мраморного камина; галстук ослаблен, но не развязан; волосы искусно растрепаны; полуприкрытые глаза наблюдают, как пляшут на углях языки пламени. В одной руке он небрежно держал хрустальный бокал со скотчем. Небольшое количество янтарной жидкости оставалось без внимания, грозя пролиться на толстый голубой ковер.

В общем, неопытному глазу он мог показаться настоящим лондонским денди — эдаким ленивым и праздным сибаритом. Такое наблюдение, однако, было бы в корне неверным, поскольку небрежная расслабленность маркиза скрывала лихорадочное движение мысли и сдерживаемое разочарование, так что сохранение внешнего спокойствия требовало от Гейбриела довольно значительных усилий.

— Я знал, что найду тебя здесь.

Маркиз оторвал взгляд от огня и увидел брата.

— Если ты пришел, чтобы сообщить о появлении еще одного нашего родственника, то сейчас для этого не самое подходящее время.

— Увы, нас по-прежнему всего трое. Как ни трудно в это поверить. — Ник вздохнул и, подвинув себе кресло, сел рядом с Гейбриелом. — Ты говорил с Настасией?

вернуться

5

Да (ит.).

вернуться

6

возлюбленная (ит.).

Ралстон сделал большой глоток.

— Да.

— А, тогда твое настроение понятно. За несколько дней изменить жизнь, проведенную в распутстве, — задача не из легких.

— Я не собираюсь менять образ жизни, но стану осторожнее.

— Достаточно честно. — Ник улыбнулся и едва заметно кивнул. — Пожалуй, для начала и это неплохо, особенно учитывая твое прошлое.

Ралстон помрачнел еще больше. В течение многих лет после смерти отца он вел достаточно предосудительный образ жизни, прочно закрепив за собой репутацию повесы и распутника, которая, впрочем, с некоторых пор стала более скандальной, чем того заслуживала в действительности.

— Она очень похожа на нашу мать.

При этих словах Гейбриел обернулся к брату.

— Очень надеюсь, что они похожи только внешне. В противном случае нам лучше отправить ее в Италию прямо сейчас. Я и так боюсь, что будет достаточно сложно справиться с репутацией

нашей матушки.

— К счастью, ты богат и знатен. Думаю, что Джулиана не будет испытывать недостатка в приглашениях. Конечно, тебе придется сопровождать ее на каждое мало-мальски значимое мероприятие.

Гейбриел спокойно отхлебнул скотча, отказываясь реагировать на подначку брата.

— А как ты намереваешься избежать аналогичной участи, братец?

Ник улыбнулся:

— Никто не заметит отсутствия второго Сент-Джона.

— Правильно, Николас, поскольку ты тоже будешь там присутствовать.

— Вообще-то мне предлагают совершить небольшое путешествие на север. Лейтон полагает, что мой опыт поможет ему определить местонахождение некой скульптуры. Я думаю принять это приглашение.

— Нет. Ты не поедешь разыскивать свои замшелые черепки, оставив меня в одиночку отбиваться от светских волков.

Ник поднял брови.

— Постараюсь не обижаться на твою оценку моей работы... но когда же ты собираешься дать мне свободу?

Гейбриел снова отхлебнул скотча.

— Как думаешь, насколько быстро мы сможем выдать нашу сестру замуж?

— Все зависит от того, насколько быстро нам удастся вывести ее из заблуждения, что она не должна выходить замуж. Гейбриел, она буквально в ужасе от того, что ее постигнет участь матери. И разве можно ее за это винить? Эта женщина оставила след в каждом из нас.

— Джулиана совершенно не такая, как наша мать. И ее боязнь служит тому доказательством.

— Тем не менее. Не нас в этом нужно убеждать. Ее. И весь Лондон. — Братья долгое время молчали, затем Ник добавил: — Думаешь, Джулиана из тех, кто будет настаивать на браке по любви?

Ралстон раздраженно хмыкнул.

— Я очень надеюсь, что она девушка благоразумная.

— Женщины склонны считать, что любовь — это то, что причитается им по определению. Особенно молодые женщины.

— Не могу представить, что Джулиана верит в подобные сказки. Ты забываешь, что нас воспитывала одна и та же женщина... просто невозможно, чтобы Джулиана жаждала любви. Тем более после того как увидела, к чему это приводит.

Близнецы долго молчали, потом Ник сказал:

— Ради всех нас хочется верить, что ты прав. — Ралстон ничего не ответил, и Ник добавил: — Леди Кальпурния в качестве наставницы — превосходный выбор.

Ралстон уклончиво хмыкнул.

— Как ты добился ее согласия?

— Это имеет значение?

Ник недоуменно-вопросительно поднял бровь.

— Теперь я чувствую, что это имеет огромное значение. — Ралстон ничего не ответил, Ник поднялся и поправил свой галстук. — Марбери устраивает карточную игру. Не хочешь присоединиться?

Ралстон лишь отрицательно покачал головой и поднес к губам бокал.

Ник кивнул и вышел. Ралстон наблюдал за ним сквозь прикрытые веки, проклиная необъяснимую способность своего брата проникать в самую суть сложной ситуации.

Леди Кальпурния.

Он считал ее весьма приятной и доброжелательной женщиной с безупречной репутацией, которая просто очень вовремя оказалась на его пути. Она была идеальным решением проблемы — подготовки Джулианы к ее первому сезону; впрочем, возможно, он убедил себя в этом. Но ведь он целовал ее.

И поцелуй был довольно необычным.

Он усмехнулся при мысли об этом. Впрочем, Ралстон настолько был ошеломлен неожиданным появлением сестры, что любой поцелуй мог показаться приятным отвлечением.

Особенно поцелуй, подаренный так легко и таким приятным, пожалуй, даже восторженным, партнером.

Возбуждение горячей волной почти мгновенно окатило Ралстона, когда он вспомнил, как держал Калли в своих объятиях, ее нежные вздохи, то, с каким воодушевлением она отдалась его поцелую. Он подумал, что эта девушка вполне готова решиться на другие, более страстные действия. На мгновение он позволил себе представить ее в своей постели. Огромные карие глаза, раскрытые пухлые губы, на которых всегда играет легкая загадочная улыбка...

В комнате раздался взрыв смеха, который вырвал его из задумчивой мечтательности. Ралстон поерзал в кресле, чтобы избавиться от не вовремя возникшего напряжения в бриджах, и покачал головой, отгоняя созданный образ и мысленно делая заметку найти себе подходящую женщину, причем как можно скорее.

Он сделал еще глоток скотча, затем несколько минут смотрел на огонь сквозь янтарную жидкость, оставшуюся в стакане, одновременно размышляя о странных событиях прошлой ночи. Он не мог отрицать того факта, что леди Кальпурния Хартуэлл, совершенно неприметная на званых вечерах девушка, о которой он никогда раньше не думал, пробудила в нем определенный интерес. Она, конечно, не относилась к тому типу женщин, которыми Гейбриел обычно интересовался. Более того, она была совершенно противоположного типа и никак не отвечала его предпочтениям — ему всегда нравились изысканные, уверенные в себе и опытные

женщины.

Так почему же она так его заинтриговала?

От дальнейшего размышления над этим вопросом Ралстона отвлек очередной взрыв беспорядочного шума в комнате. Радуюсь возможности отвлечься от смущающих мыслей, он с интересом обернулся к группе разгоряченных джентльменов, громко выкрикивавших все возрастающие числа. Финни, букмекер клуба, торопливо записывал сделанные ставки в специальную книгу.

Подавшись вперед, чтобы лучше рассмотреть происходящее, Ралстон быстро определил того, кто оказался в центре азартного спора, — это был барон Оксфорд. Именно поэтому несложно было определить и предмет заключения пари — женитьба барона, который, казалось, находился в беспрестанном поиске будущей супруги. В течение нескольких месяцев Оксфорд, сидевший по уши в долгах из-за своей любви к азартным играм, публично заявлял членам клуба «Брукс», что собирается жениться, и чем богаче будет невеста, тем лучше.

Несдержанный Оксфорд, который частенько бывал навеселе, казался Ралстону невыносимым. Однако, поскольку сейчас маркизу необходимо было отвлечься, он решился и, выбравшись из своего кресла, подошел к группе.

— Десять гиней на Пруденс Маруорти.

— У нее лошадиное лицо! — эта реплика прозвучала от самого Оксфорда.

— Ее приданое стоит свеч! — раздался чей-то голос. Ралстон был единственным мужчиной, у которого эта шутка не вызвала смех.

— Ставлю двадцать гиней на то, что никто, кроме дочери Бервика, за тебя не пойдет! — Граф Чилтон бросил свою ставку в общую кучу золотых монет. Раздался нестройный гул удивленных голосов: спорщиков поразило не только размер ставки сэра Чилтона, но и сам предмет этого рискованного пари.

— Возможно, она простовата, — со смехом ответил Оксфорд, — но ее отец действительно самый богатый человек в Англии!

Ралстона совершенно не интересовал этот гнусный спор, и он повернулся, собираясь покинуть спорящих, когда, перекрывая общий шум, раздался чей-то громкий голос:

— Я знаю точно! Девица Аллендейл!

Ралстон замер, затем заинтересованно обернулся. Эта женщина просто преследовала его.

— Ничего подобного. Она только что обручилась с Ривингтоном, — произнес кто-то. — Да у тебя с головой не все в порядке, если ты думаешь, что Ангел Аллендейл пойдет за Оксфорда.

— Да не та, хорошенькая... другая.

— Толстушка?

— Со странным именем?

Оксфорд, самодовольно оглядываясь, что, вероятно, было следствием слишком большого количества спиртного, наслаждался каждой минутой этого нежданного внимания.

— Ривингтон в самом деле поступил умно, женившись на состоянии Аллендейлов. А леди Кассиопея будет не самым плохим финалом моей истории.

— Кальпурния. — Ралстон произнес это имя тихо, слишком тихо, чтобы можно было расслышать, но одновременно кто-то из присутствующих поправил Оксфорда.

Барон небрежно отмахнулся стаканом в руке и продолжил:

— Не важно, как там ее зовут, но я снова буду богат — достаточно богат, чтобы содержать шикарную любовницу, и кроме того, с такой женой у меня не будет никаких хлопот. Разве что придется сделать ей одного-двух наследников. Я полагаю, что в ее возрасте — он выдержал отвратительно непрстойную паузу — она будет благодарна мне за все.

Заявление Оксфорда вызвало взрыв гомерического хохота.

Глядя на полупьяную ухмылку Оксфорда, Ралстон испытал острое чувство отвращения. Кальпурния Хартуэлл никоим образом не может выйти замуж за Оксфорда. Никакая женщина, обладающая такой страстностью, ни за что не согласится на брак с таким типом. Ни в чем в своей жизни Ралстон не был так уверен, как в этом.

— Кто хочет поставить против того, что она будет моей к июню?

Несколько друзей Оксфорда сделали ставки за него, а другие поставили на то, что граф Аллендейл вмешается и не даст согласия на этот брак, и один человек поставил на то, что Оксфорд сбежит с леди Кальпурнией, чтобы достичь своей цели.

— Ставлю против всех. — Слова Ралстона, хотя и произнесенные очень тихо, заставили всех замолчать, и спорщики, как один, повернулись к нему.

Оксфорд широко улыбнулся:

— А, маркиз Ралстон. Я вас не заметил. Не хотите сделать ставку на мою будущую невесту?

Ралстон не мог представить ситуацию, в которой женщина, приходившая прошлой ночью в его дом, испытала бы к этому фанфарону нечто более мягкое, чем раздражение. Еще никогда ему не представлялся случай так легко выиграть пари. Словно отобрать конфету у ребенка.

— В самом деле, сэра Оксфорд. Ставлю против всех на леди Кальпурнию. Но предупреждаю: у вас нет ни малейшего шанса. Эта девушка никогда не выйдет за вас. — Он повернулся к букмекеру. — Финни, отметьте мои слова. Если сэру Оксфорду повезет и у него появится возможность сделать предложение леди Кальпурнии, она, без сомнения, ответит ему отказом.

Гул удивления пробежал по группе спорщиков, и Финни спросил:

— Сколько, милорд?

Глядя Оксфорду в глаза, Ралстон произнес:

— Полагаю, тысяча фунтов сделает это пари интересным. — И он, резко развернувшись, вышел из комнаты, оставив мужчин в полном изумлении.

Перчатка была брошена.

Глава 6

Калли надеялась, что в этот вечер все сложится по-другому, что прием по случаю обручения Марианны и Ривингтона пройдет идеально. Собственно, так все и было. Каждый дюйм большого зала приемов сверкал как отполированный, огромные хрустальные люстры с тысячами свечей ровным светом заливали мраморные колонны, поддерживавшие просторную галерею балного зала Аллендейл-Хауса, который позволял гостям, нуждавшимся в передышке, отдохнуть, по сути не покидая место действия.

Марианна, как и ожидала Калли, блистала на балу, танцуя с Ривингтоном. Гости, за долгие зимние месяцы соскучившиеся по выездам, были разодеты по самой последней моде и горели желанием показать себя в самом выигрышном свете, а также посмотреть на знакомых, которые провели зиму вне Лондона.

В общем, все было великолепно, кроме одного: Калли, как обычно, сидела на «скамье старых дев», хотя рассчитывала, что этот бал станет особенным для обеих сестер Аллендейл.

Ей бы уже следовало привыкнуть. Хотя трудно привыкнуть к тому, что тебя не замечают и обходят, как и остальных девиц, оказавшихся не у дел. По правде говоря, в самом начале ее это вполне устраивало. Дамы сразу же приняли ее в свой круг, радушно предлагая место в любом из закутков, в котором собирались несостоявшиеся жены. Калли находила гораздо более интересным наблюдать, как складывается сезон, мило болтая с дамами, чем неловко стоять на другом конце зала и терпеливо ждать, когда тебя пригласит на танец подходящий молодой джентльмен.

После двух сезонов, переполненных охотниками за приданым и стареющими вдовцами, Калли приветствовала дружеское общение старых дев.

А потом и сама превратилась в одну из них.

Кальпурния даже не заметила, как все произошло, но это случилось. И теперь у нее, по существу, не было выбора.

Но сегодня вечером был первый бал Кальпурнии с того времени, как она начала вычеркивать пункты в своем тайном списке. И она искренне надеялась, что все сложится по-другому. К тому же она непременно будет подружкой невесты и уже по одной этой причине заслуживает особого внимания на вечере, целиком посвященном приближавшейся свадьбе ее сестры.

Наблюдая за танцующими, Калли тихо вздохнула. Очевидно, нет.

— О, Кальпурния. — Мисс Женестьева Хедерингтон, старая дева среднего возраста с добрыми глазами и полным отсутствием такта, мягко похлопала Калли по коленке рукой, затянутой в кружевную перчатку. — Дорогая, ты должна быть выше этого. Некоторые из нас не созданы для танцев.

— Пожалуй, вы правы, — вынуждена была согласиться Калли. Уловив момент, она, извинившись, встала: лучше чуть демонстративно уйти, чем быть вынужденной придушить одну из самых известных старых дев света.

Надев маску озабоченности, чтобы пресечь возможные излишне пространственные приветствия, Калли направилась в буфет, но, не дойдя буквально нескольких футов до своей цели, едва не столкнулась с бароном Оксфордом.

— Миледи!

Калли изобразила слишком оживленную улыбку и подняла глаза на барона, который стоял перед ней, сияя, как новенький софит. Машинально она сделала шаг назад, чтобы не оказаться в объятиях этого чрезвычайно радостного джентльмена.

— Барон Оксфорд. Какая приятная неожиданность.

— Полностью с вами согласен.

Он продолжал глупо улыбаться.

Калли помолчала, ожидая продолжения. Когда его не последовало, она чинно произнесла:

— Я рада, что вы смогли присоединиться к нам сегодня вечером.

— А я просто счастлив, что смог присоединиться к вам, миледи.

Акцент на обращении вызвал у нее волну смутения. Неужели барон специально произнес эти слова с каким-то намеком? Конечно же, нет, учитывая то, что Калли и припомнить не могла, когда в последний раз говорила с этим франтом. Она едва заметно кивнула:

— Спасибо.

— Мисс Калли, вы сегодня просто прелестно выглядите. — Оксфорд подался вперед, и его улыбка стала еще шире.

«Такое ощущение, что у него больше зубов, чем у обычного человека».

— О... — Калли в полном замешательстве опустила голову и с некоторым затруднением сделала вид, что весьма польщена его комплиментами. — Спасибо, милорд.

Оксфорд самодовольно смотрел на девушку.

— Окажите мне честь и позвольте пригласить вас на танец. — Не получив от Кальпурнии незамедлительного ответа, он поднес ее руку к своим губам и, понизив голос, добавил: — Вообще-то я предпочел бы ангажировать вас на весь вечер.

Это неожиданное предложение неприятно удивило Калли. Может, он пьян?

Обдумывая слишком напористое приглашение, Калли услышала, что оркестр взял первые аккорды вальса, и сразу же решила отказать Оксфорду. Вальс пришел в Англию, когда Калли уже получила отметку старой девы, и на балах ей ни разу не довелось танцевать этот танец. Пробное вальсирование с Бенедиктом в уединении их особняка, разумеется, было не в счет. И ей, конечно же, не хотелось танцевать свой первый вальс на публике с Оксфордом, который, как недоумок, продолжал скалить зубы. Бросив быстрый взгляд в сторону буфета, Калли попыталась прикинуть лучший путь к отступлению.

— О. Ну... я... — уклончиво промямлила она.

— Кальпурния! Вот ты где! — Мисс Элоиза Паркуэйт, дама за сорок и совершенно близорукая, появилась из ниоткуда и ухватила Калли за руку. — Я искала тебя повсюду! Будь милочкой, проводи меня, мне нужно немедленно поправить оборку на платье.

Калли испытала огромное облегчение — она спасена.

— Конечно же, дорогая Элоиза. — Она высвободила руку из хватки Оксфорда и улыбнулась с деланным сожалением: — Возможно, в другой раз, милорд?

— Непременно! В следующий раз я не позволю вам сбежать от меня! — Оксфорд закончил фразу рокошущим хохотком, и Калли, ответив барону коротким неестественным смешком, повернулась и повела Элоизу в направлении дамской комнаты.

Калли взяла Элоизу под руку, и дама начала щебетать о слишком смелых лифах, которые определенно вошли в моду в этом году. Калли кивала и даже вставляла какие-то ответные реплики, изображая интерес и веселье, а сама мысленно то возвращалась к странному поведению Оксфорда, то снова вспоминала свой список.

Она решила сразу, что уж если ей суждено весь вечер мучиться на «скамье старых дев» и выслушивать светские сплетни, то она вполне заслуживает еще одно приключение. Ее страшно соблазняла мысль оставить Элоизу в дамской комнате и сбежать к своему списку.

Если, конечно, они вообще доберутся до этой комнаты. Немолодая дама неожиданно остановилась и принялась вглядываться в толпу.

— Неужели я вижу Ралстона? Как странно!

Сердечко Калли бешено застучало при этих словах, и она повернулась в том направлении, куда вглядывалась Элоиза, однако из-за своего небольшого роста ничего не смогла разглядеть. Напомнив себе о том, что у Элоизы ужасное зрение, Калли покачала головой и продолжила свой путь среди гостей бала. «Это не может быть Ралстон».

Элоиза явно была того же мнения.

— Нет, это не может быть Ралстон. Он редко посещает балы. Должно быть, это Сент-Джон.

Калли выдохнула, только тут заметив, что задержала дыхание. Конечно. Это, безусловно, лорд Николас. «Пожалуйста, пусть это будет лорд Николас».

— Как странно, но, похоже, он направляется к нам.

Не в силах удержаться, Калли быстро обернулась и сразу же увидела высокого широкоплечего джентльмена, который, непринужденно рассекая толпу, двигался в их направлении. Его красивое лицо было исполнено решимости.

Это не был лорд Николас.

Даже заметив отсутствие шрама, по которому можно было различить близнецов, Калли все равно бы его узнала. У Николаса плечи были не такими широкими, скулы не такими четкими, а глаза не столь всепоглощающими, как у его брата. При виде Сент-Джона она не затаивала дыхание, ее пульс не учащался и в голове не возникали совершенно невообразимые мысли. Нет, мужчина, приближавшийся к ним, определенно не был лордом Николасом Сент-Джоном.

Калли быстро огляделась по сторонам, пытаясь найти самый быстрый и верный путь к отступлению, воспользовавшись которым она избежала бы встречи с Ралстоном, но, казалось, гости намеренно перекрывали ей дорогу. Толпа чуть редела лишь в направлении шедшего к ним маркиза. Покорившись неизбежному, Калли подняла глаза и, внутренне сжавшись,

встретила его пронизательный взгляд.

Она оказалась в западне. В западне вместе с бессвязно лопочущей Элоизой, к которой, наверное, уже несколько лет не приближался красивый джентльмен.

Впрочем, нельзя сказать, что и для Калли эта ситуация была привычна.

— Лорд Николас! — воскликнула Элоиза, пожалуй, слишком громко. — Как приятно вас видеть!

— Элоиза, дорогая, — тихо сказала Калли своей спутнице, — это Ралстон.

Элоиза прищурила глаза, очевидно, всматриваясь в щеку Ралстона.

— Ох! Ну конечно! Приношу свои извинения, лорд Ралстон.

Она присела в книксене.

— Не стоит извиняться, мисс Паркуэйт. — Маркиз низко склонился над рукой Элоизы, а затем сказал: — Уверяю вас, я принимаю это как большой комплимент. По сравнению со мной брат, несомненно, обладает более приятной внешностью.

— О нет, милорд, — хихикнула Элоиза и, покраснев, начала быстро размахивать веером. — Определенно нет!

Ралстон озорно подмигнул немолодой даме и произнес:

— Пусть так — не в моих правилах не соглашаться с леди.

Эти слова вызвали у Элоизы припадок веселья, а Ралстон повернулся к Калли, которая подала ему руку. Маркиз низко склонился, целуя изящную ручку, и по коже девушки пробежала жаркая волна.

— Леди Кальпурния, надеюсь, я могу закрепить за собой ближайший из свободных танцев?

Элоиза ахнула от изумления, а Калли выпалила:

— Прошу прощения?

— Следующий танец, — повторил Ралстон, переводя взгляд с одной женщины на другую, словно обе они были слегка помешаны. — Признаюсь, я не так часто посещаю балы, как мне хотелось бы, но ведь на балах по-прежнему танцуют, не так ли?

— О! Действительно, милорд, — любезно вмешалась Элоиза.

— В таком случае, — в глазах Ралстона засверкали огоньки сдерживаемого веселья, — могу я попросить вашу танцевальную карту, леди Кальпурния?

— У меня нет танцевальной карты.

Она так редко танцевала, что в этом не было нужды.

Маркиз обдумывал ее слова, а в это время дирижер взмахнул своей палочкой.

— Превосходно. В таком случае я могу просто пригласить вас на танец, не правда ли? — Ралстон повернулся к Элоизе. — Не возражаете, если я украду вашу подругу, мисс Паркуэйт?

Элоиза сумела лишь ошеломленно качнуть головой и пролепетать:

— Конечно, нет!

Калли замерла, словно ее ноги приросли к полу. Она не могла танцевать с Ралстоном, тем более такой фривольный танец, как вальс. Этот поступок определенно повергнет ее в окончательный крах.

Калли решительно покачала головой:

— О, я никак не могу, милорд. Понимаете, я обещала Элоизе, что провожу ее...

— Чепуха, — произнесла леди Паркуэйт неестественно высоким, с придыханием, голосом. — Со мной все будет хорошо. Вы должны станцевать вальс, леди Кальпурния.

Ралстон, не давая девушке опомниться, повел ее в центр зала на первый вальс.

Когда маркиз вел ее через зал, Калли увидела стоявшую у колонн матушку и рядом с ней Марианну. Вдовья графиня выглядела потрясенной. Калли слегка кивнула ей в знак приветствия, изо всех сил стараясь держаться так, словно лондонские светские львы приглашают ее танцевать каждый раз, когда она выезжает на бал.

Отчаянно, ради собственного же блага пытаясь разрядить ситуацию, Калли сухо прошептала:

— Сегодняшний вечер определенно даст пищу для разговоров, милорд.

— Полагаю, вы имеете в виду мое появление. Я подумал, что, поскольку Джулиана должна появиться в обществе, мне следует несколько подлизаться к свету. — После продолжительной паузы он спросил: — А почему, собственно, вы не танцуете?

На мгновение Калли задумалась над его вопросом, а затем ответила:

— Я танцевала несколько лет, а потом... перестала.

Не удовлетворенный ее ответом, он не отставал:

— Отчего же?

Она улыбнулась немного иронично:

— Партнеры были далеко не идеальными. Те, кто не охотился за приданым, были стары, скучны или... просто неприятны. Было гораздо проще вообще избегать приглашений, чем выносить общение с джентльменами подобного типа.

— Надеюсь, меня вы не находите столь же неприятным?

Калли позволила себе посмотреть ему в лицо и встретила с его веселым взглядом. Нет. Ралстон не был неприятным. Даже если напрячь воображение.

— Нет, милорд, — сказала она, и мягкий тон девушки выдал ее мысли, затем добавила: — Вы, похоже, совершенно очаровали мисс Элоизу.

— Свои возможности следует использовать для своей же пользы, леди Кальпурния.

— Что, уверена, у вас получается весьма неплохо.

Его голос зазвучал более вкрадчиво:

— Уверяю вас: все, что я делаю, я делаю хорошо.

Тщательно стараясь скрыть свое смущение, Калли произнесла:

— Вероятно, ваша репутация грешит преувеличениями, милорд. — И только когда слова уже слетели с уст, Калли осознала двусмысленность своего замечания.

Ралстон вскинул бровь.

— В самом деле?

У Калли вспыхнули щеки, и она перевела взгляд на его изысканный галстук. Как бы ей хотелось быть такой же изысканной и соблазнительной, как те женщины, с которыми он привык танцевать. Уж они-то, конечно, точно знают правила подобных игр.

— Ну же, леди Кальпурния, — тихонько поддразнил он девушку, — на какие порочные деяния моего прошлого вы намекаете?

Калли вскинула ресницы и встретила вызывающий взгляд Гейбриела.

— О, право же, их список слишком длинен, милорд, — небрежно произнесла она, теперь искренне потешаясь. — Вспомните, как однажды вы спрыгнули с балкона особняка некой графини и весьма неудачно приземлились прямо в заросли остролиста?

От неожиданности Ралстон широко раскрыл глаза, услышав ее тихий вопрос, затем произнес с легкой усмешкой:

— Джентльмен не станет ни подтверждать, ни отрицать подобное происшествие.

Калли рассмеялась.

— Напротив, милорд. Джентльмен наверняка стал бы отрицать подобное происшествие.

На его лице появилась порочная улыбка, и Калли возблагодарила Господа, что между ними воцарилось молчаливое понимание, поскольку она совершенно не была уверена, что вообще сможет найти какие-нибудь слова, когда он улыбается так по-особенному. Она погрузилась в танец, в звуки музыки, в согласное кружение их тел. Ведь это ее первый вальс — возможно, единственный, — и она хотела запомнить каждое его мгновение. Калли закрыла глаза, безвольно скользя за Ралстоном по паркету бального зала, ощущая чувственное касание его руки на своей талии и неожиданные прикосновения длинной мускулистой ноги. Не прошло и минуты, как Калли совершенно потеряла ориентацию. Открыв глаза, она несколько долгих секунд не могла понять, отчего же у нее так закружилась голова — от танца или от танцующего с ней мужчины. Встретив взгляд голубых глаз Ралстона, она приняла правду.

Конечно же, причиной головокружения был мужчина.

— Я надеялся, что мы сможем поговорить о Джулиане.

Калли постаралась скрыть свое разочарование. Несмотря на то что она трижды навещала Джулиану в течение прошедшей недели, они не встречались с Ралстоном во время этих визитов. И наверное, это было к лучшему, если учесть, что в его присутствии она совершенно теряла присущее ей здравомыслие.

Не подозревая о ее мыслях, маркиз произнес:

— Мне хотелось бы знать, когда моя сестра будет готова к выездам на балы Лондона.

— Думаю, потребуется не больше недели. Джулиана замечательная ученица, милорд, и очень хочет угодить своим братьям.

Ралстон кивнул, удовлетворенный ее ответом.

— Мне хотелось бы, чтобы вы помогли Джулиане совершить некоторые покупки. Ей понадобятся новые платья.

Калли не скрыла своего удивления:

— Я не уверена, что смогу ей помочь в этом деле, милорд.

— Простите, мисс Калли, но мне вы кажетесь вполне подходящим консультантом.

Она продолжала возражать:

— А мне кажется, что вам необходимо найти для своей сестры даму, которая разбирается в последних веяниях моды.

— Еще раз простите, но я хочу, чтобы это были вы.

Фраза была произнесена откровенно властным тоном.

Калли поняла, что проиграла. Она помолчала немного, затем сказала:

— Мне нужно взглянуть на гардероб Джулианы, чтобы выяснить, что именно необходимо приобрести.

— Нет. Ей нужно все. Самое лучшее и самое модное. — Его тон по-прежнему не предполагал обсуждения. — Она должна быть на высоте.

— Но ведь ваша сестра пробудет здесь только два месяца.

— Вы же не думаете, что я позволю Джулиане вернуться в Италию.

— Я... — Калли заметила, как твердо он это произнес. — Думаю, что нет. Но, милорд... — сказала она мягко, не зная, как лучше подойти к вопросу о расходах, которых потребует это не совсем обычное предложение.

— Деньги не имеют значения. Она должна иметь все самое лучшее.

— Хорошо, — тихо произнесла Калли, решив, что лучше вальсировать, чем продолжать спор.

Несколько мгновений они молча кружились под великолепную музыку, затем Ралстон сказал:

— Я также хотел бы обговорить возможность вступления Джулианы в «Олмак».

Услышав это, Калли широко раскрыла глаза и ответила, тщательно подбирая слова:

— Но, сэр, мне кажется, «Олмак» не самое лучшее место для девушки, которая собирается выйти в свет.

— Отчего же? Если тебя принимают в этот клуб, гораздо легче войти в высшее общество, не так ли?

— Несомненно, — согласилась Калли. — Однако леди патронессы не слишком легко дают свое согласие на прием в этот клуб. Предстоит пройти через серьезные испытания.

Ралстон прищурился.

— Вы хотите сказать, что сомневаетесь в том, что Джулиана сможет получить рекомендации?

Калли помолчала и ответила:

— Думаю, что дамы «Олмака» найдут манеры вашей сестры безупречными...

— Да, но безупречных манер недостаточно, не так ли, леди Кальпурния?

Она посмотрела ему в глаза.

— Недостаточно, милорд.

— Дело во мне? Или в моей матушке?

— Здесь не самое подходящее место для обсуждения.

— Чепуха. Все важные вопросы обсуждаются как раз в бальных залах.

В его тоне звучал нескрываемый сарказм. Если бы Калли не так ясно осознавала разочарованность Ралстона создавшейся ситуацией, то обиделась бы на него за эти слова.

Он направил невидящий взгляд поверх головы Кальпурнии.

— Если бы у нее был титул... или она жила бы не в Ралстон-Хаусе... — Калли сменила тактику.

— Маркиз, мне кажется, что, если бы вы отказались от «Олмака», нам было бы проще ввести Джулию в высшее общество.

Гейбриел молчал, но она чувствовала произошедшую в нем перемену. Его руки, которыми он продолжал обнимать свою партнершу, вдруг напряглись. Через несколько мгновений он посмотрел ей в глаза.

— Я не хочу причинять ей боль.

— И я не хочу.

И она действительно этого не хотела.

Он помолчал, словно мог читать ее мысли.

— Это может получиться?

— Я сделаю все, что в моих силах.

И она сказала правду.

Уголки его рта слегка приподнялись. Если бы Калли так пристально не наблюдала за ним, то могла бы этого и не заметить.

— Вы так уверены в себе.

— Когда проводишь жизнь, наблюдая за балами из-за колонны зала, в конце концов начинаешь точно понимать, что именно нужно для того, чтобы стать царицей бала, милорд.

— Если кто-то и сумеет помочь Джулиане пройти через эти кишасшие акулами воды, то, думаю, это скорее всего вы, леди Кальпурния.

От этих слов, произнесенных с искренним уважением, Калли окатила теплая волна, на которую девушка безуспешно попыталась не обращать внимания.

Танец закончился, ее пышные юбки легли спокойными складками, и Калли обратилась к своему кавалеру с просьбой:

— Вы не проводите меня к моей матушке?

Ралстон тотчас понял смысл, который скрывался за ее словами.

— Думаете, одного разговора с вашей матушкой достаточно, чтобы убедить всех, что я исправился?

— Вреда от этого не будет. — Они неторопливо шли вдоль стены огромного бального зала, и Калли улыбнулась ему. — Вы забываете один из важнейших принципов лондонского общества.

— Какой именно?

— Общество всегда приветствует возвращение в свет богатых и знатных холостяков.

Маркиз помолчал и, медленно проведя пальцем по руке, тихонько проговорил ей на ухо:

— А если я не уверен, что хочу выходить из темноты?

От этих слов, которые больше походили на дыхание, чем на звук, по спине Калли пробежали мурашки. Она смущенно поднесла к губам кружевной платочек.

— Боюсь, что пути назад нет.

— Лорд Ралстон! — Голос леди Аллендейл звучал высоко и возбужденно. Маркиз с Кальпурнией подошли к ее матушке, которая вместе с Марианной наблюдала за ними весь танец, ожидая именно этого особенного момента. — Мы счастливы, что вы оказали нам честь своим присутствием.

Ралстон низко поклонился.

— Это вы оказали мне честь, пригласив на это счастливое событие, миледи. Леди Марианна, вы просто светитесь. Могу я выразить вам свои наилучшие пожелания по случаю предстоящей свадьбы?

Марианна тепло улыбнулась в ответ на комплимент Ралстона и протянула ему руку.

— Спасибо, милорд. Должна признаться, мне не терпится познакомиться с вашей сестрой. Калли в восторге от нее.

— С момента приезда Джулианы леди Кальпурния стала ее хорошим другом. — Он посмотрел на Калли и добавил: — Я считаю, что никто лучше ее не сможет поспособствовать успеху моей сестры.

— Вы абсолютно правы, милорд, — сказала леди Аллендейл. — У Калли безупречная репутация. А учитывая ее возраст и положение, она может стать идеальной наставницей для мисс Джулианы.

Калли слегка поморщилась, услышав эти слова матери, которые — намеренно или нет, — несомненно, обратили внимание Гейбриела на ее непривлекательную социальную роль.

Тем временем леди Аллендейл ринулась в наступление:

— Милорд, а могу я спросить, каким образом вы с Калли договорились о предстоящем представлении вашей сестры?

Калли бросила взгляд на Ралстона. Сердце, неровно забившись, поднялось к самому горлу. Неужели он скажет правду? Но маркиз спокойно ответил:

— Признаюсь, леди Аллендейл, этот договор был полностью моей идеей. Мне чрезвычайно повезло, что леди Кальпурния оказалась, как говорится, в нужном месте в нужное время. Я даже не знаю, как смогу отблагодарить ее за столь щедрое одолжение.

Услышав ответ Ралстона, Калли широко раскрыла глаза: нет ли в его словах легкого поддразнивания? Она вновь посмотрела на мать, но та выглядела вполне удовлетворенной ответом маркиза, словно это вполне обычное дело, когда самый известный лондонский повеса просит участия незамужней леди в деле, цели которого не совсем ясны.

Она должна положить конец этому разговору, и немедленно, прежде чем ее матушка произнесет нечто действительно непоправимое. Будто для это вечера недостаточно того, что она разряжена в сверкающий всеми оттенками баклажана шелк, украшенный павлиньими перьями. Множеством павлиньих перьев.

— Матушка, лорд Ралстон согласился проводить меня в буфет, — сказала она, стараясь не встретиться взглядом с Гейбриелом и пытаюсь солгать так же ловко, как он. — Вам принести чего-нибудь?

— О нет, спасибо. — Вдовая графиня разрешающим жестом взмахнула веером, но тут же положила свою ладонь на руку Ралстона и посмотрела ему прямо в глаза. — Лорд Ралстон, я с нетерпением жду встречи с вашей сестрой, причем в самое ближайшее время. Я была бы рада видеть ее на завтрашнем файф-о-клоке.

Ралстон изящно склонил голову в легком поклоне, принимая от графини предложение поддержки, и ответил:

— Уверен, Джулиана с радостью примет ваше приглашение, леди Аллендейл.

Матушка Калли решительно кивнула:

— Превосходно.

С этими словами леди Аллендейл удалилась. Молчавшая в течение этого разговора Марианна последовала за ней, чтобы поприветствовать других гостей. Ралстон предложил Калли руку.

— Я с удовольствием провожу вас в буфет, леди Кальпурния, — слегка улыбнувшись, произнес он.

Калли взяла его под руку.

— Я хотела бы извиниться за эту маленькую ложь.

— Поверьте, в этом нет необходимости. — Несколько секунд они оба молчали, затем он добавил: — Спасибо.

Ралстон, конечно же, понимал, насколько важно для Джулианы знакомство с Аллендейлами. Приглашение графини, по сути, являлось первой ступенькой на пути его итальянской сестры к лондонскому свету.

Калли ответила не сразу, ее мысли были сосредоточены на поразительном ходе событий сегодняшнего вечера. Остро чувствуя тепло руки Ралстона, она в то же время успевала отмечать многочисленные взгляды, которые бросали на них самые яркие и известные представители лондонского света. Калли не переставала изумляться, как неожиданно удачно сложился этот вечер, а ведь все могло быть совершенно иначе.

— Не спешите благодарить меня, милорд, — осторожно начала Калли. — Ведь, как вы тактично отметили, я еще не попросила о встречной услуге.

Ралстон посмотрел на нее.

— Я это заметил. Впрочем, не думаю, что вы попросите об этом именно сейчас, рассчитывая на конечный результат.

— Конечно, нет. Однако у меня есть один несколько странный вопрос, но задам я его лишь в том случае, если вы пообещаете не смеяться надо мной.

— Ни в коем случае. Буду счастлив ответить на любой ваш вопрос.

Калли сглотнула, набираясь смелости, и, стараясь унять дрожь в голосе, спросила:

— Какую приличную таверну Лондона вы могли бы порекомендовать?

Вопрос прозвучал не очень деликатно и даже несколько нетактично, но Калли слишком не терпелось услышать ответ, поэтому она и предпочла идти напрямик.

Следовало отдать Ралстону должное, он никак не выказал того изумления, в которое его наверняка поверг этот вопрос. Бросив быстрый взгляд на свою спутницу, он невозмутимо продолжал идти, ловко обходя гостей бала, то и дело возникавших на их пути.

— Прошу прощения: таверну?

— Да. Или, может быть, паб.

Калли старалась не смотреть на него, пытаясь дать понять, что не станет вдаваться в

подробности.

И тем не менее он спросил:

— С какой целью?

Ей следовало ожидать, что вопросов избежать не удастся, и Калли попыталась найти вразумительное объяснение.

— Понимаете, милорд... — Она замолчала и задумалась. — Мой брат Бенедикт... — Она дождалась, пока Ралстон кивнет в знак согласия, и продолжила: — Ну... Бенедикт ищет нечто такое, что может соответствовать какому-то его замыслу... Вот я и подумала, что, возможно, у вас есть на примете что-либо подходящее.

— Уверен, что смогу ему кое-что порекомендовать. Я поговорю с ним.

— Нет!

Услышав столь энергичное возражение, маркиз вопросительно поднял бровь.

— Нет?

Калли торопливо прокашлялась.

— Нет, милорд. — Она помолчала, дожидаясь вдохновения. — Понимаете... мой брат... ему не слишком понравится, что я обсуждала с вами его планы.

— Наверное, вы правы.

— Вот именно. — Она постаралась изобразить искреннее сожаление. — Так что, понимаете, лучше всего просто назвать паб, в котором не зазорно появиться... джентльмену, а я потом передам брату эту рекомендацию. Когда представится удобный случай.

Калли так увлеклась сочинением своей сказки, что даже не заметила, что они остановились. Ралстон подвел ее к небольшой нише, расположенной у дальней стены зала, где уже не было никого из гостей. Быстро осмотревшись, Гейбриел взглянул ей прямо в глаза и тихо произнес:

— Вы ужасная лгунья.

Калли широко раскрыла глаза. Ей не пришлось изображать изумление.

— Милорд?

— Ваши выдумки. Даже если бы они казались правдивыми — но, к вашему несчастью, это звучало как минимум смешно, — вам не удалось бы скрыть свои мысли.

Собираясь ответить, Калли открыла рот, но, ничего не придумав, надула губы.

— Так я и думал. Не знаю, для чего или для кого вы ищете паб. Эта просьба кажется довольно странной, тем более когда исходит от леди. — Калли вновь открыла рот, но маркиз поднял руку, останавливая возможные возражения. — Однако сегодня я великодушен... и склонен потакать вашим странным желаниям.

Калли не смогла сдержать улыбку.

— Благодарю вас, милорд.

— Не спешите меня благодарить.

Калли прищурила глаза, когда поняла, что он повторил ее слова, которые она произнесла лишь несколько минут назад.

— Чего вы хотите?

В этот момент она ожидала от него чего угодно: просьбы, имеющей отношение к урокам Джулианы, содействия вхождению в «Олмак», приглашения на обед от ее матери и даже от Ривингтона — и была готова к любому из этих условий. В данный момент они казались равноценным обменом на название таверны, где она могла бы продолжить свои приключения.

Калли ожидала от Ралстона чего угодно, только не этого. И когда он это сделал — улыбнулся своей порочной улыбкой, нет, скорее это был эдакий волчий оскал, от которого дрожь прошла по всему ее телу, — она оказалась совершенно к этому не готова. Жаркая волна окатила Калли, и сердце ее тут же бешено заколотилось. Она не могла отвести взгляда от его белых зубов, нежных губ, от великолепной, чувственной и в то же время чрезвычайно мужественной, впадинки на подбородке.

Ралстон воспользовался тем, что его собеседница расслабилась, и практически прижал ее к стене. Масса гостей внезапно словно куда-то испарилась, и в этой узкой, но довольно глубокой нише они оказались практически одни, несмотря на огромное количество заполнявших зал людей.

Казалось, маркиза нисколько не волновало, что весь цвет лондонского общества находится буквально в нескольких футах от места их уединения, но Калли занервничала.

Ралстон поднял руку и медленно провел пальцем по ее руке, оставляя огненный след своего прикосновения. Затем приподнял ее обтянутую перчаткой ладонь и, найдя незащищенное место, скользнул большим пальцем по нежной коже, отчего ее сердце учащенно забилося. Весь мир Калли сжался до этого единственного момента, до этой единственной ласки. Она просто не могла оторвать взгляда от того места, где они коснулись друг друга. Тепло его руки, ласковое и убаюкивающее движение большого пальца буквально поглотили Калли, угрожая окончательно лишить благоразумия.

Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем Ралстон поднял ее руку и припал губами к запястью. Она закрыла глаза, стараясь вобрать в себя тот поток ощущений, который нахлынул на нее вместе с этим прикосновением, чтобы почувствовать нежность его губ, раскрытых ровно настолько, чтобы запечатлеть горячий влажный поцелуй и слегка царапнуть зубами по чувствительному месту. Она услышала свой собственный вздох и открыла глаза в тот момент, когда его язык, на сей раз успокаивающе, ласкал ее кожу. Он смело встретил ее взгляд, вызвав настоящее смятение чувств, а она не могла не смотреть на него, понимая, что этот мужчина точно знает, что делает.

Запечатлев последний поцелуй, Ралстон отпустил ее руку и, не отводя взгляда, склонился над Калли. Когда он заговорил, она поначалу даже не услышала слов — лишь почувствовала колебание воздуха, которое нежно коснулось кожи на ее виске.

— «Пес и голубка».

Поняв, что именно сказал Гейбриел, Калли испытала некоторое замешательство. Она, конечно,

не знала, что он может сказать, но таких слов уж точно не ожидала. Только через несколько секунд откуда-то из глубины, из-под дымки чувственности, окутавшей ее сознание, пришло понимание. Она широко раскрыла глаза, но, прежде чем успела ответить, маркиз уже исчез, дав ей возможность прийти в себя без свидетелей.

Когда она с горящим от нетерпения лицом выскользнула из ниши, то нисколько не удивилась, поняв, что маркиз покинул прием.

Однако название таверны он все-таки ей шепнул.

Глава 7

— Анна, ты должна мне помочь, — умоляюще произнесла Калли, наблюдая, как возмущенная горничная распутывает ее длинные пряди, тщательно уложенные перед балом.

— Я не обязана делать этого, — проворчала та. — Ты ведь понимаешь, что, если все откроется, я могу лишиться места!

— Ты же знаешь, что я этого никогда не допущу, — заверила ее Калли. — Но я не смогу сделать это без тебя!

Их взгляды встретились, отразившись в зеркале.

— Тебе будет очень нелегко, девочка моя. Если все раскроется... подумай о своей репутации!

— Никто ничего не узнает. — Калли повернулась, чтобы взглянуть Анне в лицо. Ее наполовину распутанные волосы веером рассыпались по спине. — Все так увлечены балом, что никто даже не заметит моего отсутствия. И если ты сможешь мне переодеться и изменить внешний облик, шансы, что кто-нибудь меня узнает, практически равны нулю! Всего лишь один вечер, Анна. Я вернусь очень быстро, все будет хорошо. — Калли помолчала, потом сложила руки в умоляющем жесте и добавила: — Прошу тебя, я ведь тоже заслуживаю вечер развлечений, разве нет?

Пожилая женщина помолчала, обдумывая услышанное, и тяжело вздохнула:

— Этот список станет погибелью для нас обеих.

Калли широко улыбнулась, поняв, что победила.

— Ох, Анна, спасибо тебе!

— От тебя потребуется нечто более серьезное, чем «спасибо», когда граф придет за моей головой.

— Договорились.

— Простое коричневое шерстяное платье должно подойти. И еще тебе понадобится плащ с капюшоном, чтобы скрыть лицо.

Калли широко улыбнулась:

— В деле маскировки я целиком полагаюсь на тебя, ты в этом прекрасно разбираешься.

— Никогда этим не занималась, но, думаю, у меня получится нарядить тебя в простолюдинку.
— Она указала на ширму и проворчала: — Я принесу платье и плащ. А ты пока сними свое платье.

— И мне понадобится чепец.

Анна вздохнула:

— Я думала, что мы распрощались с кружевными чепчиками.

— Так оно и есть, но сегодня я должна преобразиться до неузнаваемости.

Анна запыхтела и вышла, бормоча себе под нос что-то о трудной и многострадальной участи горничной.

Как только женщина вышла, Калли сняла бальное платье. Выскальзывая из голубого атласа, она мягко раскачивалась под тихую музыку, которая доносилась снизу, где гости продолжали танцевать и праздновать помолвку Марианны и Ривингтона.

Можно не сомневаться, что это был самый замечательный бал в ее жизни. И дело не только в вальсе, который она танцевала с Ралстоном — хотя это, конечно, был важный момент, — и даже не в порочном и весьма скандальном уединении с маркизом в самый разгар праздника. Просто впервые в жизни Калли ощутила собственную силу. Казалось, она может совершить все, что угодно.

Это чувство было настолько сильным, что Калли едва могла сдерживаться, поэтому, как только Ралстон покинул бал, уловив момент, сразу же сбежала наверх.

Уже не первый раз Калли уходила с бала в самый разгар вечера. Она знала, что вряд ли кто-нибудь заметит ее исчезновение, и это знание значительно облегчало ей сегодняшний побег навстречу настоящему приключению. «Наконец-то будет хоть какая-то польза от статуса девушки у колонны».

Она улыбнулась своим мыслям, и в этот момент резкий стук возвестил о возвращении Анны. Горничная почти вбежала в комнату с каким-то серым платьем в руках.

Охваченная возбуждением, Калли в восторге захлопала в ладоши, но тут же остановилась, перехватив хмурый взгляд горничной.

— Пожалуй, ты единственная, кто стал бы так радоваться серому неприметному платью.

— Возможно, я первая оценила то, что дает такое серое и действительно неприметное платье.

— И что же оно дает?

— Свободу.

Паб «Пес и голубка», по-видимому, был весьма популярным местом.

Сгорая от нетерпения, Калли то и дело выглядывала из кеба, нанятого только для того, чтобы добраться до таверны, любопытство заставляло ее сдвигаться на самый краешек сиденья и почти высовываться из-под парусиного полога. Она бесчисленное количество раз проезжала по Джермин-стрит днем и даже не представляла, что ночью эта улица выглядит совершенно

иначе. Преображение было просто потрясающим.

Перед таверной стояли десятки людей и словно купались в желтом свете, лившемся из окон. Калли с удивлением рассматривала джентльменов в пышных галстуках, солидных торговцев и, чуть поодаль, простых горожан, над которыми обычно насмехались в бальных залах Лондона: ведь аристократия считала унижительным зарабатывать на жизнь своим трудом.

Тут и там между мужчинами мелькали женщины: некоторых сопровождали кавалеры, и они старательно демонстрировали это, буквально вешаясь им на шею, — другие, казалось, пришли без сопровождения. Присутствие последних несколько встревожило Калли: если говорить честно, в глубине души она надеялась, что, подъехав к таверне и не увидев одиноких женщин, будет вынуждена тотчас приказать кебмену отвезти ее домой.

Калли беспокоило поежилась, весьма неуютно чувствуя себя в грубом шерстяном платье, которое раздражало кожу даже сквозь льняную сорочку. Если поднять капюшон, никто и внимания не обратит на самую обыкновенную молодую женщину, которая войдет в паб, закажет стаканчик виски и тихонько посидит за столиком в уголке пивной. Она расспросила Анну, как выглядит таверна изнутри, и была полностью готова. Ей осталось лишь выйти из экипажа.

К сожалению, ее ноги, похоже, не хотели подчиняться своей хозяйке.

Низкая дверца распахнулась. Теперь выбора не было. Возница проворчал недовольно:

— Мисс? Вы ведь сказали «Пес и голубка», верно?

Калли скомкала листок бумаги в руке.

— Верно.

— Ну так мы на месте.

Выйдя из кеба, Калли нервно сунула кучеру крону и, глубоко вздохнув, повернулась лицом к таверне. Она справится. Собравшись с духом, Калли сделала шаг и угодила своими ботиночками, сделанными из тончайшей кожи, прямо в лужу. Невольно вскрикнув, она перепрыгнула на сухую землю и машинально оглянулась на возницу, который с озадаченным видом смотрел ей вслед. Озабоченно хмыкнув, он буркнул:

— Нужно смотреть под ноги, мисс.

Калли нахмурилась.

— Спасибо за совет.

Кучер слегка наклонил голову и, немного понизив голос, спросил:

— Вы уверены, что вам стоит туда идти?

Калли гордо выпрямилась.

— Вполне уверена.

— Ну что ж, как вам угодно.

Старик нахлобучил шляпу, кряхтя, забрался на свое место и, тронув вожжи, отъехал в поисках следующего пассажира.

Внимательно глядя себе под ноги, чтобы не споткнуться на булыжной мостовой, Калли быстро прошла сквозь толпу, стоявшую перед таверной.

Он увидел Калли в ту же секунду, как она вошла в таверну.

Он нисколько не сомневался, что она лгала, когда говорила, будто ее брат ищет в городе приличный паб. Маловероятно, что граф Аллендейл нуждался в помощи своей сестры, чтобы найти дорогу в пивную.

И что, черт возьми, леди Кальпурния делает в этом питейном заведении среди ночи? Неужели эту девушку не волнует собственная репутация? А репутация семьи? Репутация его сестры, в конце концов? Он доверил этой даме заботу о репутации своей сестры, а она буквально пару часов спустя самым бесстыдным образом заявила в паб. А здесь мисс Аллендейл наверняка попадет в какую-нибудь неприятность.

Ралстон откинулся на спинку стула со стаканом виски в руке. Все его внимание полностью сосредоточилось на Калли, которая замерла в дверях таверны. Вид у нее был одновременно восторженный и испуганный. В пабе было полно посетителей, которые пребывали в разной степени опьянения. Ралстон выбрал одно из самых приличных заведений в районе Сент-Джеймс. Гейбриел, конечно, мог бы отправить ее в Хеймаркет или Чипсайд, чтобы преподать Калли своего рода урок, но решил, что и этой таверны хватит, чтобы она отказалась от своей безумной затеи.

Плотно завернувшись в плащ, Калли быстро окинула взглядом помещение, пытаясь хоть за что-то зацепиться взглядом, чтобы сохранить приличествующее ее титулу внешнее спокойствие. Взрыв грубого мужского смеха заставил ее обернуться к большой компании мужчин, сидевших за длинным столом слева от нее. Мужчины не сводили глаз с официантки, которая, бесстыдно выставив на обозрение благодарным посетителям свою пышную грудь, ставила кружки с элем на выдавший виды дубовый стол. Калли лишь широко распахнула глаза, когда один из мужчин, хохоча, усадил полногрудую официантку к себе на колени и начал сосредоточенно лапать, и быстро отвела взгляд, чтобы не стать свидетельницей еще более неприличной сцены.

Далее ее взгляду представилась другая парочка. Справа, в непосредственной близости от нее, молодая женщина в неприлично открытом наряде проводила своим длинным пальчиком по скуле джентльмена, который явно нуждался в женском обществе. Эти двое что-то шептали друг другу, их губы находились совсем близко, а в их сплетенных страстных взглядах недвусмысленно читалось, что продолжение будет скорым и абсолютно однозначным... таким, что даже неопытная в таких вопросах леди Кальпурния Хартуэлл могла это понять. Парочка не обратила ни малейшего внимания на Калли, которая, судорожно вздохнув, буквально втокнула себя внутрь таверны и направилась в дальний угол помещения, к совершенно пустому столику в слабо освещенном уголке... К нему.

Если бы он не был так зол на эту недотепу, ситуация бы его только позабавила.

Калли пересекала переполненный зал, отчаянно пытаясь не коснуться кого-нибудь из посетителей, — невыполнимая задача, учитывая толпу, которая отделяла ее от спасительного убежища за все еще свободным столиком. Она уселась на грубый деревянный стул, не поднимая глаз на людей за соседними столиками, отчаянно пытаясь обрести хоть какое-то подобие равновесия. Калли сидела спиной к Гейбриелу, но капюшон ее грубой шерстяной

талмы неожиданно упал, и Ралстон заметил, с каким нетерпением эта странная девушка ожидает, когда к ней подойдет официантка. Волосы у Калли были забраны наверх и спрятаны под уродливый кружевной чепец, но несколько золотисто-каштановых прядей выскользнули из-под головного убора и легли на прелестно-прямую шею, нежно розовевшую то ли от нервного напряжения, то ли от возбуждения. Ралстон смотрел на эту шейку и отчего-то никак не мог отвести взгляд.

У него мелькнула мысль: каково было бы поцеловать нежную кожу в этом месте? Сегодняшнее происшествие на балу в Аллендейле укрепило его в подозрении, что истинная леди Кальпурния Хартуэлл — горячая и по-настоящему пылкая. Ее реакция была столь неудержимо раскованной и столь отличной от реакции тех женщин, с которыми он обычно имел дело, что Ралстон невольно задался вопросом: а как бы Калли отреагировала, если бы он прикоснулся к другим, более чувствительным ее местам?

Ралстон заметил, что Калли, как талисман, судорожно сжимает в руке небольшой листок бумаги. Может, это письмо? Неужели у нее здесь любовное свидание?

Изо всех безответственных поступков этот был самым безрассудным. Когда к ней подошла официантка, Калли быстрым движением сунула листок за отворот перчатки.

— Виски, пожалуйста. Шотландское виски.

Не ослышался ли он? Неужели графиня Аллендейл только что, сидя за столом в полумраке лондонской таверны, спокойно, словно это было самое обычное дело, заказала настоящее шотландское виски?

Неужели эта женщина утратила всякое благоразумие?

Одно было ясно вполне определенно: он составил совершенно неправильное мнение о малышке Калли Хартуэлл. Абсолютно ясно, что она не подходит для роли наставницы Джулианы. Он хотел найти женщину с безупречной репутацией и образом жизни, а нашел авантюристку, которая спокойно заказывает виски в лондонских тавернах.

Разве что...

Разве что ее невозмутимость была наигранной. Ралстон прищурился, внимательно наблюдая за девушкой. Действительно, она была напряжена как струна. Судя по часто поднимавшейся груди, ее дыхание было неровным и поверхностным. Она явно нервничала и даже боялась. И тем не менее она здесь, в этой таверне, где мисс Аллендейл по определению должна чувствовать себя как минимум некомфортно. Так зачем она здесь? Что ж, придется спросить ее. Встретиться лицом к лицу, хотя Ралстон прекрасно понимал, что Кальпурнии Хартуэлл эта встреча радости не доставит.

Официантка вернулась с напитком, и Калли сразу же расплатилась — как заметил Ралстон, не покупившись на чаевые. Когда женщина отошла, Калли подняла стакан и принюхалась к содержимому. Он, затаив дыхание, наблюдал. Заметил, как Калли отшатнулась и неприязненно передернула плечами, словно пытаясь избавиться от запаха напитка. Очевидно, за всю свою жизнь она ни разу не сделала ни глотка скотча. Еще несколько мгновений Калли продолжала исследовать содержимое стакана, очевидно, решая для себя вопрос: пить или не пить? Ралстон больше не мог сдерживать свое любопытство.

— Это то, что обычно получаешь, когда заказываешь виски.

Калли едва не выронила стакан, и Ралстон испытал чувство, весьма похожее на удовлетворение. Так ей и надо.

Едва не расплескав виски, она моментально обернулась к нему. Маркиз встал и пересел за стол Калли.

Он отдал девушке должное: она быстро оправилась от изумления и нашла в себе силы ответить:

— Думаю, мне следовало догадаться, что вы окажетесь здесь.

— Вы не можете не признать, что, когда леди просит порекомендовать ей таверну, это возбуждает некоторое любопытство, поскольку такая просьба не может считаться тривиальной.

— Полагаю, вы правы. — Калли снова посмотрела на стакан. — Думаю, вряд ли мне удастся убедить вас вернуться за свой стол и сделать вид, будто вы меня не видели?

— Пожалуй, это совершенно невозможно. Я не оставлю вас здесь одну. Вы легко можете оказаться в компрометирующей ситуации.

Калли нарочито весело рассмеялась.

— Мне трудно в это поверить, милорд.

Ралстон наклонился вперед и, понизив голос, сказал:

— Вы что, действительно не понимаете, какой урон вашей репутации нанесет посещение подобного заведения, тем более в одиночестве?

— Думаю, этот урон будет значительно меньше того, который может нанести мне факт встречи с вами, тем более в подобном заведении. — Она махнула рукой, указывая на посетителей таверны. — Здесь много дам, которые явно пришли сюда сами по себе.

Улыбка сошла с губ Ралстона.

— Очень сомневаюсь, что эти конкретные «дамы» не рассчитывают именно здесь подцепить спутников.

Калли не сразу поняла, что он имеет в виду, и в замешательстве сдвинула брови. Когда же через несколько секунд до нее дошел смысл услышанного, она обвела взглядом женщин, сидевших в пабе в одиночестве, а потом посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Он кивнул, словно подтверждая ее подозрения.

Калли охнула.

— Я бы никогда...

Маркиз склонил голову, признавая правдивость ее слов.

— Но остается вопрос... почему все-таки вы здесь?

Она довольно долго молчала, так что он даже подумал, что она не собирается отвечать на его вопрос. Потом все же сказала:

— Если вам так важно знать, я здесь, чтобы выпить виски.

Маркиз недоуменно вскинул черную бровь.

— Простите, но я вам не верю.

— Это правда!

— Не нужно быть великим сыщиком, чтобы понять: вы не любительница скотча, леди Кальпурния.

— И все же это правда, — повторила она.

Он раздраженно вздохнул и откинулся на спинку стула.

— В самом деле? — произнес он таким тоном, что сразу стало ясно, что он ей не верит.

— Да! — Она возмутилась. — Ну почему в это так трудно поверить?

— Ну, во-первых, могу вас заверить, что виски в Аллендейл-Хаусе в разы лучше, чем то пойло, которое подали вам здесь. Так почему бы просто не выпить там?

— Я хочу выпить здесь. Я нахожу здешнюю атмосферу... занятной.

— Вы узнали о существовании этого места не более двух часов назад, — заметил маркиз.

Калли молчала. Поняв, что она не собирается отвечать, он продолжил:

— Во-вторых, создается впечатление, что тот напиток, который стоит перед вами, вызывает у вас стойкое отвращение.

Блеск в ее глазах стал дерзким.

— В самом деле?

С этими словами Калли подняла стакан, изобразила приветственный жест и сделала огромный глоток янтарной жидкости. Она тотчас закашлялась, разбрызгивая жидкость, схватилась за грудь и не глядя поставила стакан на стол. Ей потребовалась почти минута, чтобы прийти в себя. Когда она вновь овладела собой, то обнаружила, что Гейбриел даже не пошевелился и теперь смотрит на нее с видом самодовольного превосходства.

— К этому вкусу нужно привыкнуть.

— Очевидно, — заметила Калли раздраженно и уже гораздо мягче добавила: — Мне кажется, что я проглотила огонь.

— Это ощущение скоро пройдет. — Он помолчал и продолжил: — В следующий раз сделайте лишь маленький глоточек и не пытайтесь влить в себя весь стакан.

— Спасибо, милорд, я это учту, — ответила Калли сухо.

— Так что вы здесь все-таки делаете?

Эти слова были произнесены тихим увещательным тоном, а его голубые глаза все ярче

разгорались от любопытства.

— Я уже сказала вам.

Она осторожно пригубила виски и поморщилась.

Ралстон снова вздохнул, пристально глядя на нее.

— Если это правда, то вы гораздо легкомысленнее, чем я думал, поскольку подвергаете свою репутацию огромному риску.

— Как видите, чтобы не быть узнанной, я оделась простолюдинкой.

— Не слишком умело, к сожалению.

Она нервно поднесла руку к своему чепцу.

— Меня никто не узнал.

— Я вас узнал.

— Вы совсем другое дело.

Он молча смотрел на нее.

— Вы правы. Я совсем другое дело. В отличие от других мужчин, которых может встретить одинокая девушка в заведениях подобного рода, я весьма заинтересован в том, чтобы ваша честь оказалась незапятнанной.

— Спасибо, лорд Ралстон, — насмешливо произнесла она, — но я не нуждаюсь в вашей защите.

— Похоже, вы нуждаетесь именно в этом. Или, Может, стоит напомнить, что вы и ваша семья имеете некоторое отношение к моей сестре? А против нее и так слишком многое. Джулиане вовсе не нужно, чтобы вы одним, прямо скажем, авантурным поступком уничтожили свою репутацию и ее шанс на успех в обществе.

Виски прибавило Калли смелости.

— Если вас так беспокоит безупречность моей репутации, милорд, могу предложить вам выход — найдите другую наставницу для вашей сестры.

Ралстон, прищурившись, посмотрел ей в глаза.

— Нет, леди Кальпурния. У нас с вами есть договор. И мне нужны именно вы.

— Почему?

— Потому что моя сестра вам доверяет и ваше общество доставляет ей удовольствие. И потому что у меня слишком мало времени, чтобы начинать все с самого начала и искать кого-то другого.

Его тон стал стальным.

В этот момент подошла девушка, разносившая напитки, она склонилась над столом, отчего

Ралстону открылся прекрасный вид ее более чем пышных форм.

— Соизволите заказать еще что-нибудь, милорд?

— Не сегодня, — с небрежной улыбкой ответил Ралстон, заметив, как шокировало Калли неприкрытое приглашение женщины.

— У нас сегодня отличный десерт, — со страстной хрипотцой произнесла девушка, несколько не смущаясь присутствием Калли.

— Я в этом не сомневаюсь, — многозначительно произнес Ралстон, достал серебряную крону и медленно положил монету в ее ладонь. — Спасибо.

Калли сделала резкий вдох. Ее тон стал ледяным:

— Надоело, что мне указывают, как следует себя вести, словно сама я этого понять не в силах, и уж тем более, когда мне указывает кто-то вроде вас.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ралстон с невинным видом.

— Вы же не станете утверждать, будто не поняли ее... ее...

На его губах заиграла улыбка.

— Ее?..

Калли раздраженно фыркнула.

— Да, сэр, вы неисправимы.

— В самом деле. Поскольку мы сошлись на том, что мою репутацию невозможно исправить, могу я предложить вам сосредоточиться на вашей? — Он не дождался ее ответа. — Вы прекращаете подвергать риску вашу репутацию, Кальпурния, по крайней мере пока Джулиана выходит в свет. Это означает — больше никаких одиночных визитов в лондонские пабы. Запомните это. Ни в этот, ни в какой-либо иной. А еще лучше, если вы вообще не будете выходить из дома глубокой ночью.

— Конечно, милорд. — В Калли выиграл дух противоречия, разгоряченная алкоголем, она осмелела. — А как мне, по-вашему, избежать неприличных приставаний мужчин в собственном доме?

Прямота ее заявления удивила его, и он тотчас огорчился.

— Вы абсолютно правы. Прошу, примите мои...

— Не смейте извиняться! — У Калли даже голос задрожал, когда она прервала Ралстона. — Я не ребенок, и меня не заставят испытывать ощущение, что я не могу контролировать свои поступки, ни вы, ни кто-то другой. И я не могу...

Она внезапно умолкла. «И я не могу слышать, что вы сожалеете о нашем поцелуе».

Конечно, в глубине души она понимала, что это правда: что Ралстон затащил ее в ту нишу, чтобы доказать свое превосходство, чтобы провести время или еще по какой-то совершенно неромантической причине, — но впервые в жизни ей оказал внимание столь блестящий

джентльмен. И она не позволит Гейбриелу Ралстону все испортить своими извинениями.

Возникла долгая тягостная пауза, и Калли осторожно допила виски. Ралстон, конечно же, был прав: теперь, даже с минимальной практикой, напиток усвоился гораздо легче. Она поставила стакан, наблюдая, как капельки виски стекают по внутренней стороне стакана до самого дна. Калли пальцем повторила эту линию с наружной стороны, ожидая, когда Ралстон первым нарушит молчание.

Но он молчал, и ее охватило желание сбежать из этого теперь ставшего слишком тесным места.

— Простите, что испортила вам вечер, милорд. Поскольку я выполнила то, ради чего приходила сюда, полагаю, что могу оставить вас.

Калли встала, набросила капюшон и плотно запахнула плащ. Он поднялся вместе с ней, накинул плащ на плечи, взял шляпу и трость.

Калли взглянула ему прямо в глаза и сказала:

— Я не нуждаюсь в сопровождающих.

— Я перестал бы быть джентльменом, если бы не проводил вас до дома, миледи.

Она обратила внимание на легкий нажим, который Ралстон сделал на последнем слове, как будто напоминая Калли о ее положении.

Она не стала возражать, чтобы не портить этот вечер, который оказался таким ярким. Калли повернулась и начала долгий путь через переполненную пивную к двери, желая выйти из таверны первой, уверенная, что, как только выйдет на улицу, сможет взять экипаж и расстаться с Ралстоном, оставив позади эту ужасную интермедию. Однако на этот раз ей оказалось труднее избегать столкновений с окружающими: казалось, она отчего-то утратила равновесие, а мысли были не совсем четкими. Неужели это небольшое количество виски так ударило ей в голову?

Калли вышла из помещения в прохладный весенний вечер и с высоко поднятой головой решительно зашагала по улице, нетерпеливо оглядываясь в поисках кеба. Она слышала, как позади нее Ралстон окликнул своего кучера, который поджидал его буквально в дюжине шагов от входа в таверну. «Превосходно, — подумала она. — Вероятно, он все же решил оставить меня в покое». Игнорируя легкое разочарование, Калли сошла с тротуара, чтобы высмотреть свободный экипаж. В последнюю минуту вспомнив о луже, в которую угодила чуть раньше, она постаралась ее перешагнуть, но потеряла равновесие и почувствовала, как падает на булыжную мостовую. Раскинув руки и отчаянно пытаясь удержаться на ногах, она приготвилась к столкновению с землей.

Столкновения не произошло.

Прежде чем успела сообразить, что же случилось, Калли почувствовала, как ноги оторвались от земли и неведомая сила прижала ее к теплой кирпичной стене. Она услышала, как Ралстон пробормотал что-то насчет «невыносимой девицы», потом его сильные, словно каменные, руки обхватили ее и легко подняли в воздух, так что она почти прижалась к его груди. К его очень широкой, очень мускулистой груди. Капюшон плаща сполз на спину, и Калли буквально столкнулась с сердитым взглядом его голубых глаз. Его губы были буквально в нескольких дюймах от ее губ. «Такие изумительные губы». Она качнула головой, чтобы избавиться от этих

глупых мыслей.

— Ты могла погибнуть, — произнес Гейбриел; в его голосе звучали сильные эмоции, которые она не смогла точно определить.

— Думаю, «погибнуть» — это слишком сильно сказано, — возразила Калли, понимая, что эти слова не вернут его благосклонность.

— Ты могла упасть, и на тебя мог наехать проезжающий экипаж.

Калли открыла было рот, чтобы возразить, но Ралстон, не дав ей договорить, поставил ее на тротуар перед открытой дверцей своего экипажа и коротко кивнул на тускло освещенный салон кареты. Он произнес «Садись» таким тоном, что стало ясно: возражать не имеет смысла.

Она оперлась на предложенную им руку и села в экипаж.

Отодвинув занавеску, Калли смотрела в окно, внимательно разглядывая улицы, по которым они проезжали.

— Спасибо, — произнесла она настолько тихо, что ее слова едва не заглушил цокот копыт. Ралстон ничего не ответил, и она добавила: — За то, что спасли меня.

В ответ Ралстон пробормотал что-то уклончивое. Совершенно ясно, что она своим поведением вывела его из себя. Наверное, этого следовало ожидать.

Несколько минут прошли в молчании, затем Калли снова попыталась начать разговор:

— Я с нетерпением жду выхода в свет Джулианы, милорд. И очень надеюсь, что она выйдет замуж по любви.

— Надеюсь, этого не произойдет.

Она бросила на него удивленный взгляд.

— Прошу прощения?

— В семействе Ралстон любовь никому не принесла ничего хорошего, и я не хочу, чтобы это произошло с кем-то из нас.

— Вы не можете говорить это серьезно.

Гейбриел сухо ответил:

— Почему бы и нет? Моя матушка оставила след из разбитых сердец по всей Европе, попутно наставив рога двум мужьям и бросив троих детей, которых, по ее утверждению, она любила. И вы заявляете, что брак по любви является той нормой, согласно которой я буду измерять успех моей сестры в обществе? Нет. Я буду считать брак моей сестры успешным, если она выйдет замуж за человека, обладающего характером и добротой — теми качествами, что имеют гораздо большую ценность, чем любовь.

Если бы они находились в другом месте и в другое время, Калли, вероятно, решила бы на этом закончить разговор. Может, все дело в виски или в приключении в целом, но она развернулась на сиденье и посмотрела ему в лицо.

— Милорд... вы хотите сказать, что не верите в любовь?

— Любовь — это просто отговорка, чтобы действовать, не думая о последствиях, — без всяких эмоций заметил Ралстон. — Я всегда замечал, что она постоянно является предвестником боли и страданий. И как понятие она приносит больше вреда, чем пользы.

— Не могу согласиться с вами.

— Я на это и не рассчитывал, — откровенно признался он. — Рискну угадать. Вы думаете, что любовь существует во всем поэтическом величии Шекспира и Марло, а также несчастного лорда Байрона и прочих, прочих.

— Не стоит говорить об этом с таким пренебрежением.

— Простите меня. — Встретившись с ней взглядом в полумраке кареты, Ралстон слегка взмахнул рукой. — Прошу, продолжайте. Просветите меня в вопросе истинной любви.

Калли тотчас занервничала. Казалось, он может совершенно отвлеченно обсуждать этот вопрос, но ведь взгляды человека на любовь достаточно личные. Она постаралась придать своему голосу сухой ученый тон.

— Я бы не стала заходить так далеко и утверждать, что любовь действительно нечто идеальное, как нас пытаются убедить поэты, но я верю в брак по любви. Иначе не могу. Я ведь дитя именно такого брака. И если это не является достаточно убедительным доказательством, думаю, сегодняшняя бал служит тому еще одним подтверждением. Моя сестра и Ривингтон глаз не сводят друг с друга.

— Влечение — это не любовь.

— Не думаю, что их связывает простое влечение.

Не отвечая, Ралстон пристально смотрел на нее, потом наклонился, так что между ними осталось всего лишь несколько дюймов.

— Влечение — это не такое уж простое чувство.

— Тем не менее... — Калли умолкла, не в состоянии вспомнить, что пыталась сказать. Ралстон находился слишком близко.

— Хотите, я покажу вам, насколько сложным может быть влечение? — Голос прозвучал низко и бархатно, он прозвучал как само искушение. Его губы оказались рядом с ее губами, она чувствовала их движение, когда он говорил, почти касаясь ее кожи.

Нависнув над Калли, он ждал ответа. Калли буквально сгорала от желания прикоснуться к нему. Она попыталась заговорить, но слова будто застряли в горле. Она даже не могла сформулировать свои мысли. Он вторгся в ее душу, лишив возможности выбора, и сейчас ей оставалось лишь сократить это крошечное расстояние между ними.

В тот момент, когда их губы соприкоснулись, Ралстон обнял ее, приподнял и усадил к себе на колени. Этот поцелуй значительно отличался от их первого поцелуя — был более напряженным, более чувственным, менее осторожным. Калли застонала, когда он нежно коснулся пальцами ее шеи, потом тронул за подбородок. Его губы коснулись ее губ, и язык буквально вторгся в рот, потом он слегка отстранился и посмотрел на ее прикрытые глаза.

Едва заметная улыбка появилась на его губах.

— Как страстно, — прошептал он, запустив пальцы ей в волосы, убирая шпильки и распуская волнистые пряди. — Как пылко. Откройся мне.

А затем обхватил ее губы обжигающим поцелуем, и она открылась ему, отвечая поглаживанием на поглаживание, лаской — на ласку. Калли обхватила Ралстона руками за шею, а он распахнул ее плащ и рукой провел тропинку к груди, взяв в ладони пышную плоть. Она оторвала от него губы и тут же охнула, когда он провел пальцем по кончикам сосков, которые напряглись под грубой шерстью чужого платья. Потом Ралстон припал губами к шее и языком провел горячую линию от позвоночника до плеча, коснувшись зубами чувствительной кожи, и волна огромного наслаждения прокатилась по всему ее телу. Калли едва не задохнулась от небывалого ощущения, и в этот момент маркиз коснулся губами плеча, а натянутая ткань лифа платья внезапно опала и ее груди словно сами по себе рванулись в его ладони.

Калли даже открыла глаза, ощутив эту неожиданную свободу и холодный ночной воздух, омывший разгоряченную кожу. И прежде чем маркиз вновь слегка отстранился, чтобы полюбоваться ее обнаженной грудью, она наткнулась на его обжигающий взгляд. Белая кожа груди едва ли не светилась в слабом мерцании уличных фонарей, и когда он положил на нее свою руку, Калли лишь покорно следила за его крепкими пальцами, ласкавшими бледную кожу. Картина оказалась более эротичной, чем она могла себе представить. Она наблюдала, как он успокаивает разгоряченную кожу и ласкает пальцем обнажившийся сосок, вынуждая его вздыматься и твердеть.

Калли, переполненная новыми ощущениями, заерзала у него на коленях, и когда ее бедро ненароком коснулось напряженной плоти, Ралстон лишь громко скрипнул зубами. Ее захватило чувство женской власти, и она повторила это движение, на этот раз намеренно качнувшись бедром в пах мужчины. Он тяжело задышал и, взглянув ей в глаза, сжал округлые плечи стальной хваткой. Несколько секунд спустя Ралстон хрипло произнес:

— Ты затеваешь опасную игру, шалунья. Но я серьезный противник.

Калли удивленно распахнула глаза, а он, видимо, не желая углубляться в детали, припал губами к ее груди, и наступил ее черед задышаться. Его язык описывал круги вокруг восставшего соска, потом Гейбриел обхватил его губами и мягко втянул в рот, пока Калли не вскрикнула и не вцепилась ему в волосы.

Затем он немного отстранился, и обнаженную грудь Калли обдал поток прохладного воздуха.

— Ралстон.

Его имя слетело с ее губ хрипло, умоляюще.

— Да?

— Не останавливайся, — прошептала она в темноту. — Пожалуйста.

Маркиз поцеловал ее, не в силах отрицать пронзительного удовлетворения, которое почувствовал от откровенной реакции на его ласки. Как давно он не встречал женщину, которая была бы настолько искренней! Но не дай Бог, он скоро привыкнет к этому желанию. Ралстон прервал свой чувственный, может — даже грубый, поцелуй, чтобы подчиниться ее просьбе.

— С удовольствием, миледи, — сказал он и коснулся губами второй груди.

Калли выкрикнула его имя, но звук мигом утонул в мягкой обивке кареты, успев, однако, вызвать у мужчины всплеск удовольствия, который отозвался в самой глубине его возбужденного тела.

Он хотел ее. В экипаже. Он хотел погрузиться в нее очень глубоко, чтобы показать этой невинной душе, что такое настоящая страсть.

Мысль о невинности этой девушки повергла Ралстона в ужас. Содрогнувшись, он вскинулся и выглянул в маленькое окошко кареты. Площадное ругательство взорвалось в его голове. Это не та женщина, которой можно овладеть в экипаже. Это леди Кальпурния Хартуэлл, сестра графа Аллендейла, сказал себе Гейбриел. И не имеет значения, что она полураздета. Как он мог настолько утратить самоконтроль?

Ралстон начал приводить одежду Калли в порядок, довольно умело поправляя лиф ее платья, а она в смущении сидела у него на коленях и пристально смотрела широко распахнутыми глазами.

— Мы почти приехали, — глухо сказал он.

Эти слова мгновенно привели Калли в чувство. Она поспешно пересела на диван у передней стенки кареты и судорожными движениями начала поправлять платье. Стянув перчатки, чтобы не мешали, Калли, отчаянно вывернув руки, затянула шнуровку. Разыскав в тусклом свете свечи свои выпавшие шпильки, она привела в порядок прическу. Ралстон молча наблюдал за ней, стараясь не замечать, как взволнованно вздымается грудь девушки, туго обтянутая грубой шерстью невзрачного платья. Стиснув зубы, он удержался, чтобы вновь не прильнуть к этой нежной коже. Вместо этого, небрежно нагнувшись, он поднял несколько упавших шпилек и протянул Кальпурнии.

Она приняла их порывистым движением, и на короткое мгновение руки соприкоснулись. Небывалый чувственный жар моментально охватил обоих.

— Спасибо, — тихо произнесла она срывающимся от волнения голосом. Кое-как приткнув последние беспорядочные пряди, Калли скромно отодвинулась в самый уголок каретного дивана.

Моментально исчезла та страстная женщина, которую он раскрыл; вновь перед ним была чопорная леди Кальпурния. Откинувшись на спинку сиденья, Ралстон откровенно разглядывал расположившуюся перед ним графиню. В этот момент экипаж остановился перед въездной дорожкой в Аллендейл.

— Я не уверен, что следует подвозить вас к самому входу, — сказал он. — Вы ведь собираетесь вернуться в дом тайком, не так ли?

Калли слегка улынулась своему визави.

— Именно так, милорд.

— О, мы вновь перешли на обращение «милорд».

Она лишь смущенно опустила голову. Конечно, Ралстон не мог этого видеть в полумраке экипажа, но точно знал, что девушка залилась румянцем.

— Я хотел бы проводить вас до дверей.

— В этом нет необходимости.

— И тем не менее...

Она прервала его:

— Думаю, будет лучше, если я пойду одна. Если нас увидят вместе...

Не было необходимости заканчивать фразу. Ралстон кивнул, распахнул дверцу и, выйдя из кареты, подал девушке руку.

Он стоял неподвижно, глядя вслед Калли, которая через несколько минут благополучно вошла в дом через освещенный лишь двумя свечными фонарями парадный вход. Затем Ралстон сел в экипаж и резко стукнул в потолок, приказывая вознице трогаться.

Глава 8

Калли с тихим щелчком закрыла широкую дубовую дверь Аллендейл-Хауса, с облегчением вздохнула и прислонилась спиной к прохладному дереву. Спрятав ключ в потайной карман плаща Анны, она прижала руку к груди, безуспешно пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце.

Она осторожно пересекла отделанный мрамором холл и ступила на широкую лестницу. В полной темноте дома Калли двигалась почти на ощупь, но быстро нашла рукой толстые перила из красного дерева. Теперь идти стало легче, но только она поставила ногу на следующую ступеньку, как позади скрипнула открывающаяся дверь и серебристый свет свечи затрепетал за ее спиной. Калли охнула и, испуганно обернувшись ко входу в библиотеку, встретила взглядом с братом. Бенедикт был явно удивлен, встревожен и недоволен одновременно.

— Где, черт возьми, ты была?

Калли молчала, застыв в оцепенении и обдумывая варианты спасения. Таковых было не много, если не считать идеи уйти из дома и больше не возвращаться.

Нацепив на лицо улыбку, Калли произнесла шепотом:

— Не думаю, что ты поверишь, если я скажу, что была в консерватории.

— Ни единого шанса, — сухо ответил Бенедикт. — Сестра... — В голосе Бенедикта звучало предупреждение, он протянул руку и широко распахнул дверь. — Могу я пригласить тебя зайти ко мне?

Признав свое поражение, Калли вздохнула и устало направилась в огромную комнату, освещенную двумя каминами и дюжиной свечей. Она пробормотала себе под нос:

— Как же я не заметила всю эту иллюминацию?

— Действительно странно, — сухо произнес Бенедикт, закрывая за собой дверь. Калли развернулась, услышав, как щелкнул замок, и оказалась лицом к лицу с братом. Когда Бенедикт увидел сестру при ярком свете, это не улучшило его настроения. — Боже правый! Что, черт возьми, на тебе надето?

— Матушка не одобрила бы использование таких выражений в обществе леди, Бенедикт. — Попытка уйти от ответа не увенчалась успехом.

— Во-первых, я думаю, что, учитывая обстоятельства, матушка использовала бы и более крепкие выражения. А во-вторых, данная ситуация вообще ставит под сомнение твой статус леди. Не соблаговолишь ли предоставить мне объяснения относительно твоего местонахождения этим вечером?

— Как ты знаешь, я была на балу по случаю помолвки сестры, — уклончиво заявила Калли, продолжая лихорадочно придумывать какую-нибудь спасительную ложь.

— Мое терпение на исходе. — Его темно-карие глаза сверкнули. — После бала. Более подробно, пожалуйста, куда ты ходила в таком... — взмахнул он рукой, указывая на ее наряд, — в таком маскировочном одеянии. Даже не знаю, как это и назвать. Откуда ты вообще взяла это уродство?

— Я одолжила.

— У кого?

— Не скажу.

Бенедикт резанул рукой воздух.

— У Анны, я полагаю. Мне следовало бы отказать ей от места — она слишком потакает твоим прихотям.

— Вероятно. Но ты этого не сделаешь.

В его глазах зажглось предупреждение.

— Не испытывай мое терпение, Кальпурния. Отвечай сейчас же. Куда ты ходила?

— Перестань, Бенедикт, — произнесла она самым высокомерным тоном, на какой была способна. — Я же не спрашиваю тебя, куда ты уходишь и когда приходишь.

— Калли... — В его тоне ясно слышалось предупреждение.

Она снова вздохнула, поняв, что избежать объяснения не удастся.

— Ну хорошо. Я тайком вышла из дома. Я ходила... — Она замолчала. Произнести это было очень нелегко. — Я ходила в паб.

— Куда?!

Голос брата почти гремел.

— Ш-ш-ш! Бенедикт, ты разбудишь весь дом!

— Пожалуй, именно это и стоит сделать! — Он понизил голос до безумного шепота. — Какого черта?

— Чтобы выпить, конечно, — сказала она, словно это было обычным делом.

— Калли! Там не было никого, кто мог бы тебя узнать?

— Никого важного.

Бенедикт замер, пронзив сестру взглядом карих глаз.

— А кто был не важный?

— Ладно. Меня видел Ралстон. Он был там.

Бенедикт тяжело опустился в обтянутое бархатом кресло.

— Боже правый.

Калли последовала его примеру, устало опустившись в кресло напротив.

— Ну, это неудивительно, если учесть, что именно он порекомендовал мне эту таверну! — быстро произнесла она, пытаясь успокоить брата, и только тут заметила, что глаза у него стали как чайные блюдца, — похоже, ее слова повергли Бенедикта в настоящий шок.

— Ралстон рекомендовал тебе таверну?

— Ну, если быть честной, это я попросила у него совета. Он думал, что это для тебя.

— Для меня? — В голосе Бенедикта слышалось изумление и замешательство.

— В самом деле. Я же не могла сказать ему, что спрашиваю для себя.

— Конечно, нет. — Бенедикт смотрел на сестру так, словно она не в своем уме. — Почему бы не выпить здесь? Зачем тебе понадобилось идти в таверну?

— Ну прежде всего, — начала Калли невозмутимым тоном, — если пить здесь, то это уже не будет приключением.

— Приключением?

— Именно так, — подтвердила она. — И потом, если попробовать вспомнить, то, по сути, это была твоя идея.

— Моя идея? — Бенедикт побагровел.

— Да. Разве не ты всего лишь несколько дней назад убеждал меня лучше узнать жизнь?

— Тогда позволь мне подвести итог. И никаких возражений. Я буду рад, если ты станешь воплощать собственные фантазии здесь, в этом доме, под этой крышей. Пей, пока можешь держаться на ногах. Ругайся как портовый грузчик. Можешь даже поджечь свое вышивание. Но как твой старший брат и глава семьи, — он намеренно сделал ударение на последнем слове, — я запрещаю тебе посещать таверны, пабы и любые другие злачные места.

Калли задумчиво посмотрела на брата.

— Больше никаких таверн, — проговорила она.

— Если тебе нужно приключение, устраивай его здесь.

— Правда? — Она посмотрела на него с улыбкой, полной надежды.

— О нет. И что же на этот раз?

— Только не смейся: мне хотелось бы попробовать сигару.

Бенедикт тут же разразился смехом.

— Я думаю, что ты возлагаешь слишком большие надежды на опыт курения.

— Что ж, может быть сейчас самое подходящее время развенчать эти ожидания, тебе не кажется? — Она помолчала, глядя на него с умоляющим видом. — Ну пожалуйста. Я даже никогда не видела, как курят.

— Ты и не должна была этого видеть! — отрезал Бенедикт. — Джентльмены не курят в присутствии дам.

— Бенни! — взмолилась она. — Никто и не узнает. Ты ведь сам сказал, что я могу устраивать приключения дома!

Несколько минут не говоря ни слова, он смотрел на сестру, и она уже решила, что ей так и не суждено покурить сигару этим вечером. Кальпурния уже собиралась встать и выйти из комнаты, когда брат тяжело вздохнул. Услышав этот вздох, Калли широко улыбнулась.

Она победила.

Занимаясь своим туалетом и надевая длинную ночную рубашку, Калли мысленно прокручивала в голове события этого вечера. Затем расправила смятый листок со своим списком, взяла перо и провела жирную линию, зачеркнув «Курить сигару и пить виски».

Калли задула последнюю свечу, легла в постель и стала мечтать о Ралстоне.

Глава 9

Несколько дней спустя Калли прибыла в Ралстон-Хаус ровно в полдень, готовая к вояжу по магазинам и салонам модисток с целью приобретения нарядов для Джулианы.

Больше всего Калли ненавидела покупать наряды, поэтому привела с собой подкрепление в лице Марианны, которая, помимо своей безумной любви к Бонд-стрит, буквально сгорала от желания увидеть загадочную младшую сестру Ралстона.

— Я никогда не бывала в Ралстон-Хаусе! — возбужденно шептала Марианна, когда они поднимались к тяжелой входной двери особняка.

— Тебе и незачем было здесь появляться, — чопорно заметила Калли. — Пока к Ралстону не приехала сестра, этот дом был совершенно неподходящим местом для молодых незамужних женщин.

«Как и для немолодых незамужних женщин, но это не помешало тебе нанести визит маркизу».

Калли чуть нахмурилась, старательно отгоняя назойливый внутренний голос, и протянула руку к дверному молотку. Однако не успела она постучать, как дверь распахнулась и на пороге

показалась оживленная Джулиана.

— Привет! — воскликнула она.

Позади нее стоял явно озадаченный Дженкинс с удивленно выпученными глазами; весь его вид говорил о том, что старый дворецкий буквально шокирован поступком молодой женщины, которая не дождалась, пока он откроет дверь и объявит о прибытии гостей. Старик слегка приоткрыл рот, потом плотно сжал губы, искренне не понимая, как себя вести при таком грубом нарушении этикета. Калли с трудом сдержала улыбку, понимая, что стоик-дворецкий не способен отнестись к этой ситуации с юмором.

Однако Марианна быстрее отреагировала на эту сцену и рассмеялась. Она радостно хлопнула в ладоши, перешагнула через порог и, взяв Джулиану за руку, сказала:

— Вы, должно быть, мисс Джулиана. А я Марианна, сестра Калли.

Джулиана слегка присела в поклоне и произнесла в ответ:

— Леди Марианна, для меня большая честь познакомиться с вами.

Марианна покачала головой и широко улыбнулась:

— Мы вполне можем обойтись без «леди» — называйте меня Марианной. Уверена, что мы с вами подружимся.

Джулиана ответила Марианне такой же сияющей улыбкой.

— Тогда вы можете называть меня Джулианой, договорились?

Калли улыбнулась, глядя на девушек, которые уже склонили головы друг к другу, словно собираясь посекретничать. Стоявший позади них Дженкинс скорбно уставился в потолок. У Калли не было никаких сомнений, что дворецкий с радостью бы вернул те дни, когда в Ралстон-Хаусе не обитали представительницы слабого пола.

Пожалев старика, она повернулась к девушкам и предложила:

— Похоже, мы можем отправляться?

Через несколько минут они разместились в экипаже Аллендейлов и поехали на Бонд-стрит, где и провели большую часть дня. Конечно, все это было не так просто, учитывая количество карет, колясок, двуколок, кебов и покупателей.

Марианна, по-видимому, почувствовав нервное напряжение Джулианы, весело прощептала:

— Разумеется, мы начнем с мадам Эбер. — Она взяла Джулиану за руку и возбужденно прошептала: — Она, конечно же, француженка и к тому же лучшая модистка в Лондоне. Все хотят попасть к мадам Эбер, но она очень придирчива в выборе клиентов. В ее нарядах никто не останется без внимания!

Джулиана посмотрела на девушку широко раскрытыми глазами.

— Если, как говорят, она очень привередлива, то почему ты решила, что она согласится принять меня? Ведь у меня нет никакого титула.

— Согласится, можешь не сомневаться! Во-первых, я у нее одеваюсь уже не первый сезон, и она не сможет отказать моей подруге. Но если моей рекомендации не хватит, — добавила она непринужденным тоном, — то твой брат Ралстон — маркиз, и к тому же богат, как Крез. Ему-то мадам никогда не откажет.

— Марианна! — возмущенно воскликнула Калли.

Та посмотрела на сестру с невинным видом.

— Но ведь это правда!

— Пусть так, но это моветон — обсуждать финансовое положение маркиза.

— Чепуха, Калли. Среди своих можно. — Марианна небрежно взмахнула рукой и улыбнулась Джулиане. — Это правда. Думаю, он одевал здесь своих любовниц.

— Марианна! — В голосе Калли появились угрожающие нотки. Джулиана рассмеялась, но Калли предупреждающе взглянула на девушку. — Мисс Джулиана, не стоит поощрять мою сестру-сплетницу.

Экипаж остановился, Марианна поправила свою шляпку и завязала аккуратный бант под подбородком. Она проказливо подмигнула Джулиане и, спрыгнув из коляски на землю, громко сказала, обернувшись:

— Это правда!

Джулиана вновь рассмеялась, и девушки поторопились в салон модистки. Калли, мысленно улыбаясь, последовала за ними. Как удачно, что Мари составила им компанию в этой вылазке: ее естественная открытость была под стать непосредственности Джулианы, и Калли даже гордилась тем, что ей в голову пришла мысль свести их вместе. Ралстон будет рад узнать, что его сестра так быстро подружилась с будущей герцогиней Ривингтон.

Мари, конечно, права: большинство мужчин лондонского света обеспечивали своих любовниц приличным жильем и хорошими нарядами. И Ралстон не исключение. Однако укол ревности, который Калли ощутила при мысли о том, что он оплачивал наряды других женщин, был очень острым.

И сколько же было таких женщин?

— Леди Кальпурния!

Эти слова вывели ее из мучительной задумчивости, и, обернувшись, Калли увидела, что с противоположной стороны улицы к ним направляется барон Оксфорд. На нем были щегольские лосины из оленьей кожи и темно-голубой камзол, из-под которого виднелся малиновый жилет, идеально сочетающийся с набалдашником трости и каблуками сапог, блеск которых мог сравниться только с сиянием его широкой белозубой улыбки. Оксфорд всегда старался следовать последним веяниям моды.

«Вот только какого черта он орет на всю улицу, как последний угольщик?»

— Леди Кальпурния! — повторил барон, подсакивая к Калли, когда она уже стояла на ступеньках салона мадам Эбер. — Какая удача! Я только утром подумал о том, чтобы нанести визит в Аллендейл-Хаус... а вы тут как тут!

— Действительно, — ответила Кальпурния, удержавшись от вопроса, с чего бы это барону вдруг наносить визит в Аллендейл-Хаус, — я здесь. — Оксфорд продолжал улыбаться ей, ничего не говоря, и Калли сухо добавила: — Замечательный день для вояжа по магазинам.

— Ваше присутствие делает его еще более замечательным.

Калли сдвинула брови.

— Спасибо, милорд.

— Могу я надеяться, что вы отложите свой поход, чтобы выпить прохладительного?

Он что, пытается за ней ухаживать?

— К сожалению, не могу... Понимаете, моя сестра уже в салоне. — Калли махнула рукой, указывая на мастерскую портнихи. — Она ждет меня.

— Уверен, что она поймет.

Он протянул ей руку, продолжая широко улыбаться, и вдруг подмигнул.

Калли оцепенела от этой фривольности. Барон Оксфорд определенно пытается за ней ухаживать.

— Калли!

Калли вздрогнула и повернулась к Марианне, которая выглядывала из двери салона в поисках сестры. Увидев Калли в обществе барона и моментально оценив ситуацию, что привело ее в полное замешательство, Мари добавила:

— Здравствуйте, барон Оксфорд.

Оксфорд, развернув один сапог с малиновым каблуком в сторону Марианны, склонился в чрезвычайно низком поклоне.

— Леди Марианна, всегда рад вас видеть.

Мило улыбнувшись, Марианна сказала:

— Я тоже. — И тут же, без паузы, добавила: — Барон, надеюсь, вы не станете возражать, если я похищу у вас свою сестру?

Оксфорд выпрямился и снова широко улыбнулся:

— Ни в коем случае! Такой поворот событий лишь подкрепит необходимость моего визита к леди Кальпурнии в Аллендейл-Хаус.

— Это будет замечательно, милорд, — добавила Калли и, махнув барону на прощание, скрылась за дверью салона.

— Не могу поверить, что он держал тебя на улице! Как ты думаешь, у мужчин что-нибудь есть в голове? — тихонько спросила Марианна.

Калли улыбнулась:

— Кроме зубов?

Громко рассмеявшись, сестры подошли к Джулиане, которую уже поджидала мадам Эбер. Как и предсказывала Марианна, модистка быстро смекнула, что пошив гардероба для Джулианы сулит ей хороший заработок.

Вскоре их уже окружила толпа швей: одни начали снимать мерки с девушки, а другие — демонстрировать ткани всевозможных расцветок и фактуры. Какая-то невысокая женщина в очках, присев на стул, старательно записывала, то, что говорила Марианна.

— Для начала понадобится по крайней мере шесть платьев для обеда, три костюма для верховой езды, дюжина утренних платьев, пять — для прогулок... — Она помолчала, давая возможность помощнице модистки сделать запись. — О! И три бальных платья... нет, четыре. Они должны быть потрясающими, естественно. — При этих словах Марианна многозначительно посмотрела на мадам Эбер. — Мисс Джулиана должна покорить Лондон.

Калли лишь улыбалась, наблюдая за этой сценой. Марианна и в самом деле была идеальной советчицей в таком деле. Джулиана, казалось, совершенно лишилась дара речи. Бедняжка.

Марианна посмотрела на Калли.

— Я ничего не забыла?

Повернувшись к модистке, Калли неторопливо заговорила:

— Короткие жакеты, мантильи, плащи и шали с соответствующими аксессуарами... И конечно, ей понадобится нижнее белье. И ночные рубашки.

Джулиана наконец произнесла:

— Я не понимаю, зачем нужны новые ночные рубашки: у меня есть, вполне приличные.

— Они нужны, потому что ваш брат так захотел, — невозмутимо заметила Марианна. — Так почему бы не заказать?

Джулиана посмотрела на Калли.

— Слишком много всего. Я пробуду здесь только семь недель.

Калли одобритительно кивнула, она сразу же поняла суть смущения девушки. Та только что познакомилась со своим братом и теперь заказывает за его счет наряды, которые стоят целое состояние. Калли подошла к Джулиане и, успокаивающе положив свою ладонь на ее руку, тихо, так чтобы, кроме Джулианы, никто не слышал, сказала:

— Брат хочет сделать это для тебя. Это была его идея. Я понимаю, это кажется просто расточительством... — Она встретилась с ясным, но обеспокоенным взглядом девушки. — Позволь ему поиграть в старшего брата.

Последовала короткая пауза, затем Джулиана кивнула:

— Мне хочется, чтобы платья были более... в итальянском стиле.

Мадам Эбер услышала ее реплику и улыбнулась:

— Вы думаете, что я возьму дикую лилию и подстригу ее так, что она станет походить на английскую розу? Вы появитесь в обществе как самая яркая итальянская звезда.

Калли не удержалась и хихикнула:

— Великолепно. Займемся выбором тканей?

После ее слов швеи засуетились и принялись раскатывать рулоны муслина, атласа, батиста, крепа и бархата самых разных расцветок и рисунков.

— Выбирай, что тебе нравится, — предложила Калли.

Джулиана с задумчивой улыбкой начала рассматривать ткани.

Она быстро втянулась в это приятное занятие и в течение часа выбрала ткани для всех своих нарядов.

Они с Марианной пили чай и обсуждали канты и лифы, а Калли молча поглаживала легкий голубой атлас, который несколько раз притягивал ее взгляд с того момента, как они вошли в магазин. Впервые за долгое время Калли захотелось заказать платье. Для себя.

— Ту ткань, которая вам так понравилась, мы получили совсем недавно. — Модистка говорила с сильным акцентом, и ее слова вывели Калли из задумчивости. — Из этого атласа действительно получится прекрасный наряд. Для вашего следующего бала. Этот атлас буквально создан для платья, в котором можно выйти на тур вальса.

— Какая роскошь! — Марианна появилась рядом с ней, как только услышала слова модистки.

— В самом деле! Ты должна заказать себе такой туалет! — поддержала ее Джулиана.

Калли улыбнулась и покачала головой:

— Спасибо, но у меня нет в этом необходимости.

Мадам Эбер удивленно подняла брови.

— Вы не посещаете балы?

— Посещаю... — Калли попыталась найти слова. — Но я не танцую.

— Возможно, у вас нет подходящего наряда, миледи. Осмелюсь сказать... если бы вы доверили мне шить вам платье из этой ткани, то точно стали бы танцевать.

Разложив отрез ткани на столе, француженка некоторое время вертела его, делая складки, поворачивая и сгибая. Отступив назад, она позволила Калли взглянуть на свою работу, в результате которой куску ткани приданы были очертания платья. Это выглядело потрясающе.

— Мы сделаем вырез пониже, чтобы в выгодном свете показать вашу фигуру, и, конечно же, подчеркнем талию. Вы прячете себя в этих оборках и складках... как это делают многие англичанки. — Последние слова мадам Эбер почти выплюнула, словно они имели отвратительный вкус. — Вам нужен французский стиль. Французы прославляют женские формы!

Калли покраснела от таких смелых речей модистки, и тем не менее они ее соблазнили.

Посмотрев на француженку, она сказала:

— Ну хорошо. Я согласна.

Марианна и Джулиана восторженно вскрикнули.

Мадам Эбер кивнула и приняла деловой вид.

— Валери, — строгим тоном позвала она свою помощницу, — сними мерки с леди Кальпурнии. Мы будем шить из этого воздушного голубого атласа. Ей также понадобится плащ.

— О, я не думаю...

Модистка, даже не взглянув на Калли, продолжала говорить, словно и не слышала ее.

— Темно-синий атлас. Отделаем его шиншилой. А воздушный голубой снимаем с полки. Это исключительно ткань для этой леди.

При этих словах девушки в мастерской притихли. Калли посмотрела на Марианну в недоумении. Сестра произнесла шепотом:

— Мадам Эбер снимает ткань с продажи, только когда собственноручно занимается пошивом платья! Это же здорово!

Калли нервно сглотнула. Во что она ввязалась?

Мадам Эбер повернулась к Калли.

— Три недели.

Та согласно кивнула.

— А для Джулианы?

— То же самое. Мы пришлем ей заказ, как только все будет готово.

— Ей понадобится золотистое вечернее платье в среду, — сказала Марианна, — для оперы.

Джулиана, которая в этот момент поглаживала лавандового цвета муслин, отобранный для одного из ее прогулочных нарядов, подняла голову и удивленно посмотрела на девушку.

— В среду мы должны быть в опере, — повторила Марианна и сказала, обращаясь к Джулиане: — Ты, разумеется, пойдешь с нами.

Конечно, Марианна права. На среду было назначено открытие сезона в «Королевском театре», и это событие идеально подходило для появления Джулианы в свете. Кое-кому девушку удастся представить, а остальных наверняка заинтересует прекрасная незнакомка, так что не исключено, что ей придется пообщаться с представителями светского общества в антрактах, а то и после спектакля.

Модистка, которая хранила молчание в течение всего разговора, наконец заговорила:

— Сегодня понедельник, миледи. Я могу закончить платье к среде, но моим девушкам придется работать и ночью.

— Ее брат — маркиз Ралстон. Я уверена, что он не станет возражать против дополнительной оплаты.

Мадам Эбер тут же приказала двум девушкам приниматься за работу.

Вновь оказавшись на улице, троица методично начала обходить великолепные магазины Бонд-стрит. Посетив очередной модный шляпный магазин, они свернули на маленькую узкую улочку, и Джулиана остановилась, засмотревшись на скромную витрину книжной лавки. Повернувшись к своим спутницам, она сказала:

— Вы не будете возражать, если мы зайдем сюда? Мне хочется купить что-нибудь для своих братьев в благодарность за их доброту.

— Превосходная идея!

Калли, которая не пропускала ни одного книжного магазина, широко улыбнулась и распахнула дверь перед Джулианой, пропуская девушку перед собой.

Зазвенел маленький колокольчик. Вежливо поприветствовав покупателей, владелец быстро вернулся к своей работе, а Калли и Марианна направились листать последние романы, пока Джулиана будет искать подходящие подарки для братьев.

Через четверть часа Джулиана наконец выбрала для Ника большую книгу с видами раскопок Помпеи, надеясь, что, при его любви к древностям, эта книга окажется идеальным подарком.

Однако с подарком для Ралстона все оказалось сложнее. Пожалуй, единственное, что она о нем знала, — это то, что вечерами он много музицирует. Блуждая по магазину, Джулиана касалась пальцами корешков больших книг в кожаных переплетах, гадая, что же выбрать.

Наконец она остановилась у солидного немецкого издания, посвященного Моцарту, и некоторое время стояла в раздумье, покусывая нижнюю губу.

— Если вы ищете биографию Моцарта, то лучше этой книги вам не найти. Нимечек знал маэстро лично.

Джулиана вздрогнула и повернулась к говорившему.

В нескольких футах от нее стоял самый красивый мужчина, которого ей когда-либо доводилось видеть: высокий и широкоплечий, с глазами цвета меда, разогретого солнцем. Полуденный свет, проникавший в магазин, играл на его золотых вьющихся волосах и подчеркивал совершенные линии прямого носа и резко очерченных скул.

— Я... — Джулиана умолкла, в полной панике пытаясь вспомнить, как должна вести себя приличная английская девушка в подобной ситуации. Они с Калли никогда не говорили о том, как следует реагировать, когда к тебе подходит ангел и советует приобрести биографию известного музыканта. Наверное, вполне уместно будет поблагодарить его. — Спасибо.

— Не за что. Очень надеюсь, что эта книга доставит вам удовольствие.

— О, это не для меня. Это подарок. Для моего брата.

— В таком случае, надеюсь, она доставит удовольствие ему.

Мужчина умолк, и они долго смотрели друг на друга.

От затянувшегося молчания Джулиана слегка занервничала и, не выдержав, наконец сказала:

— Извините, сэр, но мне кажется, нам не следует продолжать разговор.

Мужчина понимающе усмехнулся, и от этой улыбки ее окатило волной теплоты.

— Вам кажется?

— Я почти уверена в этом. Я недавно в Лондоне и не слишком хорошо знакома с английскими правилами приличий, но точно помню, что мы должны быть представлены друг другу.

— Очень жаль. Впрочем, что, по-вашему, может случиться, если нас застанут за обсуждением книги, тем более при свете дня?

Джулиана приняла его шутливый тон и, рассмеявшись, ответила:

— Кто знает, а вдруг земля разверзнется у нас под ногами, наказывая за столь дерзкий поступок.

— О, мне вовсе не хотелось бы подвергать даму такой опасности. Поэтому я удаляюсь с надеждой, что в самом скором времени мы будем должным образом представлены друг другу.

На мгновение у Джулианы возникла мысль позвать Калли или Марианну, чтобы их познакомили, но она почувствовала, что этого делать не следует. Поэтому лишь пристально посмотрела на златовласого мужчину и значительно произнесла:

— Я тоже на это надеюсь.

Джентльмен низко поклонился и направился к выходу — звон колокольчика над дверью возвестил о его уходе.

Не в силах удержаться, Джулиана быстро подошла к окну и с минуту наблюдала, как светловолосый мужчина идет по улице.

— Джулиана, — раздался голос Калли совсем рядом, — ты выбрала книги?

Джулиана обернулась к своей наставнице и с улыбкой кивнула:

— Выбрала. Как ты думаешь, Гейбриелу понравится биография Моцарта?

Калли прочитала название.

— Думаю, это прекрасный выбор.

Девушка глубоко вздохнула, удовлетворенная.

— Скажи, ты знаешь этого джентльмена?

Мари проследила за ее взглядом и сразу же заметила высокого мужчину, удалявшегося твердой, уверенной походкой. Сморщив носик, она посмотрела на Джулиану и поинтересовалась:

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — уклончиво ответила Джулиана. — Он... показался мне знакомым.

Мари покачала головой:

— Сомневаюсь, что ты его знаешь. Не могу представить, чтобы он снизошел до посещения Италии, не говоря уж о том, чтобы разговаривать с кем-либо из итальянцев.

— Мари... — начала Калли, в ее тоне прозвучало предупреждение.

— Но кто же он? — продолжала расспросы Джулиана.

Калли отмахнулась и направилась к прилавку.

— Герцог Лейтон.

— Он герцог? — удивилась Джулиана.

— Да, — кивнула Мари, ведя свою подругу в переднюю часть магазина. — До кончиков ногтей. Считает всех, кто не обладает титулом герцога, людьми, стоящими гораздо ниже себя. Таким образом, в мире не так много равных ему.

— Марианна! Ты опять сплетничаешь на людях?

— Брось, Калли. Признайся, что ты терпеть не можешь Лейтона.

— Конечно, не могу, — тихо произнесла Калли. — Никто не может. Однако я не кричу об этом на весь книжный магазин.

Джулиана задумалась. Герцог вовсе не показался ей неприятным, но ведь он не знал, кто она. Наверняка, если бы он узнал, что она дочь торговца...

— И много таких, как он? Которые тотчас отвернутся от меня из-за моего происхождения?

Сестры обменялись быстрыми взглядами, услышав ее вопрос, затем Калли взмахнула рукой и сказала:

— Если такие найдутся, то они не стоят твоего внимания. Большинство будут обожать тебя. Не бойся.

— Действительно, — с улыбкой поддержала ее Мари. — И не забывай, что скоро я сама стану герцогиней. И тогда... пусть все они горят синим пламенем!

— Я бы не хотела, чтобы они умерли такой страшной смертью, — встревоженно произнесла Джулиана.

Сестры несколько секунд озадаченно смотрели на девушку, потом Калли заливисто рассмеялась, сообразив, что Джулиана поняла слова Мари буквально.

— Это просто такое выражение, Джулиана. Конечно же, никто никого не собирается сжигать. Просто совсем скоро на таких типов Марианна сможет запросто не обращать внимания.

Джулиана понимающе закивала:

— О да! Я понимаю. Sì. Гори они все!

Девушки рассмеялись, и Джулиана, обернувшись к приказчику, рассчиталась за купленные книги. Приказав лакею отнести покупки в экипаж, Джулиана с улыбкой вновь обратилась к своим спутницам:

— Куда мы отправимся теперь?

Марианна широко улыбнулась в ответ:

— К перчаточнику, конечно. Ведь светская дама не может появиться в опере без перчаток, не так ли?

Глава 10

Калли стояла в ложе Ривингтона в «Королевском театре», не в силах сдержать довольной улыбки, и оглядывала публику, отмечая, что множество театральных биноклей направлено в сторону мисс Джулианы Фиори.

Если подобное внимание могло считаться показателем успеха, то Джулиана дебютировала просто замечательно, и не важно, что эта девушка дочь падшей маркизы и не обладает никаким титулом.

Представление еще не началось, а ложа уже наполнилась визитерами. Солидные джентльмены заходили, чтобы якобы выразить свое почтение вдовствующей герцогине, и после пары ничего не значащих фраз просили представить их прелестной Джулиане. Светские щеголи, не обремененные подобной щепетильностью, довольно бесцеремонно входили в ложу и, коротко поздоровавшись с герцогиней, представлялись сами, очевидно, считая, что в театральной ложе можно позволить себе некоторое отступление от правил.

Вечер складывался как нельзя более удачно, и этот успех обеспечила именно Калли.

Джулиана прибыла на открытие театрального сезона в экипаже Аллендейлов и, к восторгу Калли, держалась с достоинством и настолько уверенно, словно выходить в свет под пристальные взгляды лондонской аристократии было для нее самым обычным делом. Войдя в театр, Джулиана сняла плащ и осталась в потрясающем атласном вечернем платье, которое этим утром посыльный модистки доставил в Ралстон-Хаус. Мадам Эбер превзошла саму себя — платье великолепного фасона было вышито золотыми нитями. Такой наряд, без сомнения, должен был стать предметом зависти всех присутствующих в театре модниц.

И затем в этот самый важный вечер лондонского театрального сезона ее сопроводили в личную ложу герцога Ривингтона как персональную гостью вдовствующей герцогини, герцогини будущей и молодого герцога. В этот вечер ложе Аллендейлов суждено было пустовать — граф Аллендейл, вдовствующая графиня Аллендейл и Калли были также приглашены в ложу Ривингтонов, демонстрируя свету, что Джулиану принимает одно из самых влиятельных семейств Британии.

Мало того — еще перед началом первого акта прибыли Ралстон и Сент-Джон, давая мамашам незамужних дочерей еще больше поводов для сплетен. Неуловимые близнецы редко показывались на подобных мероприятиях, еще реже их можно было увидеть вместе. Калли искоса поглядывала на братьев, которые стояли, словно часовые, в паре футов позади сестры и, выделяясь своим ростом и неотразимой внешностью, выглядели весьма впечатляюще.

Когда взгляд Калли падал на Ралстона, ее сердечко сразу же начинало биться быстрее.

Идеально скроенный фрак как влитой сидел на его широких плечах, а черные, без единой складки бриджи плотно обтягивали узкие бедра. Пышный галстук был идеально накрахмален, ботинки сверкали. Словом, Ралстон выглядел безупречно, хотя внимательный наблюдатель мог бы заметить некоторое напряжение в его широких плечах, длинные пальцы, время от времени сжимавшиеся в кулак, и нервные желваки, волнами пробегавшие по скулам, когда его сестра лавировала среди сложных переплетений лондонской общественной сцены. По всему было видно, что он готов в любую минуту прийти на помощь Джулиане.

В какой-то момент, почувствовав на себе внимательный взгляд Калли, Ралстон обернулся и прямо посмотрел на девушку. Их глаза встретились, и Калли нервно вздохнула под пронизательным взглядом его голубых сверкающих глаз. Ралстон пристально посмотрел Калли в глаза и коротко, почти незаметно поклонился. Она поняла, что означает это незаметное для остальных движение. «Спасибо».

Калли перевела взгляд на Джулиану, с гордостью наблюдая, с каким естественным достоинством та беседует со вдовствующей герцогиней, которая на виду у всего лондонского света искренне смеялась над остроумными замечаниями дебютантки.

— Вы явно гордитесь собой.

При первых же звуках этого богатого обертонами голоса ее мгновенно охватило непонятное волнение. Отчаянно стараясь сохранять спокойствие, Калли посмотрела в голубые глаза Ралстона и сказала:

— Так оно и есть, милорд. Ваша сестра оказалась на высоте, не правда ли?

Обрадованная этой похвалой, Калли едва подавила желание по-детски захлопать в ладоши. Наконец театральный служка зазвонил в свой колокольчик, возвещая о начале представления. Замешкавшиеся зрители стали расходиться по своим местам, и Ралстон предложил Калли руку.

— Могу я проводить вас на ваше место, леди Кальпурния?

Калли взяла маркиза под руку, стараясь не обращать внимания на искорки, пробежавшие по ее телу, едва их руки соприкоснулись. Они встретились впервые после того вечера в таверне и в экипаже, впервые после того, как Ралстон держал ее в объятиях, он коснулся ее руки.

Как только Калли заняла свое место рядом с Бенедиктом, маркиз сел рядом с ней, и ощущение его близости целиком захватило Калли. Она была окутана его запахом, в котором чувствовался аромат сандалового дерева, лимона и чего-то еще, исключительно мужского. Калли с трудом удержалась от соблазна наклониться ближе и всей грудью вдохнуть этот волнующий запах. Так не пойдет.

Она попыталась найти тему для разговора, которая отвлекла бы ее от этого ощущения близости.

— Вы любите оперу, милорд?

— Не особенно.

В его тоне сквозило безразличие.

— Странно это слышать. У меня создалось впечатление, что вы любите музыку. Ведь у вас есть

фортепиано... — Она внезапно умолкла и быстрым взглядом окинула ложу: не прислушивается ли кто-нибудь к их разговору, — ведь она не может знать о существовании инструмента, который находится в его спальне.

Маркиз поднял брови в ответ и сухо произнес:

— Я действительно люблю музыку, леди Кальпурния.

Похоже, он поддразнивал ее. Что ж, Калли сумеет сдержаться.

— Впрочем, фортепиано сейчас можно встретить во многих домах, — прошептала она, стараясь не смотреть на Ралстона. После недолгой паузы Калли продолжила: — Я слышала, что «Севильский цирюльник» — чудесная опера, а певица, исполняющая партию Розины, необыкновенно талантлива. Не помню ее имени... Мисс... — Она умолкла, довольная, что смогла перевести разговор на абсолютно безопасную тему.

— Критикос. Настасия Критикос, — подсказал Ралстон.

Как только прозвучало имя певицы, Калли вспомнила полумрак спальни и его слова: «Мне не хотелось усложнять и без того трудную ситуацию, Настасия».

О Боже: оперная певица — его любовница! Калли подняла глаза и встретила его спокойный непроницаемый взгляд.

— Ох, — выдохнула она еле слышно, не в силах сдержаться.

Ралстон молчал.

С пылающими щеками Калли наклонилась вперед и выглянула из ложи, но сразу поняв, что пути к спасению нет, снова обернулась и натолкнулась на его теперь уже веселый взгляд. Маркиз буквально наслаждался ее замешательством!

— Слишком высоко, чтобы прыгать, мне кажется, — с заговорщическим видом произнес он.

Боже, он просто выводит ее из себя!

К счастью, Калли не пришлось срочно подыскивать достойный ответ, так как подняли занавес. И она решительно сосредоточила все свое внимание на сцене, намереваясь перестать думать о Ралстоне.

Конечно, это было невозможно, тем более что, согласно либретто оперы, очень скоро на сцене появилась Настасия Критикос. Греческая певица исполняла партию Розины, красивой женщины, вокруг которой строился сюжет, основанный на путанице, переодеваниях и любви с первого взгляда. Эта женщина, несомненно, подходила для роли роскошной красавицы. Помимо своей воли Калли сравнивала себя с этой красоткой и никак не могла избавиться от унижительного чувства зависти.

А ведь помимо невероятной красоты эта женщина обладала и самым великолепным голосом, который когда-либо звучал на этой сцене.

Ну и какой мужчина смог бы устоять перед этим совершенным образцом женственности!

Ложа Ривингтона была расположена таким образом, что сидевшие в ней зрители могли видеть небольшой участок закулисного пространства, и Калли была уверена, что в некоторые

моменты Настасия Критикос пристально вглядывалась в Ралстона, словно ожидая его ответа на свой молчаливый призыв. «Возможно ли, чтобы они возобновили свои отношения?» Калли даже закрыла глаза от такой мысли, но тут же распахнула ресницы и украдкой бросила взгляд на Ралстона — казалось, его внимание целиком было приковано к сцене.

Когда в первом акте началась ария Настасии, его, как, впрочем, и всех зрителей, полностью захватил чарующий голос певицы. Слушая арию, Калли сразу же заметила некоторую иронию в ее словах: «Да, Линдоро будет моим! Я поклялась в этом! Я добьюсь этого! Если мне помешать, я могу стать змеей! Я способна на любые трюки, чтобы добиться своего!»

— Могу представить, какой змеей она может быть, — пробормотала Калли себе под нос, когда после окончания арии буквально весь театр от лож и партера до последних рядов галерки взорвался криками: «Браво! Брависсимо!» Это решило все. Калли никогда больше не сможет получать наслаждение от этой оперы.

Закончился первый акт, и упал занавес, возвестив об антракте. Калли со вздохом еще раз огляделась, мечтая оказаться где угодно, лишь бы избежать пытки вторым актом.

Позади нее послышался смех Джулианы, и Калли поняла, что не имеет права уйти. Она пообещала вывести сестру Ралстона в свет, пообещала, что выход будет успешным, и она это сделает.

Набравшись решимости, она встала, намереваясь вступить в разговор, который проходил бы без участия Ралстона, и едва не столкнулась с бароном Оксфордом, который появился в ложе почти сразу же после окончания первого акта.

Идеально наманикюренный красавец одарил всех присутствующих в ложе своей фирменной улыбкой, задержав взгляд на Калли. Барон шагнул к ней, явно стараясь привлечь внимание графини на свой зеленый фрак и переливающийся атласный жилет цвета баклажана. Калли тотчас заметила, что цвет ботинок, как и цвет набалдашника трости, и на сей раз соответствовали цвету жилета. Неужели у него есть сапоги и трости всех возможных цветов? Эта мысль показалась Калли настолько нелепой, что она не сумела сдержать легкой улыбки.

— Милорд, — сказала она, пряча лицо в скромном поклоне, когда он низко склонился над ее рукой, — рада вас видеть.

— Я тоже очень рад. — Эти слова он произнес воркующим полусшепотом, что вызвало румянец на щеках Калли, и она чуть отступила от назойливого барона. А тот, нимало не смутившись, продолжил: — Я взял на себя смелость заказать шампанское. — Он замолчал и указал на топтавшегося поблизости лакея с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским. — В честь вас... и вашей компании.

Калли слегка склонила голову. Что ж, возможно, она неверно истолковала акцент, который он сделал на этих словах.

— Спасибо, милорд. — Она наблюдала, как лакей вносит шампанское в ложу, не зная, что сказать дальше. — Вам нравится спектакль?

— Весьма. Особенно меня впечатлило выступление мисс Критикос: она... совершенно... это что-то.

Оксфорд произнес эти слова с широкой улыбкой, поведя рукой в направлении сцены. Калли отчего-то стал неприятен этот жест. Оксфорд протянул ей бокал с шампанским, их руки

соприкоснулись, и барон с намеком на интимность провел пальцем по тыльной стороне ее ладони, потом, склонившись к ней, произнес, опять понизив голос до воркующего шепота:

— Конечно, и от антракта я получаю также огромное удовольствие.

На этот раз она совершенно уверилась, что он пьян: иначе и быть не могло. Калли отняла руку, прервав неприличное прикосновение, и подумала о том, что необходимо поставить барона на место. Конечно, именно так и следует поступить, но она не могла не признать, что испытала некоторое удовольствие. Весь вечер она страдала от того, что любовница Ралстона вызвала восхищение всего общества, но все же и она, Калли, не осталась обойденной вниманием. Она искоса взглянула на Ралстона, который беседовал с братом. Он встретил ее взгляд и поднял свой бокал в молчаливом тосте. Калли резко повернулась к Оксфорду и широко ему улыбнулась:

— И мне доставляет удовольствие этот антракт, милорд.

— Превосходно. — Он сделал большой глоток, затем произнес с несколько нечеткой артикуляцией: — Вы заинтересуетесь искусством?

Слегка ошеломленная этим вопросом, Калли ответила:

— Я... нуда, милорд.

Оксфорд заменил опустевший бокал на полный и, несколько выпятив грудь, произнес:

— Не хотели бы вы посетить выставку Королевской академии искусств? Она откроется на следующей неделе.

Сдержав желание поинтересоваться мотивами предложения барона, Калли поняла, что нет возможности избежать этого приглашения, поэтому, опустив глаза, тихо ответила:

— Это было бы замечательно, милорд.

— Что было бы замечательно? — Медленная тягучая речь указывала на приближение Ралстона, но Калли никак не отреагировала на его вопрос.

Однако Оксфорда, похоже, нисколько не смутило вмешательство маркиза.

— Леди Кальпурния позволила мне сопровождать ее на открытие выставки Королевской академии, — нарочито медленно произнес он, и Калли не могла не заметить победной нотки в тоне барона.

— Это правда? — спросил Ралстон.

Вовсе не обязательно было произносить эту фразу с таким удивлением.

— Действительно, милорд. Мне очень хочется посмотреть выставку этого года. — Калли слегка коснулась рукава Оксфорда. — Мне повезло иметь такого сопровождающего.

— Мне повезло еще больше, — ответил Оксфорд, не отрывая взгляда от Ралстона.

Калли не успела задуматься над странной интонацией, с которой были сказаны эти слова, как театральный служка прозвонил в свой колокольчик, возвещая об окончании антракта. Оксфорд покинул ложу, прежде низко склонившись над рукой Калли и прошептал:

— До свидания, миледи. С нетерпением буду ожидать следующей недели.

— Я тоже, барон Оксфорд, — ответила она с неглубоким реверансом.

Барон, широко улыбаясь, повернулся к Ралстону, все еще стоявшему неподалеку с совершенно каменным лицом:

— Честь имею, маркиз.

Ралстон молча смотрел на молодого франта, который, рассмеявшись в ответ на его пристальный взгляд и слегка коснувшись его локтя набалдашником трости, дерзко кивнул и вышел из ложи.

Калли проследила за ним взглядом, затем сказала:

— Не стоило быть с ним таким не приветливым.

— В голове барона нет ничего, кроме зубов, — ответил маркиз невозмутимо.

Не думая о том, что ту же фразу она сама произнесла всего лишь несколько дней назад, Калли промолчала и опустила в свое кресло. Ралстон сел рядом, но она делала вид, что не замечает его, и лишь пристально смотрела на сцену, ожидая, когда поднимут занавес.

В какой-то момент краешком глаза она заметила лакея, который вошел в ложу с серебряным под носом, на котором лежал сложенный листок бумаги. Ралстон, кивком поблагодарив лакея, взял адресованную ему записку и сломал маленькую восковую печать.

Не удержавшись, Калли бросила быстрый взгляд на листок, но и этого хватило: записка была столь коротка, что Калли успела ее прочесть.

«Приходи ко мне.

Н.»

Ралстон и Настасия все еще были любовниками.

Калли сдержала тихий возглас и, резко отвернувшись, сделала вид, что целиком поглощена только что начавшимся представлением.

В течение первых двух сцен второго действия в ее душе боролись печаль и гнев. Когда в начале третьей сцены Ралстон поднялся и быстро вышел из ложи, гнев одержал победу.

Нет. Она не позволит ему испортить первый выход сестры. Сколько усилий приложила Джулиана, чтобы добиться этого успеха! Сколько сделала для этого Калли! Не говоря уж об остальных, о тех, кто тоже оказывал поддержку его сестре.

Как смеет он рисковать всем этим? И ради чего?

Ее возмущение росло. Калли расправила плечи. Кто-то должен подумать о Джулиане. Повернувшись к Бенедикту, она произнесла шепотом:

— Похоже, шампанское ударило мне в голову. Я пойду отдохну в дамской гостиной.

Брат, который тоже обратил внимание на неожиданный уход Ралстона, склонился к Калли и прошептал:

— Никаких приключений, Калли.

Она выдавила улыбку:

— Никаких приключений.

И вышла из ложи.

Торопливо шагая по слабо освещенным коридорам театра, она продолжала лихорадочно гадать, успеет ли отыскать Ралстона, прежде чем тот своим легкомысленным поступком уничтожит даже малейший шанс на успех Джулианы. Калли готова была поспорить хоть на сам Аллендейл-Хаус, что он и раньше не раз уходил со спектакля, чтобы встретиться со своей любовницей прямо в театре. Вполне вероятно, что ему известен самый короткий путь к гримерной мисс Критикос. От этой мысли ее передернуло.

Калли завернула за угол к верхней колоннаде и увидела Ралстона, который поднимался по широкой роскошной лестнице. Быстро оглядевшись и убедившись, что поблизости никого нет, Калли окликнула его:

— Маркиз Ралстон! Остановитесь, сэр!

Мужчина замер на верхней ступеньке и удивленно оглянулся. Увидев едва ли не бегущую Калли, Ралстон сразу же догадался о ее намерении, и удивление сменилось гневом. Он быстро спустился вниз, и через несколько секунд они оказались лицом к лицу.

Не дав девушке вымолвить ни слова, он схватил ее за руку и буквально затащил в затененную нишу коридора, где, развернув лицом к себе, гневно прошипел:

— Вы сошли с ума?

Тяжело дыша от быстрой ходьбы и раздражения, Калли выдернула руку и прошипела в ответ:

— Могу задать вам тот же вопрос!

Он проигнорировал ее слова.

— Что вы здесь делаете? Если вас увидят...

— Ох, прошу вас, — прервала она его. — Это публичное место. Что может случиться, если меня здесь увидят? Мне подскажут, как пройти в дамский салон, и все, а вот если увидят вас...

Он посмотрел на нее как на безумную.

— О чем вы говорите?

— Вы не слишком-то осторожны, лорд Ралстон, — произнесла она с презрением. — Человеку, который заботится о репутации своей сестры, следовало бы быть более осмотрительным. — Она ткнула сложенным веером в его белоснежную манишку. — Я ведь видела переданную вам записку и знаю: вы здесь для того, чтобы встретиться с вашей... с вашей...

— Моей кем? — спровоцировал он ее.

— С вашей... любовницей!

Произнеся это слово, она еще раз ткнула веером ему в грудь.

На сей раз Ралстон резко отвел ее руку, его голубые глаза опасно сверкнули.

— На каком основании вы осмеливаетесь обвинять меня? Вы смеете ставить под сомнение мое поведение? Да кем вы себя возомнили?

— Женщиной, которую вы выбрали, чтобы ввести вашу сестру в общество. Я не позволю вам сорвать ее выход одним скандальным свиданием...

— Вы не позволите мне? А разве не вы без стеснения кокетничали с пьяным щеголем на виду у всего зала?

У Калли отвисла челюсть.

— Ничего подобного!

— Но впечатление создалось именно такое, миледи!

— Как вы смеете! — возмутилась она. — Как вы смеете говорить мне о бесстыдном кокетстве! Это ведь не я бросала томные взгляды на актрису в течение всего спектакля!

— Ну хватит, — произнес он, едва сдерживаясь.

— Нет! Я так не считаю. — И не в силах контролировать себя, Калли продолжила гнуть свою линию. Шлюзы открылись. — Это не я сбегала на тайное свидание с размалеванной любовницей в момент первого появления на публике своей сестры. А ведь для нее это едва ли не самая сложная ситуация в жизни! Вы хоть представляете, что с ней сделает свет, если ваша любовная связь откроется, вы... бесчувственное животное?

Последние слова она произнесла пронзительным высоким голосом.

Ралстон прикрыл глаза, его лицо стало каменным. Он сжал кулаки так, что побелели суставы, и произнес с едва сдерживаемым раздражением:

— Если вы все сказали, леди Кальпурния, полагаю, мы можем закончить наш разговор. Думаю, моя сестра больше не нуждается в вашей помощи.

— Прошу прощения? — Калли была в ярости и не сразу уловила смысл сказанного.

— Скажу проще: я не хочу, чтобы вы находились подле Джулианы, поскольку представляете слишком большую опасность.

Калли потрясенно распахнула глаза.

— Я... опасность? — повторила она, и ее голос задрожал от гнева. — О нет, я буду встречаться с вашей сестрой, милорд. Я не допущу, чтобы вы лишили ее шанса выйти в свет. И более того, — она торжественно, словно перед клятвой, вскинула по-прежнему сложенный веер, — я не позволю, чтобы мне указывали, что делать. Тем более человек, пользующийся весьма дурной славой и, как теперь совершенно ясно, настоящий распутник.

И тут маркиз, утратив над собой контроль, схватил Калли за руку и быстрым движением

привлек к себе.

— Если на мне ставят такое клеймо, то мне незачем себя сдерживать.

И с этими словами он поцеловал ее.

Калли пыталась сопротивляться, отчаянно извиваясь, пытаясь уклониться от поцелуя, но он настигал ее — нельзя было спастись от этих сильных рук и жестких, но таких чувственных губ. Она заколотила кулачками в его широкую грудь, но маркиз быстро обхватил ее обеими руками за талию и приподнял. Калли ничего не оставалось, как вцепиться в его плечи. И тут Ралстон подался вперед и крепко прижал ее к стене. Кальпурния охнула от неожиданности, и мужчина, воспользовавшись моментом, обхватил губами ее губы, похищая дыхание и лишая воли.

Она отзывалась на его движения губ и языка, подсознательно не позволяя ему одержать верх даже в этом. Движение в ответ на движение, касание на касание — она следовала за ним во всем. Он ловил ее вздохи своим ртом; она наслаждалась его негромкими стонами удовольствия. После нескольких напряженных секунд чувственной борьбы его губы стали мягче, теперь он ласкал ее губы: то своими губами, то языком, — и их поцелуй закончился гораздо нежнее, чем начался.

От ласк Калли тихо застонала, и он, улыбнувшись, запечатлел последний нежный поцелуй в уголке ее губ. Потом маркиз слегка отстранился, и их взгляды скрестились. В фойе не было слышно никаких звуков за исключением их затрудненного дыхания, и это напомнило им о том споре, который предшествовал поцелую.

Ралстон вопросительно изогнул бровь, словно спрашивая девушку, признает ли она свое поражение.

Эта дерзость вновь пробудила ее гнев.

Калли решительно выпрямилась и сказала:

— Я не одна из тех ваших женщин, которых можно тискать в публичном месте. Вам следует это хорошенько запомнить.

— Простите, — произнес он насмешливо, — но мне показалось, что вы не слишком возражали.

Калли не смогла сдержаться, и ее рука взлетела помимо воли в направлении его щеки. Она сама испугалась этого движения, но остановить себя уже не могла. Маркиз перехватил ее руку железной хваткой буквально у самого своего лица. Калли охнула удивленно, посмотрела ему в глаза и тотчас увидела в них гнев.

Она перешла границы. О Боже, она пыталась его ударить! Что на нее нашло? Она постаралась освободить руку, но его хватка стала еще жестче.

— Я... Мне жаль.

Он прищурился, но ничего не сказал.

— Мне не следовало...

— Но вы это сделали.

Она помолчала.

— Но я не хотела.

Ралстон покачал головой, отпустил ее руку и стал поправлять фрак.

— Невозможно, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, леди Кальпурния. Если вы и дальше намерены действовать без учета последствий, то я рекомендовал бы вам научиться нести ответственность за свои поступки. Вы намеревались ударить меня. По крайней мере найдите в себе смелость признаться в этом. — Он помолчал, ожидая ее ответа, но, так и не дождавшись, покачал головой. — Поразительно. Я считал вас более смелой.

Румянец возмущения окрасил щеки Калли.

— Держитесь от меня подальше, — сказала она дрожащим от возмущения голосом, развернулась и побежала в освещенное фойе и дальше, к ложе Ривингтона.

Глава 11

— Я знала, что ты придешь.

Эти слова были произнесены с нежной чувственностью, несколько отдававшей женским высокомерием, которое всегда раздражало Ралстона. Он сидел в обитом английском ситцем кресле в затененном углу гримерной Настасии Критикос, и полумрак позволял ему скрыть раздражение. Он знал эту женщину достаточно долго, чтобы понимать, что ей доставляет особое удовольствие провоцировать его.

Ралстон бросил на нее взгляд из-под полуприкрытых век: Настасия подошла к туалетному столику и начала распускать волосы — ритуал, который он наблюдал десятки раз. Ралстон смотрел на нее оценивающим взглядом: груди, напряженные от почти непрерывного трехчасового пения, алые пятна на щеках, говорившие о не прошедшем возбуждении от выхода на сцену, и почти светящиеся глаза, выдававшие предвкушение остальной части вечера в его объятиях. Он и раньше видел такое сочетание чувств в этой красавице певице, и именно оно всегда возводило его собственное возбуждение в крайнюю степень.

Однако сегодня вечером этого не произошло.

Вначале Ралстон собирался оставить послание актрисы без ответа, остаться в ложе, досмотреть представление и выйти из театра вместе с семьей, однако пришел к выводу, что такая записка свидетельствует о том, что певица не собирается проявлять сдержанность. Ему придется более четко и недвусмысленно сформулировать принципы их новых отношений.

А ведь ему следовало бы догадаться, что расставание с актрисой окажется не таким простым: гордость Настасии не позволит ей смириться с отставкой.

— Я пришел сказать, что сегодняшняя записка должна стать последней.

— Я так не думаю, — промурлыкала она, когда последние пряди черных как смоль волос рассыпались по плечам шелковой волной. — Ведь ты же пришел.

— В следующий раз не приду.

Холодный взгляд голубых глаз подтверждал правдивость этих слов.

Пока молчаливая служанка снимала с нее сложный, тщательно продуманный костюм, в

котором она выступала, Настасия рассматривала своего любовника в зеркале.

— Если сегодня ты пришел не ко мне, то зачем вообще ты здесь? Ты терпеть не можешь оперу, мой дорогой, однако ты глаз не сводил со сцены.

Будучи актрисой, Настасия всегда очень остро ощущала свою аудиторию, и маркиз часто восхищался ее способностью определить точное местоположение в театральном зале того или иного представителя общества. Она всегда замечала, кто на кого смотрит в зрительном зале, кто вслед за кем выходит во время спектакля и какие события разворачиваются в ложах во время представления, поэтому Ралстон нисколько не удивился, что Настасия заметила его появление в ложе и послала записку.

Греческая богиня набросила на себя алый халат и, махнув рукой, отослала служанку. Как только они остались одни, она повернулась к Ралстону, темные глаза сверкали под густо накрашенными ресницами, губы кривились в недовольной малиновой гримасе.

«Твоя размалеванная любовница...» — помимо воли Ралстону вдруг вспомнились слова Калли. Сейчас он спокойно смотрел на Настасию, которая направилась к нему, уверенная в своих женских чарах и расчетливая в своих поступках и подходах. Когда она чуть свела плечи и выгнула шею, демонстрируя выступ ключицы — то место, которое особенно нравилось Ралстону, — он не почувствовал ничего, кроме неприязни, четко осознавая, что Настасия подобна гипсовой копии одной из статуй Ника — красивая внешне, но не обладающая живой красотой.

Когда она склонилась над ним, открывая пышную грудь и явно рассчитывая, что его охватит обычное возбуждение, Ралстон спокойно встретил взгляд уверенной в своей неотразимости женщины и сухо произнес:

— Я ценю твои усилия, Настасия, но меня все это больше не интересует.

На лице певицы появилась снисходительная усмешка. Она протянула руку и провела по его скуле умелыми пальцами. Ралстон с трудом удержался, чтобы не отшатнуться.

— Мне приятно играть в кошки-мышки, мой дорогой, но ты должен признать, что особых сложностей мне это не составило. Ведь ты все-таки пришел ко мне.

— Найди кого-нибудь другого, Настасия.

— Мне не нужен кто-то другой, — вполголоса произнесла она, развязывая поясок своего халата и наклоняясь к нему, чтобы дать доступ к своей груди, рвущейся из слишком тугого корсета. Ее голос понизился до знойного шепота: — Я хочу тебя.

Ралстон снова холодно встретил ее бесстыдный взгляд.

— В таком случае ты оказалась в тупике, потому что я тебя не хочу.

В ее глазах сверкнул гнев, причем так быстро, что он понял: Настасия была готова к его отказу. Она скользнула мимо кресла и бросилась к туалетному столику, — только алый шелк халата вихрем взметнулся за ее спиной. Ралстон устало вздохнул, и в этот момент Настасия обернулась к нему и, окинув долгим пристальным взглядом, с нескрываемым презрением воскликнула:

— Это ведь все из-за нее, не так ли? Из-за девушки в ложе Ривингтона?

Его тон стал ледяным.

— Эта девушка моя сестра, Настасия, и я не позволю тебе испортить ее дебют.

— Думаешь, я не узнала бы твою сестру, Ралстон? Я узнала ее тотчас — те же темные волосы и великолепные глаза. Такая же красавица, как и ты. Нет. Я говорю об этом «цветочке у стенки». О женщине, что сидела рядом с тобой: с блеклыми волосиками, невыразительными глазками и простоватым лицом. Должно быть, она очень богата, Ралстон, ибо ничто другое в ней тебя не могло привлечь, — закончила она с самодовольной ухмылкой.

Он не поддался на провокацию и медленно протянул:

— Ревнуешь, Настасия?

— Конечно же, нет, — усмехнулась певица. — Разве можно эту серую мышку сравнить со мной!

Перед глазами помимо его воли возник образ Калли, вспомнились ее гневные речи, пылающие взгляды и накал чувств. Эта девушка совершенно не способна на холодный расчет, даже если бы ее специально обучали. Калли, которая отчаянно бросилась за ним, абсолютно не заботясь о том, как это могло отразиться на ее репутации, и все ради того, чтобы удержать от опрометчивого шага. Искренняя, живая и непредсказуемая Калли, которая так не похожа на холодную, бездушную Настасию.

Ралстон грустно усмехнулся.

— В этом ты абсолютно права: вас невозможно сравнивать.

Когда до актрисы дошел смысл его слов, она широко раскрыла глаза.

— Да ты, наверное, шутишь! — расхохоталась Настасия. — Ты же не собираешься променять меня на эту... мышь?

Настасия, эта мышь — леди, — ушел он от ответа, — сестра графа. Изволь говорить о ней с должным почтением.

Ее губы изогнулись в кривой усмешке.

Конечно, милорд. Я лишь хотела спросить: неужели вы хотите, чтобы эта леди согревала вашу постель? И это при том, что вы могли бы иметь меня? Когда могли бы иметь это? — взмахнув рукой, указала она на свое роскошное тело.

Ралстон оставался совершенно невозмутимым.

По-видимому, я должен прояснить вам суть нашей договоренности. Позвольте мне это сделать. Все кончено. Вы должны перестать искать встреч со мной.

Настасия недовольно надула губы.

— Вы оставите меня с разбитым сердцем?

Ралстон удивленно приподнял бровь.

— Уверен, что ваше сердце еще долго не будет разбито.

Долгую минуту актриса пристально смотрела на своего любовника, и немалый любовный опыт подсказал ей, что маркиз Ралстон действительно потерял для нее. Он смотрел на нее и видел, как к Настасии приходит это понимание, и еще видел, что она уже просчитывает свой следующий шаг. Она могла бы стать его врагом, если бы не понимала, что общество всегда примет сторону богатого маркиза, тем более если дело касается заезжей певички.

Она улыбнулась:

— Мое сердце никогда не унывает, Ралстон.

Он коротко кивнул, принимая ее капитуляцию.

— Но ты, конечно, понимаешь, что такая девушка, как эта, ничего не знает о мире, в котором живем мы с тобой.

Он не смог удержаться и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что ей потребуется любовь, Ралстон. Таким девушкам она всегда нужна.

— Меня мало интересует, в какие сказки верит эта девушка: для меня она всего лишь наставница моей сестры.

— Возможно, — задумчиво произнесла Настасия. — Но что для нее значишь ты?

Ралстон встал с кресла, поправил галстук, разгладил лацканы фрака, потом достал из жилетного кармашка записку Настасии и, положив ее на туалетный столик, вновь повернулся к певичке, поклонился и вышел.

Глава 12

— Уф! — Капли крепко ухватилась за спинку кровати, когда Анна ту же затянула льняное полотно, которым обертывала тело хозяйки. — Нельзя ли чуть полегче, Анна?

— Можно, — ответила горничная, протягивая ткань у Калли под мышками и стараясь сделать все, чтобы грудь девушки стала по-мужски плоской. — А лучше скажи спасибо, что я вообще на это согласилась.

Калли посмотрела на свою быстро уменьшавшуюся в размерах грудь и, несмотря на неприятное ощущение сдавленности, улыбнулась:

— Я очень ценю, что ты, несмотря ни на что, мне помогаешь.

Анна ничего не ответила, лишь недовольно фыркнула и сильнее дернула ткань.

Время шло к вечеру, Калли и Анна уединились в спальне, чтобы подготовиться к решению очередной задачи из списка Калли — фехтованию.

Калли разработала тщательный план проникновения в фехтовальный клуб Бенедикта, замаскировавшись под молодого денди, только что окончившего университет и подбирающего подходящее заведение для занятий спортом. Она потренировалась говорить более низким голосом и сочинила целую историю для своего героя — сэра Маркуса Бретона, баронета из

Озерного края. Она уговорила Анну тайком взять из гардероба Бенедикта старую одежду, включая и костюм для фехтования — ту одежду, пропажи которой он не заметит, — и целых две недели Калли вместе с горничной подгоняла костюмы по фигуре.

Сейчас на ней были перекроенные мужские бриджи, которые, Калли должна была признать, оказались поразительно удобными, хотя и испытала некоторую неловкость, переодевшись в мужское. Под бриджи она поддела толстые чулки, а обувью ей служили сапоги, выкупленные у молодого работника конюшни.

Пока Анна продолжала перетягивать Калли, желудок девушки скручивало от нервных спазмов. Она старательно гнала от себя мысли о том, какое унижение ждет ее, если откроется, что она, переодевшись в мужчину, явилась в одно из самых закрытых мужских заведений Лондона. Но Калли зашла слишком далеко, чтобы теперь все бросить.

Глубоко вздохнув, когда Анна в очередной раз затянула конец холста у нее под рукой, Калли взяла с кровати свой список и засунула под ткань, не желая отправляться из дома на такое трудное дело без своего талисмана. Повернувшись к Анне, она спросила:

— Ну? И кто узнает во мне леди? — Анна лишь подняла бровь в ответ на этот вопрос, и Калли добавила: — Похожа я на женщину?

— Да.

— Анна! — Калли бросилась к зеркалу. — В самом деле?

— Давай закончим этот маскарад, а потом посмотрим, что у нас получилось, — невозмутимо произнесла горничная.

— Ладно.

Калли повернулась к горничной, чтобы той удобнее было повязать галстук. Когда Анна справилась с галстуком, Калли надела бежевый жилет, а поверх — темно-зеленый сюртук, затем вновь села перед туалетным столиком, чтобы Анна прибрала ей волосы.

— Жаль, что тебя не будет рядом, когда я буду возвращаться домой, Анна. Как я все это запомню?

— Запомнишь, придется запомнить.

Калли сглотнула, наблюдая, как служанка надевает ей шляпу, тщательно убирая под нее все случайно выбившиеся прядки.

— Не снимай, пока не наденешь маску для фехтования.

— Поверь мне, я именно так и сделаю. — Калли слегка покрутила головой, проверяя, плотно ли сидит шляпа. — Она будет держаться?

Анна открыла рот, собираясь ответить, но в этот момент раздался стук и дверь в спальню распахнулась.

— Калли? Мама сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Что-то... — Марианна так и не закончила свой вопрос, увидев мужчину, сидевшего в спальне ее сестры.

Испуганный возглас Марианны заставил Калли и горничную тотчас броситься к ней. Анна

плотно прикрыла дверь в спальню и преградила Марианне путь к отступлению. Калли подошла к сестре, которая вытаращила от изумления глаза.

— Ш-ш-ш! Марианна! Сюда сбежится весь дом!

Услышав голос сестры, Марианна, казалось, немного успокоилась.

— Почему ты одета как мужчина? — прошептала младшая сестра.

— Я... я... — Калли беспомощно посмотрела на горничную.

Анна вызывающе скрестила руки на груди и подняла брови, всем своим видом демонстрируя, что не намерена приходить на помощь своей госпоже.

— Мари... я скажу тебе... но ты должна сохранить мой секрет.

— Ну конечно! — У девушки глаза загорелись от возбуждения. — Обожаю секреты! — Она осторожно присела на кровать и попросила Калли: — Покрутись, чтобы я могла лучше рассмотреть твой наряд.

Калли выполнила просьбу сестры.

— Потрясающе! А что ты сделала со своей... — Мари махнула рукой, указывая на ее грудь.

Та вздохнула:

— Мы ее затянули.

Мари повернулась к Анне:

Здорово получилось! — Горничная кивнула, принимая высокую оценку своих трудов, и Мари с широкой улыбкой вновь повернулась к сестре: — Ну давай рассказывай!

Глубоко вздохнув, Калли начала:

— Несколько недель назад я составила список поступков, которые надо совершить, если осмелиться рискнуть своей репутацией.

У Марианны отвисла челюсть, и Калли поняла, что самое трудное уже позади — главное было начать, а рассказывать об остальном уже легче. Опустив визит в дом Ралстона, Калли рассказала сестре о своем посещении таверны «Пес и голубка».

— И как все прошло?

— Потрясающе.

— А скотч?

— Ужасный. Но не такой ужасный, как сигары.

— Сигары? — Мари вновь изумленно открыла рот.

Калли покраснела.

— После таверны я вернулась домой, и мы с Бенедиктом курили сигары.

— Бенедикт позволил тебе курить сигары? — Мари просто не могла этому поверить.

— Ш-ш-ш! Позволил, но не говори ему, что ты об этом знаешь.

— Не скажу. — Мари помолчала, и на ее лице появилась плутоватая улыбка. — Ну... пока мне от него что-нибудь не понадобится.

— Итак, — продолжила свой рассказ Калли, — я решила, что сегодня совершу следующий поступок из моего списка.

— Какой же?

— Займусь фехтованием.

Марианна моргнула, переваривая услышанное.

— Фехтованием! — Она окинула взглядом Калли. — Но ты ведь не можешь фехтовать в этом.

— У меня есть специальный костюм, я уже подогнала его по своей фигуре, а переоденусь в клубе — как только попаду туда.

— Ты продумала все до мелочей! — с восхищением произнесла Мари.

— Надеюсь... — с волнением ответила Калли. — Ты действительно считаешь, что меня можно принять за мужчину?

Мари возбужденно хлопнула в ладоши.

— О да! Я твоя сестра, но даже меня ты сумела провести! — Она наклонилась вперед. — Калли, позволь мне пойти с тобой.

— Мари, — сказала Калли спокойным тоном, словно убеждая ребенка, — меня уже давно списали со счетов. А ты через месяц выйдешь замуж за герцога. Я не думаю, что общество с радостью примет герцогиню с подмоченной репутацией.

Мари наклонила голову, обдумывая слова Калли, затем вздохнула:

— Хорошо. Но позволь мне хотя бы проводить тебя до экипажа.

— Это пожалуйста.

— Превосходно. — Мари переглянулась с Анной. — Ты понимаешь, что, если ты не вернешься к ужину, нам придется отправиться на поиски Бенедикта?

При мысли об этом Калли побледнела.

— Вы этого не сделаете!

— Обязательно сделаем. — Мари повернулась к горничной в поисках поддержки. — Не правда ли, Анна?

Та утвердительно кивнула:

— Конечно! Мы не сможем сидеть сложа руки, если ты не появишься к ужину. А вдруг с тобой

что-нибудь случится?

— Что со мной может случиться в фехтовальном клубе?

— Тебя могут заколоть, — начала высказывать предположения Марианна.

Калли бросила на сестру раздраженный взгляд.

— Я буду заниматься в зале для тренировок. С мешком песка. — Ей показалось, или во взгляде Марианны действительно мелькнуло разочарование? — К ужину я вернусь домой.

Глава 13

Когда экипаж остановился перед спортивным клубом Бенедикта, Калли глубоко вздохнула, собираясь с духом. Она долго ждала, что кучер откроет дверцу и поможет ей выти, но потом сообразила, что мужчинам обычно не помогают, и несколько неловко выбралась из кеба, спрыгнув с высокой ступеньки на покрытую гравием дорожку.

Наклонив голову из опасений быть узнанной, Калли исподтишка оглядела джентльменов, проходивших по улице, и тотчас узнала графа Сандерленда, который шагал ей навстречу. Калли резко отвернулась и, перестав дышать от страха, зажмурилась в ожидании удивленного оклика. Но граф проследовал мимо, не обратив на нее никакого внимания, и Калли с облегчением выдохнула, только сейчас осознав, что задержала дыхание.

Она подошла ко входу в клуб, не забывая помахивать тростью, словно та являлась продолжением ее руки, а не неудобной громоздкой палкой, которую приходилось таскать. Дверь открылась, и появившийся лакей тут же отступил в сторону с выражением полной невозмутимости на лице. Ее маскарад сработал!

Войдя в холл, Калли с облегчением отметила, что там никого нет, за исключением клубного распорядителя, который тотчас подошел к ней.

— Сэр? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Наступил самый опасный момент. Калли прочистила горло, надеясь, что голос не подведет ее, не зря же она так долго тренировалась.

— Можете. — Теперь пути назад не было. — Мое имя Маркус Бретон из Борроудейла. Недавно я окончил Кембридж и приехал в Лондон, а сейчас ищу подходящий спортивный клуб.

— Понимаю, сэр. — Распорядитель, по-видимому, ожидал продолжения.

— Я увлекаюсь фехтованием, — выдавила Калли, не зная, что еще должна сказать.

— Мы располагаем самыми лучшими условиями для занятий фехтованием, сэр.

— Об этом мне приходилось слышать от друзей. — Во взгляде распорядителя проявилось вежливое любопытство, и Калли поняла, что должна продолжить: — Например, от сэра Аллендейла.

Имя Бенедикта оказалось ключом к закрытой дверце. Распорядитель уважительно склонил голову и сказал:

— Мы, конечно же, рады друзьям графа. Не желаете ли посетить тренировочный зал и ознакомиться с нашими возможностями?

— С большим удовольствием.

Распорядитель слегка поклонился и, сделав приглашающий жест, повел ее к высокой двери красного дерева, расположенной в левой стене холла. За дверью оказался длинный широкий коридор с пронумерованными дверьми по обеим сторонам.

— Это наши тренировочные залы, — неторопливо произнес распорядитель, а затем, повернув за угол, указал на большую дверь. — Здесь находится гостиная нашего клуба. Когда переоденетесь в спортивную форму, вы можете подождать здесь кого-нибудь из членов клуба, с которым могли бы попрактиковаться.

Калли широко раскрыла глаза, представив, что ей придется войти в комнату, где будут находиться мужчины, любой из которых может ее узнать. Она постаралась не выдать своей тревоги и как можно спокойнее ответила:

— А если мне не нужен партнер? У вас есть залы, где можно потренироваться на мешках с песком?

Распорядитель бросил на нее вопросительный взгляд и сказал:

— Конечно, есть, сэр. Вы можете воспользоваться залом номер шестнадцать. Если же вы закончите одиночную тренировку и решите, что вам нужен партнер, воспользуйтесь дверным колокольчиком, и мы с радостью подберем вам напарника.

Он остановился у одной из раздевалок и распахнул дверь. Взгляду Калли предстала небольшая, но довольно уютная комната.

Она подождала, пока распорядитель удалится, плотно затворила дверь и только тогда позволила себе глубоко и облегченно вздохнуть. Весь путь до этой комнаты можно было приравнять к настоящему поединку.

Набравшись смелости, Калли раскрыла холщовую сумку, в которую Анна уложила костюм для фехтования, и достала его. Разложив костюм на небольшой кушетке, она приступила к трудному процессу замены одного костюма, который был совершенно непривычным, на другой, еще более чуждый.

Надев гольфы и специальные бриджи для фехтования, она втиснулась в пластрон, предназначенный для дополнительной защиты тела с той стороны, в которой ей предстояло держать рапиру. Калли попыталась завязать шнурки специальной однорукавной рубашки самостоятельно, но обнаружила, что из-за нехватки опыта и из-за спеленавшего ее стан холста не может этого сделать.

Кусая губы от досады, она, тяжело дыша, прислонилась к стене, но тут ее осенило: если она собирается фехтовать в тренировочном зале без партнера, так зачем же мучиться с неудобной и громоздкой деталью костюма?

Она отбросила пластрон в сторону и потянулась за плотным парусиновым жакетом, защищавшим верхнюю часть тела. Искоса взглянув на жакет и на специальную шнуровку, с помощью которой соединялась передняя часть и спинка фехтовального одеяния, Калли сообразила, что этот странный костюм оставляет ее ноги практически голыми. Сделав

глубокий вдох и стараясь не обращать внимания на охватившее ее смущение, Калли перешагнула через лямки и, натянув жакет, тщательно застегнула его до самого верха. Затем надела маску.

Она включила фехтование в свой список не потому, что этот вид спорта предполагал маскировку, а потому, что ее возбуждала сама мысль о том, что она сможет находиться в мужском клубе, совершенно не опасаясь разоблачения.

Распахнув дверь, Калли быстро вошла в зал и сразу же поняла, что здесь не одна: мешок с песком, прикрепленный к потолку, раскачивался из стороны в сторону. Очевидно, занимавшийся здесь спортсмен только что нанес достаточно сильный удар.

Стараясь ступать как можно тише, Калли развернулась, чтобы выйти из комнаты побыстрее, пока джентльмен ее не заметил, но тут до нее донеслось:

— А я-то гадал, когда же они наконец найдут мне партнера.

Калли оцепенела, услышав эти слова, а фехтовальщик добавил:

— Вижу, что вы в маске и уже готовы. Прекрасно.

Крепко зажмурившись, она медленно повернулась на голос, горячо моля Господа сделать так, чтобы слух обманул ее. Продолжая молиться, она открыла глаза и тут же прокляла свое невезение.

Перед ней в таком же, как у нее, костюме и, как всегда, неотразимый, стоял маркиз Ралстон, собственной персоной. Калли постаралась найти в себе то раздражение, которое он вызвал у нее во время их последней встречи, но ее внимание отвлек белый костюм Ралстона, который настолько плотно облегал фигуру, что его обладатель выглядел как древнее олимпийское божество — стройный, мускулистый, идеально сложенный. Она почувствовала, как ее охватил жар, когда она обвела взглядом его сильные длинные ноги и изгиб бедер.

Калли сглотнула, прижав перчатку к груди. О чем она думает? Никогда в жизни она не любовалась мужскими ягодицами! Нужно бежать отсюда!

Она смотрела, застыв словно парализованная, как маркиз шел к дальней стене, чтобы надеть маску и прикрепить крагу к перчатке, надетой на руку, в которой он держал шпагу. Повернувшись к ней, он резко взмахнул клинком, указывая на узкую дорожку, в пределах которой должен был проходить фехтовальный поединок.

— Начнем?

Калли невидящим взглядом уставилась на дорожку, в то время как в голове раздавался вопль: «Беги!»

К сожалению, ноги отказывались ей повиноваться.

— Сэр, — обратился к ней Ралстон тоном, каким говорят с детьми, — вы готовы фехтовать?

Услышав эти слова, Калли посмотрела на него, не сумев разглядеть лица из-за проволочной маски.

Выходит, и он не видит ее лица, а значит, не может и узнать. «Вот он, твой шанс. Фехтовать по-

настоящему!»

Калли тряхнула головой, прогоняя эту безумную мысль, а Ралстон истолковал это движение как согласие:

— Замечательно. В таком случае начнем.

Гейбриел прошел к дальнему концу дорожки и остановился. Калли приблизилась к стойке с оружием в углу комнаты и, проверив на вес несколько рапир, с деланной уверенностью выбрала одну из них.

Затем подошла к месту поединка, глядя, как Ралстон принимает классическую фехтовальную стойку. Он отсалютовал своему противнику и громко произнес:

— En garde [7].

Глубоко вдохнув, Калли скопировала его позицию, к щекам прихлынула кровь.

Ралстон сделал выпад, резко выбросив шпагу в направлении противника. С трудом сдержав испуганный крик, Калли не позволила страху одержать верх. Взмахнув рукой, она со свистом рассекла шпагой воздух и каким-то чудом отразила его удар.

Ралстон тотчас отступил назад, сразу определив полное отсутствие у противника каких-либо навыков фехтования. Когда он заговорил, его слова звучали сухо и насмешливо, доносясь из-под темной сетчатой маски:

— Вижу, что фехтовальщик вы никакой.

Калли прочистила горло, стараясь, чтобы ее голос звучал ниже, и тихо произнесла:

— Я новичок, милорд.

— Это еще мягко сказано, осмелюсь заметить.

Услышав эти слова, Калли вновь заняла исходную фехтовальную позицию. Ралстон последовал ее примеру и дал ей небольшой совет:

— Когда противник наносит удар, не пытайтесь атаковать со всей силой. Нельзя рассчитывать на один победный удар. Вы должны быть готовы к полноценному поединку.

Калли кивнула, и Ралстон вновь двинулся на нее, на этот раз более мягко. Он позволил ей несколько раз отразить его удары, а затем легко вытеснил ее с фехтовальной дорожки. Как только обе ее ноги оказались на деревянном полу тренировочного зала, он остановил нападение, повернулся спиной, чтобы вновь занять свое место на ковре, и подождал, пока она не последует его примеру. Они повторили это упражнение несколько раз. По сути, Ралстон обучал противника основам фехтовального поединка, каждый раз отмечал успехи, что позволило отражать его удары более твердо и с большей уверенностью.

— Гораздо лучше, — подбодрил он ее после четвертой схватки, и Калли ощутила волну теплоты от его похвалы. — Теперь вы будете атаковать меня.

Атаковать Ралстона? Калли отрицательно покачала головой, промямлив:

— О... я...

Ралстон рассмеялся.

— Уверяю вас, юноша, я с этим справлюсь.

На все эти упражнения она совершенно не рассчитывала, однако теперь уже никак не могла выйти из игры. Калли глубоко выдохнула, затем приняла теперь уже знакомую позу и сделала выпад, сопроводив его громким «ха!».

Маркиз умело отразил ее удар, легко отведя клинок рапиры, но даже этого движения оказалось достаточно, чтобы Калли резко повело в сторону и она неловко рухнула на колени. Ралстон негромко фыркнул, очевидно, удивленный ее неуклюжестью, и этот смешок вызвал у Калли долгожданный приступ раздражения. Маркиз протянул руку упавшему противнику, но, взглянув на его руку, обтянутую перчаткой, Калли отрицательно качнула головой, отказываясь от помощи, и быстро встала, готовая продолжить схватку.

Калли сделала новую попытку, и на этот раз ей удалось нанести несколько точных ударов, прежде чем Ралстон перешел в наступление и она вновь оказалась вытесненной с дорожки. Расстроенная его ловкостью и быстротой реакции — неужели этот человек все делает настолько хорошо? — она сделала быстрый выпад и, легко коснувшись клинка шпаги Ралстона, отвела его в сторону. Однако на сей раз ей не хватило силы и острый кончик клинка, скользнув по нагруднику, распорол плотный хлопок рукава фехтовального костюма и царапнул кожу плеча.

Калли уронила рапиру, боль заставила ее качнуться назад, и, утратив равновесие, она жестко и больно приземлилась на попу, тонко ойкнув и напрочь забыв о необходимости говорить мужским голосом.

— В чем дело, черт побери?

Калли услышала замешательство в голосе Ралстона и, подняв глаза, увидела, что он направляется к ней. Сняв маску, он отбросил ее в угол комнаты, глухой шум катившегося по деревянному полу шлема прозвучал зловеще.

Она попыталась отодвинуться, но с одной рукой сделать это было очень сложно. Ралстон снял перчатки и, прищурившись, наблюдал за ее движениями сверху.

В безнадежной попытке отвлечь его она произнесла, постаравшись, чтобы голос ее звучал более низко:

— Это всего лишь царапина, милорд. Со мной все в порядке.

Ралстон сдвинул брови, услышав ее слова, и энергично выругался. По его голосу Калли поняла, что он что-то заподозрил, и, конечно же, отметила тот грозный взгляд, которым он окинул своего недавнего противника. Теперь он стоял совсем рядом, возвышаясь над ней. Наклонившись, Гейбриел протянул руку. Калли поняла, что сейчас ее тайна будет раскрыта, и в ужасе отшатнулась, но было поздно. Одним ловким движением он сорвал маску с ее головы, и волосы Калли беспомощно рассыпались по плечам.

Увидев ее, он широко раскрыл глаза и зло бросил маску на пол. Голубые глаза потемнели от гнева и угрожающе сверкнули.

— Я... — неуверенно начала Калли.

— Ничего не говорите.

Он произнес это резко и настолько требовательно, что невозможно было не повиноваться. Ралстон опустился рядом с ней на колени и взял ее руку в свою. Зло сопя, он тем не менее осторожно осмотрел рану. Калли чувствовала, как его пальцы, слегка подрагивавшие от сдерживаемого гнева, легко ощупывают ее кожу. Он разорвал рукав ее куртки, и звук рвущейся ткани заставил ее сжаться, затем сунул руку в карман и достал идеально белый батистовый платок, которым сначала промокнул, а потом перевязал царапину. Калли смотрела на его руки, буквально загипнотизированная его ловкими и умелыми движениями. Когда маркиз туго затянул повязку, она резко втянула воздух сквозь крепко стиснутые зубы. Ралстон лишь поднял одну бровь, словно удивляясь, что она осмеливается жаловаться на причиняемую боль.

Воздух вокруг них сгустился. Калли не могла этого выносить.

— Почему на вас нет пластрона?

Вопрос прозвучал убийственно тихо. Она ждала чего угодно, но только не этого вопроса. Калли посмотрела ему в глаза, которые сейчас оказались так близко, и сказала:

— Милорд?

— Пластрон. Деталь фехтовального костюма, предназначенная для защиты руки, которой фехтовальщик держит оружие. Чтобы уберечься именно от подобных ран.

Он произнес это так, словно цитировал пособие по обучению фехтованию.

— Я знаю, что такое пластрон, — проворчала она в ответ.

— Да? Так почему же вы его не надели?

В его вопросе прозвучали эмоции, которые Калли затруднилась определить, но они ей явно не понравились.

— Я... я не думала, что он мне понадобится.

— Да что же это такое, черт побери! — Он взорвался. — Я ведь мог вас убить!

— Рана не опасная, задеты лишь мягкие ткани! — возразила Калли.

— Да что тебе, черт возьми, известно о таких ранах! А если бы я ударил сильнее?

— Вы вообще не должны были оказаться здесь! — Слова слетели с ее языка, прежде чем она успела остановиться.

вернуться

7

Защищайтесь (фр.).

Их взгляды столкнулись, голубые глаза против карих, и Ралстон покачал головой, словно не

мог поверить своим ушам.

— Я? Это я не должен был здесь оказаться? — Его голос дрожал. — Насколько я помню, это спортивный клуб! Мужской спортивный клуб! В нем мужчины занимаются фехтованием! Насколько я помню, вы женщина! А женщины не сражаются на шпагах!

— Это так, — уклонилась она от ответа.

— Так что же, черт возьми, ты здесь делаешь? Где, черт побери, твои мозги?

Калли недовольно фыркнула, словно не она сидела сейчас на полу.

— Я бы предпочла, чтобы вы не выражались подобным образом.

— Ты бы предпочла? А я бы предпочел, чтобы ты держалась подальше от фехтовального клуба! И если уж на то пошло, то и от пабов, и от моей спальни! — Маркиз внезапно замолчал, ошарашенно глядя на девушку. — Бог мой! Ты что, действительно хочешь погубить себя?

Слезы набежали на глаза Калли, превратив их в темно-коричневые озера.

— Нет, — прошептала она надломленным голосом и тут же отвела взгляд, потому что внезапно ее охватило отчаянное желание оказаться где угодно, но только не рядом с ним.

Увидев ее слезы, Ралстон выругался себе под нос. Он вовсе не собирался до такой степени расстраивать девушку. Он хотел просто попугать ее, так чтобы она оставила все свои глупости, но слезы — это уже слишком. Ралстон чуть смягчил тон:

— Тогда к чему все это? — Она ничего не ответила, и Гейбриел чуть возвысил голос: — Калли!

Девушка посмотрела на него, покачала головой и, глубоко вздохнув, прошептала:

— Вы этого не поймете.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, потом Ралстон тоже сел на пол и положил ее поврежденную руку себе на колено.

— И все же попытайтесь объяснить, — достаточно жестко предложил он.

— Понимаете, это здорово... — начала Калли сбивчиво и будто оправдываясь. — Все дело в том, что даже в этот момент, когда моя репутация под угрозой, а вы так разгневаны, мне страшно, и рана немного саднит, хоть вы так хорошо ее перевязали... Так вот, несмотря на все это, сегодня один из самых замечательных дней в моей жизни.

Увидев замешательство в его взгляде, она попыталась объяснить:

— Сегодня я чувствую себя живой.

— Живой?

— Да. Двадцать восемь лет я делала то, чего ждали от меня окружающие... была такой, какой меня хотели видеть.

— А это просто ужасно — соответствовать тому образу, который составили в свете. — Она помолчала и добавила: — Вы правы, я действительно трусиха.

Взгляд Ралстона смягчился после такого искреннего признания.

— Я был идиотом. Мне не стоило этого говорить.

— Вы не... — Калли умолкла, не в силах повторить это слово вслух.

— Не уверен, что соглашусь. Продолжай.

— Я не жена, не мать и не столп общества. — Калли взмахнула рукой, словно давая понять, что жизнь, которую она описывала, находилась за пределами этой комнаты. — Я невидимка. Так почему бы не перестать быть незаметной девушкой у колонны и не начать пробовать все то, что я всегда мечтала попробовать? Почему бы не отправиться в таверну и не попробовать виски? Почему бы не взять в руки шпагу? Поверьте, это было для меня гораздо более интересным, чем балы, скучные чаепития и нудное рукоделие, которым я отдавала все свое время. — Она вновь взглянула в его глаза. — Вы считаете, что в моих поступках нет никакого смысла?

Ралстон серьезно кивнул:

— Смысл есть, поскольку ты пытаешься найти себя.

Она широко раскрыла глаза.

— В действительности, — добавил он, — мне весьма нравится эта беспутная женщина.

И тут он припал губами к ее губам, и Калли пропала. Она полностью отдалась во власть его губ и нежных ласк. Большим пальцем Ралстон поглаживал ее скулу, а его губы полностью захватили в сладкий плен ее уста, и волны пульсирующего удовольствия с головой накрыли Калли.

Она охнула от этого ощущения, и он, воспользовавшись тем, что губы ее приоткрылись, снова приник к ним глубоким, пьянящим поцелуем, от которого у нее закружилась голова. Калли потянулась к нему, к своему якорю в этом море чувственности, обхватив его руками за шею и запустив пальцы в его густые мягкие волосы. Ее объятие вызвало у него глубокий вздох удовлетворения, и своими влажными поцелуями он провел линию по ее щеке и вниз по шее, что вызвало во всем ее теле яростный взрыв удовольствия.

Спуститься ниже мешал высокий воротник ее фехтовального жакета, и Ралстон ловко расстегнул его, не прерывая своих ласк, опускаясь ниже по ее шее и еще ниже, насколько позволял ее костюм. Когда Ралстон расстегнул куртку, ему пришлось отстраниться, чтобы распахнуть защитное одеяние. Тяжелый взгляд Гейбриела упал на перетянутую грудь девушки, возбужденно вздымавшуюся под туго натянутым полотном.

Он лишь покачал головой, увидев эту маскировку, и вновь посмотрел ей в глаза.

— Это, — сказал он, пробежав пальцами по краешку полотна, — просто издевательство над природой.

Увидев желание в ее глазах, открытые в страсти губы и пылающие щеки, Ралстон вновь обхватил ее губы жадным поцелуем, а затем положил руки на полотно, нащупывая его конец. Найдя его, уверенными движениями начал разматывать ткань.

Немного нервничая, Калли наблюдала, как он следит за собственными движениями. Она

заметила, что дыхание Гейбриела стало жестким, голубые глаза потемнели, и в этот момент она полностью осознала, что пребывает в объятиях Ралстона. В объятиях единственного мужчины, которого когда-либо желала. Единственного мужчины, о котором когда-либо мечтала. И теперь, когда он обнажил ее тело, она со всей очевидностью поняла, что и душа ее тоже принадлежит этому мужчине. Она никогда не перестанет хотеть его.

В то время как эти мысли проносились у нее в голове, последние части бандажа спали, освобождая ее груди из тугого заточения, и Калли негромко охнула от восхитительного ощущения. Глаза Ралстона еще больше потемнели, а Калли незаметно окинула себя взглядом и с сожалением отметила грубые красные полосы, тянувшиеся по ее обычно чистой белой коже. Она попыталась прикрыться, смущенная своей наготой, но он перехватил ее руки и произнес хриплым, притягательным голосом:

— Вы жестоко обошлись с этой красотой, и теперь она принадлежит мне как освободителю.

От этих слов по телу Калли прокатилась волна жара, который усилился, когда Ралстон отпустил ее руки и начал ласкать девушку. Его теплые сильные руки обхватили и начали нежно массировать освобожденную плоть, он успокаивал и гладил натертую кожу, а Калли отвечала на его ласки вздохами удовольствия. Он прикоснулся губами к красным рубцам, которые оставило полотно, и поглаживал языком чувствительную кожу.

Он долго омывал ее кожу, намеренно избегая касаться напряженных сосков, позволяя им с каждым его прикосновением становиться все более напряженными и чувствительными. Калли изгибалась под его ласками, все настойчивее прижимаясь к его губам своей разгоряченной плотью.

— В чем дело, императрица? — спросил он, и сами слова эти подействовали на нее как ласка, легко коснувшаяся ее горячей кожи. — Ты хочешь меня здесь? — Он провел одним пальцем по напряженному соску, и Калли вскрикнула от взрыва ощущений, вызванных этим легким, как перышко, прикосновением. Он перешел к другому соску, лаская и его. — Или здесь?

— Да... — произнесла она на сдавленном выдохе.

Ралстон улыбнулся, как коварный соблазнитель.

— Твое желание — закон.

И он обхватил губами ее набухший сосок, и Калли подумала, что может утонуть в этом море удовольствия. Он успокаивал ее кожу своим умелым языком, а она сжимала его голову руками, и Гейбриел то отпускал, то нежно посасывал ее сосок, вызывая в ней бешеные сполохи наслаждения. Она погрузилась в это новое и удивительное ощущение, когда он переключился на другую грудь, повторяя свои действия, на этот раз более настойчиво. Он покусывал сосок зубами, потом успокаивал его языком и губами, а она только громко вскрикивала, желая того, чему не могла дать названия.

Он, казалось, почувствовал ее желание и, слегка касаясь, провел по внутренней стороне бедра, осторожно дойдя до ее естества. Ралстон обхватил ее одной рукой, и ее пронзило ощущение удовольствия; она остро осознала, что ткань препятствует его доступу к той точке, которая так отчаянно жаждала его прикосновения. Калли изогнулась, пытаясь придвинуться к нему, и он, чуть отстранившись, поймал ее взгляд.

Крепко поцеловав девушку, Гейбриел спросил:

— Скажи мне, чего ты хочешь, моя милая.

— Я... — Она замолчала — слишком многое ей хотелось сказать: «Я хочу, чтобы ты трогал меня. Я хочу, чтобы ты любил меня», — и лишь неуверенно покачала головой.

Маркиз улыбнулся, продолжая ласкать ее сквозь ткань фехтовального костюма и наблюдая, как волны удовольствия окатывают ее.

— Невероятно, — прошептал он, уткнувшись ей в шею.

Ты так остро реагируешь. Продолжай...

— Я хочу... — Калли вздохнула, когда он вновь коснулся губами затвердевшего соска. — Я хочу... Я хочу тебя, — сказала она, и этих слов, таких простых и откровенных, казалось достаточно.

Он уверенно шевельнул пальцами, быстро найдя ту самую точку, и она охнула.

— Ты хочешь меня здесь, императрица?

Она в смущении закрыла глаза и закусилась нижней губой.

— Ты хочешь меня здесь?

Она кивнула:

— Да.

— Моя сладкая бедняжка.

Быстрым движением Ралстон снял с нее куртку и, отодвинув защитный бандаж, добрался до пуговиц бриджей. Его теплая рука скользнула под ткань, и Калли громко охнула, когда его пальцы коснулись ее влажного естества.

— Здесь?

Она только всхлипнула и крепко схватилась за его плечо.

Гейбриел застонал от захлестнувшего его возбуждения и хрипло проговорил:

— Я думаю, ты хочешь больше, чем это.

Его пальцы начали двигаться внутри, а губами он обхватил напряженный кончик ее груди, и Калли окончательно потеряла способность соображать. Он нежно ласкал пульсирующую плоть, широко раздвинув ноги Калли. Одним пальцем он обвел вокруг самой сердцевины, и она, вскрикнув, резко выгнулась, не понимая охвативших ее ощущений. Движение его крепких умелых рук в идеальном тандеме с пьянящим действием губ толкало ее дальше и дальше — к краю обрыва. Удовольствие стало еще острее, когда он коснулся мягкой точки, в которой, казалось, сейчас сосредоточился весь мир, и Калли снова громко вскрикнула.

Когда волна доселе неведомого наслаждения омыла ее, Гейбриел сразу почувствовал это. Он отпустил грудь, жадно припал губами к ее губам, опьяняя своим поцелуем, потом отстранился и посмотрел ей в глаза. Там, в глубине карих омутов, плескалась необыкновенная смесь смущения скромницы и страсти зрелой женщины. Его палец вошел глубже, и она, охнув,

инстинктивно подалась ему навстречу.

Он склонился над ее ушком и прошептал:

— Давай же, моя милая...

Затуманенным взглядом она посмотрела на него и увидела понимание в глазах Ралстона: он точно знал, что ей нужно и где необходимо его прикосновение. Она вскрикнула от нахлынувших чувств — ничего подобного она никогда не испытывала.

— Я поймаю тебя, когда ты будешь падать.

Эти слова, полные страсти, стали ее погибелью.

Ралстон удерживал ее взгляд до тех пор, пока она, судорожно цепляясь за него, не подошла к самому краю.

Она выгибалась ему навстречу, прося о большем, хотя и не знала, возможно ли большее. Его пальцы умело и нежно ласкали ее вагину, зная, как и где коснуться влажной от страсти плоти. И когда она обрушилась в бездну, он действительно поймал ее. Его сильные руки подхватили девушку и, благополучно вернув на землю, тут же обняли.

Он удерживал Калли, пока она приходила в себя. Его губы слегка касались ее виска, а руки нежно поглаживали ее тело, руки и ноги. Когда дыхание у Калли восстановилось, она сняла руки с шеи Гейбриела и вновь пристроила раненую руку на его колене. Ралстон громко скрипнул зубами и молча убрал ее.

Поняв только то, что он убрал ее руку, то есть явно постарался избежать прикосновения, Калли тотчас испытала чувство неуверенности. Однако Ралстон мгновенно понял ее сомнения и нежно поцеловал сжавшиеся в кулачок пальцы, перехватил ее испуганный взгляд и сказал:

— Довольно трудно наблюдать такое захватывающее проявление страсти и при этом оставаться невозмутимым.

Обеспокоенность сменилась смущением, когда он прижал ее руку к своим бриджам и она ощутила под пальцами горячую упругую выпуклость. Она все поняла и, несмотря на то что покраснела до корней волос, не отняла руку. Более того, пусть робко, но она все-таки огладила этот выступ, и Ралстон тихо застонал, плотнее прижимая ее руку к своему телу.

— Могу... — Она сглотнула и попробовала выговорить: — Могу я что-нибудь сделать?

Уголок его губ дернулся в кривой улыбке, он привлек ее к себе и снова начал целовать не останавливаясь, пока она вновь не начала прижиматься к нему, задыхаясь от возбуждения.

— Я хотел бы, чтобы ты кое-что сделала, императрица, но, думаю, мы и так слишком многое себе позволили, учитывая, что сюда в любой момент могут войти.

Эти слова подействовали на нее как ушат холодной воды и моментально вывели из мечтательной задумчивости. Она испуганно взглянула на незапертую дверь, которая, казалось, только и ждала, чтобы распахнуться перед еще одним перепутавшим дверь фехтовальщиком.

— Ох! — Калли вскочила, едва не охнув от боли, которая тут же пронзила ее руку. Подхватив порванную куртку, она торопливо отошла в дальний угол комнаты, на ходу пытаясь застегнуть

длинный ряд пуговиц. Боже, о чем она только думала?

А думала она, конечно же, только о нем.

— Похоже, вы забыли самую важную деталь вашей маскировки.

Она повернулась, услышав эти негромко произнесенные слова, и увидела, что он направляется к ней, держа в руках ткань, которой была спелената ее грудь. Ралстон подошел совсем близко и прошептал:

— Никто не поверит, что вы мужчина, увидев вашу роскошную грудь.

— Спасибо, — решительно произнесла Калли, принимая холст из его рук и стараясь не обращать внимания на жар, заливший щеки.

— Тебе понадобится моя помощь, милая.

Нет. Она не могла доверить ему такую интимную задачу. Что ж, значит, ей придется рискнуть. Сюртук Бенедикта все-таки мог немного замаскировать ее формы. Калли невольно оглядела себя, словно определяя, насколько явно выделяется грудь.

Очень явно.

Ралстон, казалось, прочитал ее мысли и забрал у нее полотно.

— Тебя раскроют моментально, императрица. Лучше позволь мне помочь. — В его взгляде появился порочный блеск. — Я обещаю вести себя как истинный джентльмен.

Калли удержала смех, который вырвался у нее при этих его словах, — настолько они были неуместны. Маркиз широко улыбнулся, и через мгновение она сдалась.

Не отрывая взгляда, Ралстон обмотал ее тканью и заткнул конец полотна между уже почти не выступающими грудями, потом двумя пальцами приподнял за подбородок лицо и поцеловал. Этот поцелуй был нежным и сладким, его губы слегка касались ее губ в мучительно медленной ласке, заставляя сердце колотиться и вызывая головокружение.

Закончив, Ралстон шагнул к брошенному оружию, но остановился и поднял с пола листок бумаги. Калли тотчас сообразила, что это за листок, и быстро шагнула к Гейбриелу со словами:

— Подожди. Не надо.

Он замер, не успев развернуть листок, и с любопытством посмотрел на девушку. Она накрыла его руку своей и попыталась вытянуть бумагу из его пальцев, но он не отпускал.

— Почему нет? — спросил он с легким поддразниванием.

— Это мое.

— Похоже, ты спрятала его не в самом удачном месте.

— Я хорошо его спрятала, и если бы ты не стал распутывать мою... — Она умолкла, не желая договаривать.

Маркиз вопросительно поднял бровь.

— Да, но за это я определенно не собираюсь просить прощения.

Калли расправила плечи, постаравшись принять свою самую величественную позу.

— И все же это моя собственность, — проворчала она, вырывая листок.

Быстро повернув запястье, Ралстон тут же забрал у нее бумагу и принялся медленно разворачивать. Сердце едва не выскочило из груди Калли.

— Пожалуйста, Гейбриел. Не делай этого.

Может, от того, что она назвала его по имени, или из-за ее умоляющего тона, но Ралстон замер, посмотрел ей в глаза и спросил:

— Что это за бумага, Калли?

Она покачала головой, отвела глаза и пробормотала:

— Да так... в общем, глупость... но это очень личное.

— Скажи мне, в чем дело, и я не стану читать.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Тогда у тебя и не будет необходимости читать, — заупрямилась она.

Маркиз молча вертел в руках листок. Калли раздраженно вздохнула:

— Хорошо. Это список.

Она протянула руку, будто ожидая, что он вернет ей листок и на этом дело закончится.

В его взгляде мелькнуло непонимание.

— И что же это за список?

— Личный список, — ответила она, пытаясь придать своему голосу пренебрежительное высокомерие, надеясь, что этот тон заставит его почувствовать свое неджентльменское поведение и позволит прекратить досадное противостояние.

— Персональный список покупок? Список не совсем приличных книг, которые вам хотелось бы прочитать? Список мужчин?

Она покраснела от такого предположения, и Ралстон замолчал, широко раскрыв глаза.

— О Боже, Калли! Неужели это список мужчин?

Она раздраженно топнула ногой.

— Бог мой! Нет! Совершенно не важно, что в этом списке, Ралстон. Важно то, что он принадлежит мне.

— Не слишком хороший ответ, императрица, — сказал он и начал разворачивать листок.

— Подожди! — Она вновь коснулась его руки. Ей невыносима была мысль, что он узнает ее

тайные желания. Отведя глаза в сторону, она сказала: — Если вам так необходимо это знать, это список... того... что я хотела бы попробовать.

— Прошу прощения?

— Занятия. В основном такие, которые доступны только мужчинам и которые запрещены женщинам якобы из-за того, что могут повредить их репутации. Я решила, что, поскольку моя репутация почти никого не заботит, у меня нет причин сидеть всю жизнь за рукоделием в компании старых дев. Мне надоело, что меня считают никчемной и бездеятельной.

Маркиз поднял бровь.

— Ты можешь быть очень разной, императрица. Но я бы никогда не назвал тебя никчемной и бездеятельной.

Калли потянула к себе краешек листка.

Обдумывая слова девушки, Ралстон задумчиво смотрел на ее изящные пальцы. Он был чертовски заинтригован.

— Значит, это список занятий, которые, по мнению леди Кальпурнии, являются частью настоящей жизни?

Еще совсем недавно Калли не задумываясь ответила бы на этот вопрос утвердительно, но после того, что произошло несколько минут назад, все изменилось. Те несколько бесценных минут, проведенных в объятиях Ралстона, полностью изменили Калли. В его объятиях она по-настоящему жила, наконец попробовав той жизни, о которой мечтала с самой первой встречи с Ралстоном десять... сто лет назад. И теперь приключение в таверне поблекло настолько, что стало казаться глупой детской шалостью. Но, конечно же, она никак не могла сказать ему это.

— Это мой список, сэр. И я буду вам очень признательна, если вы вернете его мне не читая. Этот разговор ставит меня в очень неловкое положение.

Он ничего не ответил, по-прежнему удерживая листок, Калли собравшись с духом, взглянула Ралстону прямо в глаза. И Гейбриел, поняв все, выпустил из рук свой трофей. Кальпурния быстро сложила листок и нервным движением засунула в карман куртки. Ралстон проводил его взглядом, немного помолчал, потом спросил:

Догадываюсь, что в этом списке есть фехтование.

Она кивнула.

— И скотч?

Еще один кивок.

— Что еще?

«Поцелуи».

— Игра в карты.

— О Боже! И?..

— Курение сигары.

Он фыркнул.

— Пожалуй, это будет трудновато. Даже я не позволил бы вам курить сигару. А мои моральные принципы весьма гибки.

Его слова, произнесенные таким надменно-снисходительным тоном, разозлили Калли.

— Вообще-то, милорд, я уже вычеркнула этот пункт из моего списка, поскольку выполнила его.

— Каким образом? Кто же дал вам сигару?

— Бенедикт.

— Какая безответственность! — Ралстон едва не закричал от изумления. — Я ему голову оторву.

— Именно это он сказал о вас, когда узнал про скотч.

Ралстон хохотнул.

— Да, могу себе представить. Так, значит, он знает о вашем нелепом списке?

— Вообще-то нет. Знает только моя горничная. — Калли сделала паузу. — И теперь вы.

— Интересно, что скажет ваш брат, когда узнает, что вас ранили в фехтовальном клубе?

Этот вопрос, произнесенный совершенно невозмутимым тоном, заставил Калли бросить на Ралстона быстрый взгляд.

— Вы этого не сделаете! — воскликнула она потрясенно.

— Ну, я не знаю, — ответил он, поднимая с пола перчатки и передавая их Калли.

Она взяла перчатки и принялась в волнении теревить их в руках.

— Вы не можете так поступить!

— Отчего же?

— Подумайте о том... — Она в раздумье замолчала. — Подумайте о том, как это будет характеризовать вас!

Он улыбнулся и стал натягивать свои перчатки.

— Это лишний раз подтвердит, что я безответственный повеса и человек, не отягощенный моральными принципами. Думаю, мы уже установили, насколько это соответствует истине.

Он произнес эту фразу тоном, лишь подчеркивающим ее правоту, и у Калли загорелись уши, когда она вспомнила, что всего несколько дней назад именно эти слова она в гневе бросила ему в театре.

Ралстон продолжал гнуть свое:

— Не говоря уж о том, что еще предстоит выйти из клуба так, чтобы вас не узнали другие джентльмены, которые будут рады поведать вашему брату — и много кому еще — о столь опрометчивом поведении леди Кальпурнии Аллендейл. Вы могли бы оказаться здесь в более спокойное время, императрица, но сейчас уже почти шесть часов вечера и в коридорах, должно быть, полно джентльменов, которые хотят размяться перед возвращением домой или вечерними развлечениями.

Этого Калли не учла. Она была так сосредоточена на своем стремлении попасть в фехтовальный клуб, что совсем не подумала о том, что выйти из него будет тоже совсем не просто. Теперь, когда Ралстон упомянул о возможном наплыве посетителей, она услышала взрывы мужского смеха и обрывки громких разговоров других членов клуба, которые проходили мимо зала. Она вновь покраснела при мысли о том, что кто-то из этих джентльменов запросто мог войти несколько минут назад и застать их за чрезвычайно неподобающим занятием.

— Конечно, я никому не скажу ни слова, — начал он, прервав ее размышления, — и помогу вам выбраться из того трудного положения, в котором вы сейчас оказались. Но за определенную плату.

Она сдвинула брови и настороженно посмотрела на него.

— За какую плату?

Ралстон поднял фехтовальную маску и протянул ее Калли.

— Я спасу вашу репутацию сегодня, если вы, продолжая реализовывать ваш список, позволите мне оставить за собой роль телохранителя.

От удивления челюсть у Калли слегка отвисла.

— Ага, — добродушно произнес он. — Вижу, вы меня поняли. Да. Если я узнаю, что вы реализовали еще один пункт вашего списка без моего сопровождения, я все расскажу вашему брату.

Несколько секунд Калли молчала, все внутри у нее кипело.

— Это шантаж.

— Отвратительное слово. Но если вам хочется назвать это так, будь по-вашему. Уверю вас, так будет лучше. Вам, несомненно, нужен наставник, и во имя блага обоих наших семейств я предлагаю свои услуги.

— Вы не можете...

— Оказывается, могу, — невозмутимо парировал он. — А теперь вы можете надеть свою маску и позволить мне вывести вас из клуба. А впрочем, можете рискнуть сделать это самостоятельно. Что вы выбираете?

Калли долго смотрела ему в глаза. Ей так хотелось оставить этого самодовольного маркиза и самой найти выход из возникшего тупика, но она понимала, что его предложение — это самый быстрый и самый легкий способ выбраться из клуба.

Калли надела фехтовальную маску и, не торопясь, тщательно заправила под нее волосы, так

чтобы не видно было ни одной прядки, а закончив, сказала:

— Похоже, у меня нет выбора. — Из-за густой проволочной сетки голос ее звучал глухо.

Ралстон порочно улыбнулся, и по ее телу опять пробежала волна возбуждения.

— Превосходно.

Глава 14

— Нет! Нет! Нет! Мисс Джулиана, во время танца леди должна быть сама грациозность! Вы слишком часто на меня смотрите!

В то время как учитель танцев без обиняков высказывал свои замечания Джулиане, Калли, скрывая улыбку, стояла у высокого, до самого потолка, окна, выходящего в огромный сад Ралстон-Хауса. Несмотря на свою репутацию одного из лучших учителей танцев Англии, тщедушный, невысокого росточка француз оказался самым нелюбимым наставником Джулианы. У учителя и ученицы были слишком разные представления о важности танца в жизни молодой женщины. Кроме того, у Калли сложилось впечатление, что юной мисс Фиори доставляет удовольствие изводить своего наставника.

— Мои извинения, месье Латюфф, — сказала Джулиана тоном, в котором не было и намека на угрызания совести. — Я просто пыталась следить за вашим местоположением, чтобы не отдавить вам ногу.

Учитель широко раскрыл глаза.

— Мисс Джулиана! Запомните: также недопустимо, чтобы молодая леди даже упоминала о подобных казусах. Если все же такая ужасная вещь случится, уверяю вас, партнер не станет обращать на это внимания. Ибо дамы во время танца должны быть легкими как перышко.

Джулиана недоверчиво рассмеялась, что вызвало настоящий истерический припадок у Латюффа. Калли рукой прикрыла рот, чтобы и самой не рассмеяться и таким образом не разрушить свой образ бесстрастного наблюдателя.

Калли наблюдала за уроком вот уже почти час, и за это время Джулиана и месье Латюфф изучили па нескольких простых танцев, потом движения и переходы кадрили и теперь пытались победить сложные перестроения менуэта. Терпение обоих истощалось, и Калли уже с трудом скрывала свое веселье, наблюдая за их перебранкой. Придав своему лицу непроницаемое, как она надеялась, выражение, она снова повернулась в сторону Джулианы и Латюффа. Француз, нелепо размахивая руками и пошатываясь, шел к фортепиано, за которым сидел специально нанятый для этих уроков аккомпаниатор, и вид у учителя был слегка потерянный. Приложив одну руку к сердцу, а второй опираясь на крышку фортепиано, Латюфф демонстративно сделал несколько глубоких вздохов и пробормотал что-то по-французски. Калли с трудом сдержала улыбку, когда совершенно отчетливо расслышала, как он все упомянул Британию, итальянок и менуэт. Ей с некоторым удивлением пришлось признать, что Джулиана может быть истинным наказанием Господним, если уж даже этот француз готов отказаться от своей веры в танец.

Калли, подойдя к Джулиане, посмотрела в голубые глаза девушки, в которых плескалось раздражение. Широко улыбнувшись, она тихо прошептала:

— Осталось всего двадцать минут. Пожалуйста, наберись терпения.

Джулиана процедила сквозь стиснутые зубы:

— Ладно, я сделаю это для тебя.

Калли стиснула руку девушки и сказала:

— За что я тебе чрезмерно благодарна.

Когда Латюфф, по-лошадиному помотав головой, обернулся к девушкам, Джулиана, не скрываясь, громко хихикнула.

— Оставим это, — решительно произнес он. — Перейдем к вальсу. Даже такая юная леди, как вы, должна с почтением отнестись к этому великолепному танцу.

Джулиана широко раскрыла глаза.

— Что значит «даже такая, как я»?

Теперь уже Калли хихикнула, когда французик подхватил готовую взорваться Джулиану в объятия и закружил под прекрасную музыку, зазвучавшую в зале. Калли ободряюще улыбнулась музыканту, который явно испытал облегчение от того, что ситуация разрядилась, и стала наблюдать за парой, кружащейся в такт музыке. Во время танца Латюфф нудно продолжал свои наставления, повторяя, что следует и чего не следует делать, непрерывно критикуя Джулиану за то, что она слишком крепко держится за партнера, слишком напряжена, а взгляд ее слишком вызывающий. Калли догадывалась, что этот вызывающий взгляд исчезнет, как только девушка освободится от объятий своего учителя. Калли едва ли не рассмеялась, заметив, что Джулиана с вызовом посмотрела своему наставнику в глаза и намеренно наступила ему на ногу. «Похоже, Латюфф уже не считает, что во время танца юные леди легки как перышко».

— Кому это нужно: мне или моей сестре, — чтобы учитель танцев, который обходится нам в кругленькую сумму, отработал каждый шиллинг?

Слова, неожиданно прозвучавшие за спиной Калли, заставили ее обернуться. Позади нее стоял Николас Сент-Джон и с веселым любопытством наблюдал за Джулианой.

Калли широко улыбнулась Нику и сказала:

— Я думаю, что, если дать ей шанс, ваша сестра с удовольствием преподаст хороший урок месье Латюффу.

Ник молча наблюдал, как Джулиана и ее наставник горячо обсуждают, насколько это прилично, если молодая леди во время танца улыбается другому джентльмену, пусть даже и собственному брату. Повернувшись к Калли, Ник произнес:

— Да, но я вовсе не уверен, что стану ее за это упрекать.

Калли рассмеялась:

— Честно говоря, меня очень соблазняет мысль дать ей такую возможность.

— Чтобы отыграть за собственные уроки танцев?

— И это тоже... да и хотелось бы посмотреть на тот цирк, который из этого получится.

Ник удивленно поднял бровь.

— Ну, леди Кальпурния, признаюсь, я и не подозревал наличия у вас такого жестокого чувства юмора.

— Нет, нет и нет! — Возмущенный голос, донесшийся из дальнего конца зала, прервал добродушное подшучивание Ника и Калли, и молодые люди обменялись веселыми взглядами: кажется, началось! — Именно джентльмен ведет леди. Я джентльмен — значит, я вас веду! Вы должны быть листочком, подвластным ветру!

Это сравнение вызвало взрыв раздраженных замечаний на итальянском. Калли не могла до конца понять значения слов, но смысл уловила безошибочно.

Ник улыбнулся Калли:

— Полагаю, женщинам не слишком нравится сравнение с листвой.

— Похоже, итальянским женщинам это совсем не нравится.

Он громко рассмеялся в ответ на ее слова, отчего танцующие разом сердито посмотрели на них. Тихонько откашлявшись, Ник повернулся к Калли, протянул руку и предложил:

— Может, покажем им, как это делается?

Калли взглянула на него в полном замешательстве.

— Милорд?

— Ну же, леди Кальпурния, — поддразнивающим тоном произнес он. — Только не говорите, что вы опасаетесь критики со стороны Латюффа.

Калли расправила плечи, шутливо возмущившись этими словами:

— Конечно, нет.

— В чем же дело?

Она приняла его руку.

— Превосходно.

Ник махнул рукой музыканту, и тот вновь заиграл вальс. Николас, поклонившись Калли, заключил ее в объятия и закружил по залу. Пока они кружились по залитой солнцем комнате, Калли продолжала наблюдать за перепалкой Джулианы и Латюффа.

— Леди Кальпурния, — наконец произнес Ник, — я мог бы обидеться на ваше безразличие, если бы не был так уверен в себе.

Услышав эти слова, Калли взглянула на Ника и увидела, что в его глазах бегают веселые искорки.

— Приношу свои извинения, милорд. Я просто хочу успеть вовремя вмешаться, если дело

дойдет до драки.

— Не беспокойтесь. Я первым приду на помощь Латюффу, если моя сестра даст волю эмоциям, с которыми она, похоже, не очень справляется.

Ник и Калли одновременно посмотрели в сторону Джулианы и сразу поняли, что девушка уже едва сдерживается.

— Будет жаль, если Италия и Франция окажутся в состоянии войны так скоро после разгрома Наполеона, — шутливо заметила Калли.

Ник улыбнулся:

— Я сделаю все для достижения всеобщего мира.

— Великолепно, — с шутливой серьезностью заметила Калли. — Но вы ведь понимаете, что вам тогда самому придется выступить в роли учителя танцев?

Ник сделал вид, что обдумывает такую возможность.

— Как вы думаете, музыкант на это согласится?

Получая удовольствие от этого разговора, Калли наклонила голову и сделала вид, что рассматривает напряженного молодого человека, сидевшего за фортепьяно.

— Вряд ли, милорд. Но вам повезло, ведь ваш брат играет ничуть не хуже.

Эти слова слетели с ее уст прежде, чем она осознала их последствия. Надо отдать должное Нику, он не сбился с ритма, лишь с интересом взглянул на нее и спросил:

— А откуда вам известно, что мой брат играет, миледи?

Калли замаялась, отчаянно раздумывая, как перевести разговор на другую тему.

— Ну... об этом... ведь все знают?

Она приняла совершенно невинный вид.

Ник изогнул губы в удивленной усмешке.

— Нет, это не так. Однако вам бы вполне удалось меня убедить в этом, если бы мы с ним не были близнецами. — Он помолчал, наблюдая, как на ее лице проступает выражение досады. — И когда же вы слышали, как он играет?

Калли открыла рот, но тут же потерянно закрыла его.

— Или мне следовало спросить: где же вы слышали его игру?

Он что, ее дразнит? Ее поймали на слове, но она не собиралась сдаваться без боя. Взглянув Нику в глаза, она ответила:

— Нигде.

Он наклонился к ней и произнес шепотом:

— Лгунья.

— Милорд, — запротестовала она, — уверяю вас, что лорд Ралстон не...

— Вам нет необходимости его защищать, — невозмутимо прервал ее Ник. — Вы забываете, что я хорошо знаю своего брата.

— Но мы не... — Калли замолчала, почувствовав, как предательский румянец заливает ее лицо.

Ник невозмутимо поднял бровь.

— Действительно.

Калли опустила глаза и, пытаясь отвлечься, принялась с преувеличенным вниманием рассматривать батистовый галстук Ника. Некоторое время Николас молчал, затем громко рассмеялся.

— Не волнуйтесь, миледи, я сумею сохранить ваш секрет, хотя, признаюсь, испытал укол ревности. Ведь хорошо известно, что из нас двоих я более красивый.

Калли рассмеялась, а Ник в очередном пируэте едва не поднял ее над паркетом, легко сняв напряженность момента. Улыбаясь и глядя ему прямо в глаза, в которых светилось озорное мальчишеское веселье, Калли на мгновение скосила взгляд на его шрам, но, поймав себя на этом, быстро отвела глаза.

— Выглядит ужасно, правда?

Калли теперь уже открыто посмотрела на шрам.

— Ничего подобного. Я часто слышала, как женщины говорят, что этот шрам делает вас более привлекательным.

Он демонстративно поморщился при этих словах.

— Они его романтизируют. Я не пират и не воин, которых шрамы лишь украшают.

— Нет? Какая жалость. Но я слышала, что вы провели немало времени, бороздя воды Средиземного моря, грабя корабли и похищая красавиц.

— К сожалению, истина не столь привлекательна.

Калли в деланном ужасе округлила глаза.

— Ради Бога, ничего не говорите. Я предпочитаю придерживаться своей версии.

Оба рассмеялись, и Калли задумалась о том, насколько легко и непринужденно чувствует себя, общаясь с Николасом Сент-Джоном, в то время как его точная копия обладает такой властью над ее эмоциями.

Прошло чуть больше недели с момента их последней встречи с Ралстоном — с того момента, когда он тайно вывел ее из фехтовального клуба, усадил в свой экипаж и привез обратно в Аллендейл-Хаус. За эти восемь дней она несколько раз бывала у него дома, чтобы присутствовать на уроках Джулианы, пару раз вместе с Марианной заезжала к ней на чай и каждый раз надеялась на встречу с Ралстоном. Кроме того, ей казалось, что и Гейбриел

попытается увидеться с ней, поскольку ни она, ни Джулиана ни в коей мере не скрывали визиты, а значит, Ралстон был в курсе ее приездов.

Дважды ей приходила в голову мысль попробовать отыскать Ралстона и поговорить с ним. Она придумала несколько вариантов якобы непреднамеренной встречи: от случайного попадания в его кабинет до необходимости обсудить детали предстоящего выхода Джулианы в свет. К сожалению, первый бал Джулианы, похоже, должен был пройти достаточно гладко — через неделю она будет готова к этому событию, — а в кабинет Ралстона Калли так и не решилась войти. В этой нерешительности присутствовала определенная ирония, учитывая, что в свое первое посещение Ралстон-Хауса она довольно нахально прошла в спальню Гейбриела. Но сейчас ситуация была совершенно иной.

Наконец Калли решилась использовать в качестве повода для встречи с Ралстоном свой список: ведь обещала же не приступать к выполнению очередной задачи, не поставив его в известность и без его сопровождения. Но, откровенно говоря, когда Калли собралась пойти по этому пути, ей стало немного грустно. У нее возникало ощущение, что она похожа на комнатную собачку, которая неотрывно следует за хозяином, а ей не хотелось, чтобы Ралстон побуждал ее искать встречи с ним.

Боже, как она мечтала, чтобы именно он пришел к ней. Но не слишком ли много она хочет?

— Какая умилительная сцена.

Как только эти сухие слова раздалось в бальном зале, музыка умолкла, а Калли затаила дыхание, когда предмет ее размышлений бросил на нее скучающий взгляд.

«О Боже! Я вызвала его своими заклинаниями». Она покачала головой, отгоняя глупую мысль, и попыталась отстраниться от Ника, но тот не выпустил ее из объятий. Когда Калли удивленно взглянула на своего партнера по танцу, Ник весело подмигнул ей и, чуть наклонившись, прошептал:

— Не раскрывайте свои карты. Мы всего лишь танцевали.

Ник спокойно выпустил Калли из объятий, склонился в низком, несколько утрированном поклоне и демонстративно поцеловал ей руку. Взгляд Калли метнулся к Ралстону, который, небрежно прислонившись спиной к двери, стоял у входа в зал и наблюдал за ними с совершенно непроницаемым видом. Она тотчас почувствовала себя неловко, и эта неловкость возмутила ее. Ник, конечно же, прав: они всего лишь танцевали. Так отчего же она чувствует себя непослушным ребенком, застигнутым за очередной шалостью?

— Милорд Ралстон! — воскликнул Латюфф, торопливо подходя к маркизу. — Большая честь, что вы почтили своим присутствием уроки мисс Джулианы!

— В самом деле? — Слова лениво скатились с языка Ралстона, по-прежнему не отрывавшего глаз от Ника и Калли.

— В самом деле! В самом деле! — живо повторил учитель танцев и, проследив направление взгляда маркиза, снова затараторил: — Лорд Николас и леди Кальпурния оказали мне большую помощь, придав некоторую легкость этим трудным урокам.

— Так вот чем они занимались? Придавали... легкость?

Сухой тон Ралстона неприятно поразил Калли. Она нахмурилась и почувствовала, как напрягся

Ник.

— О да! — воскликнул учитель. — Понимаете, ваша сестра не самая старательная ученица, и они...

— Что ж вы все время жалуетесь, месье Латюфф? — громко прервала учителя Джулиана. Калли обернулась, удивленная дерзостью девушки, и в этот момент та добавила: — А вам бы понравилось, если бы вас называли лентяем?

— Вот! Вы сами все видите! Precisement! Именно! — Латюфф в отчаянии всплеснул руками. — Разве может молодая леди говорить со своим учителем в столь неуважительном тоне?

Джулиана упрямо сдвинула брови и, резко обернувшись к французу, произнесла с нескрываемым сарказмом:

— Возможно, если бы вы чуть больше походили на настоящего учителя и чуть меньше на танцующего паяца, то, безусловно, заслужили бы большего уважения с моей стороны!

Все присутствующие буквально оцепенели от этой вспышки эмоций. Повисла неловкая пауза. Наконец месье Латюфф, скорбно сложив маленькие ручки, повернулся к Ралстону и заговорил; с каждым словом его голос звучал все громче:

— Именно поэтому я никогда не соглашаюсь давать уроки непривилегированным ученикам! К моему сожалению, у вашей сестры заметно полное отсутствие воспитания, это абсолютно ясно, и такой факт должен бы вас встревожить! — Он достал из кармана платок и театрально промокнул лоб.

Молчание, воцарившееся в зале, казалось, стало материальным. На щеках Ралстона заиграли желваки. А когда он заговорил, от гнева его голос звенел как сталь:

— Вон из моего дома!

Француз посмотрел на Ралстона с изумлением.

— Но вам не за что сердиться на меня, милорд.

— Утешает лишь то, что вы осознаете свое положение, Латюфф, — холодно произнес Ралстон. — Запомните, я не позволю вам говорить о моей сестре в таком тоне. Вы освобождены от своих обязанностей.

Брызгая слюной, Латюфф нечленораздельно пробормотал что-то и бросился вон из комнаты; аккомпаниатор поплелся следом.

Оставшиеся молча наблюдали за уходом Латюффа. Затем Джулиана радостно захлопала в ладоши.

— Вы видели его лицо? Могу поспорить: ему никто и никогда не говорил ничего подобного! Ты был великолепен, Гейбриел!

— Джулиана... — начала Калли, но остановилась, когда Ралстон, подняв руку, призвал ее к молчанию. — Джулиана, выйди из комнаты.

Девушка широко раскрыла глаза.

— Ты ведь не можешь... Я не хотела...

— Ты не хотела выгнать лучшего учителя танцев во всем Лондоне?

Джулиана презрительно фыркнула.

— Он не может быть лучшим.

— Уверю тебя: он именно такой.

— В таком случае я сочувствую Лондону.

Ник скривил губы, сдерживая улыбку, а губы Ралстона сжались в тонкую полоску.

— Тебе придется научиться скрывать свои мысли, сестра, иначе никогда не сможешь возвращаться в свете.

У Джулианы потемнели глаза. Да, в твердости характера эта девушка не уступала своему брату.

— В таком случае, может, стоит отправить меня обратно в Италию, а, брат? Там со мной будет гораздо меньше хлопот.

— В этом я не сомневаюсь, но у нас уговор — восемь недель. Ты должна мне еще пять.

— Четыре недели и пять дней, — едко поправила она.

— Пусть так. Пожалуйста, оставь нас и не возвращайся, пока не начнешь вести себя так, как подобает леди, которой, как меня уверяли, ты уже почти стала.

Джулиана долго смотрела на своего старшего брата, глаза девушки метали молнии. Затем она повернулась и молча вышла из зала.

Калли проводила взглядом выходящую Джулиану, потом повернулась к Ралстону и посмотрела на него осуждающе. Гейбриел был холоден как лед. Разочарованно пожал плечами, Калли последовала за своей подопечной.

Ралстон задумчиво посмотрел вслед Калли и резко повернулся к Нику:

— Хочу выпить.

Калли нашла Джулиану в спальне: девушка раздраженно вытаскивала из шкафа свои платья. Груда шелка и атласа у ее ног неумолимо росла, а растерянная горничная молча стояла в углу комнаты. Калли разгладила юбку и присела в кресло, ожидая, когда Джулиана закончит разгром гардероба.

Долгие минуты тишину нарушало лишь ее прерывистое дыхание и отдельные раздраженные фразы на итальянском. Затем девушка развернулась, уперла руки в бедра и пристально посмотрела в глаза Калли. На лице Джулианы было написано сильное разочарование, щеки окрасились гневным румянцем. Глубоко вздохнув, девушка гордо вскинула голову и заявила:

— Я уезжаю.

Калли удивленно подняла брови:

— Прошу прощения?

— Уезжаю. Я просто не в силах оставаться здесь. Ни одной минуты!

Она отвернулась, с трудом открыла большой деревянный сундук, монотонно что-то бормоча по-итальянски, — Калли разобрала лишь несколько слов, обозначающих «брат», «бык» и «артишок».

— Джулиана, — осторожно начала Калли, — тебе не кажется твое решение несколько... поспешным?

Джулиана вскинула бровь.

— Нисколько, я совсем не тороплюсь.

Сдержав улыбку от столь буквального перевода английского слова, Калли заметила:

— Я говорю не о спешке, а об опрометчивости. Импульсивности. Безрассудстве.

Джулиана наклонила голову, обдумывая новое слово, и покачала головой:

— Ничего подобного! Я ожидала, что брат еще раньше поймет, что не хочет видеть меня.

Девушка начала закидывать платья в сундук, а горничная, шокированная таким обращением с великолепными нарядами, бросила на Калли умоляющий взгляд.

Калли едва не рассмеялась, однако ситуация была слишком напряженной.

— Ты ошибаешься.

Джулиана подняла голову, на ее лице читалось полное неверие.

— Да? А ты видела, как он на меня смотрел? Разве ты не поняла, что Гейбриел на самом деле хочет, чтобы я уехала?

Калли не смогла сдержать улыбки при виде такого бурного проявления негодования — негодования, которое еще больше усилилось, когда девушка заметила, что Калли находит все это забавным.

— Тебя это забавляет? — возмутилась Джулиана.

— Нисколько... ну если только самую малость, — призналась Калли и торопливо добавила, увидев, что лицо девушки покрывается гневным румянцем: — Понимаешь, просто у тебя никогда не было старшего брата.

— Не было. Но оказалось, что он есть, вот только эта роль ему не очень нравится.

— Чепуха! Он тебя обожает. Они оба тебя обожают.

— Ха! Вот здесь ты ошибаешься! Я для них сплошное разочарование! — Джулиана вновь занялась своим гардеробом, и из глубины шкафа полетели туфли; теперь ее голос звучал приглушенно. — Я... не знатного происхождения... итальянка... католичка.

Пережевая английскую речь итальянскими словами, она продолжала швырять туфли за спину.

— Уверяю тебя, для Ралстона все это не имеет никакого значения.

— Ха! — Джулиана повернулась к Калли, тяжело дыша. — Возможно, и не имеет! Но могу тебя заверить: для него определенно имеет значение, что я дочь его матери... женщины, которую он презирает!

Калли покачала головой:

— Не могу поверить, чтобы он стал винить тебя в грехах вашей матушки...

— Тебе легко говорить, Калли! У тебя-то нормальная мать! — Калли промолчала, а Джулиана начала бросать туфли в сундук. — Наша мать была ужасной женщиной. Холодной и самовлюбленной. Я совсем плохо ее помню, помню только, что она носила с собой uno specchio — зеркальце... чтобы всегда иметь возможность полюбоваться собой. — Погрузившись в воспоминания, девушка заговорила медленнее: — Она терпеть не могла, когда до нее дотрагивались. Всегда боялась, что ее наряд помнут или испачкают.

Джулиана помолчала и добавила совсем тихо:

— Мне не позволялось до нее дотрагиваться. «У детей грязные руки, — обычно говорила она, — станешь старше и поймешь меня». — Девушка покачала головой. — Но я до сих пор ее не понимаю. Какая женщина не хочет, чтобы дочка дотрагивалась до нее? Чтобы сыновья обнимали ее? Почему она всех нас бросила? — Джулиана посмотрела на сундук, переполненный беспорядочно втиснутыми туда шелковыми и атласными платьями, туфлями и нижним бельем. — Я мечтала о братьях, которых я могла бы обнимать. Которые не ругали бы меня за беспорядок. Которые играли бы со мной и защищали меня. Una famiglia — настоящая семья. — Джулиана слегка улыбнулась. — И оказалось, что братья у меня есть. Она дала их мне.

— Да, твоя мать сделала тебе такой замечательный подарок.

Калли присела рядом и обняла девушку.

— И теперь я все испортила.

Калли покачала головой:

— Ссоры случаются. Поверь мне, Ралстон не хочет, чтобы ты уезжала.

Джулиана подняла глаза, так похожие на глаза Ралстона, и грустно посмотрела на Калли.

— Я могла бы их любить.

Калли улыбнулась:

— Прекрасно. Так и должно быть.

— Но что, если здесь для меня нет места? Я совсем не похожа на них. А что, если для меня нигде нет места?

Калли прижала к себе Джулиану.

Так они долго сидели и молчали, и в какой-то момент Калли поняла, что только у Ралстона получится убедить Джулиану, что этот дом может стать ее домом.

Нужно срочно найти Гейбриела.

Глава 15

— Джулиана не заслужила такого обращения.

Ралстон отвернулся от большого окна, выходящего в сад Ралстон-Хауса, и посмотрел в голубые глаза брата-близнеца.

— Она назвала своего учителя танцев болваном.

— Если говорить откровенно, она была не слишком далека от истины.

Ник подошел к Гейбриелу и протянул ему бокал скотча, который тот охотно принял. Братья молча стояли у окна, наблюдая, как лучи солнца играют на листьях пышного зеленого сада.

После долгого молчания Ралстон спросил:

— Ты пытаешься ее защищать?

— Ни в коем случае. Но твоя реакция была излишне строгой. Джулиана гораздо более тонкая натура, чем кажется.

Ралстон отхлебнул виски.

— Если бы ты видел, какой убийственный взгляд она на меня бросила, ты бы не был так уверен в тонкости ее натуры.

— Может, скажешь, с чего ты так завелся?

— Нет! — жестко отрезал Ралстон.

Ник отошел от окна и удобно расположился в большом кресле у камина. Пригубив свой скотч, он вопросительно посмотрел на брата, ожидая продолжения. Взгляд, которым Гейбриел одарил Ника, не предвещал ничего хорошего, и другой на его месте поспешил бы покинуть комнату, но Ник лишь усмехнулся и с легкой издевкой произнес:

— Похоже, увидев меня танцующим с леди Кальпурнией, ты совершенно утратил свое хваленое самообладание.

— Ты преувеличиваешь.

— Не думаю, Гейбриел. Ты до смерти напугал аккомпаниатора, уволил месье Латюффа и, по сути, выгнал из зала сестру; я уж не говорю о твоём намеке на мое якобы не подобающее джентльмену поведение.

— Ты пытаешься отрицать, что совершенно неподобающим образом флиртовал с дамой? — Голос Ралстона зазвенел от напряжения.

— Флиртовал? Да. Неподобающим образом? Нет.

Ралстон вновь отвернулся к окну. Конечно же, Ник прав: ничего неподобающего в его легком флирте не было.

По мере взросления близнецы избрали совершенно разные пути освобождения от материнского наследия, которое серьезно подпортило репутацию их фамилии. В то время как Гейбриел наслаждался жизнью, развлекая общество своими многочисленными и, как правило, довольно скандальными романами, Ник просто уехал на континент, где и провел почти десять лет, посвятив себя работе с древностями. Конечно, женщины у его брата были, однако Ралстон не помнил, чтобы Ник когда-либо сделал свои отношения достоянием гласности и дал хотя бы малейший повод для светских сплетен. И что в итоге? Оба брата пользовались огромным успехом у женщин, но по совершенно разным причинам. Ралстон имел репутацию отъявленного распутника, в то время как Ника свет считал рафинированным джентльменом.

— Вообще-то мы говорили о тебе, — добавил Ник, игнорируя удивленный взгляд брата. — Скажи-ка мне правду, брат, откуда леди Кальпурния знает, что ты музицируешь?

— Музицирую?

— Играешь на фортепиано, — словно разговаривая с ребенком, уточнил Ник.

— Понятия не имею.

Ник глубоко вздохнул.

— Ты можешь не отвечать, Гейбриел, но ведь это очевидно. Только услышав твою игру, она могла сказать, что ты играешь ничуть не хуже приглашенного тобой аккомпаниатора. А я никогда не слышал, чтобы ты играл где-то, кроме своей спальни.

Не дождавшись ответа, Ник продолжил:

— Значит, мисс Калли стала твоей любовницей?

— Нет. — Ответ Ралстона был мгновенным и резким. Он повернулся к брату, и в этом движении читался едва сдерживаемый гнев. — Она не стала моей любовницей. И того, кто осмелится утверждать обратное, я вызову на дуэль на любых его условиях. И мне наплевать, кто это будет.

Угроза была откровенной.

Николас удивленно посмотрел на брата и холодно произнес:

— Что ж, это меняет дело. Не хотелось верить, что Кальпурния Аллендейл могла так легко поступиться своей честью.

Гейбриел не ответил, лишь бросил недовольный взгляд на брата, и Ник продолжил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что Калли не имеет никакого отношения к тем женщинам, которых ты обычно затаскиваешь в свою постель?

— Я не затаскивал ее в постель.

— Нет, конечно, нет. — Ник примиряюще взмахнул рукой, но произнес, язвительно усмехнувшись: — Конечно, это совершенно нормально — из-за женщины два раза за день нападать на собственного брата.

— Я пытаюсь уберечь ее репутацию. Она настолько тесно связана с Джулианой, что мы не можем допустить никаких сплетен, — сказал Ралстон, незаметно уводя разговор в сторону.

— Раньше сохранность репутации женщины тебя не слишком волновала, — с усмешкой заметил Ник.

— Раньше у меня не было сестры.

Ник недоуменно вскинул брови.

— Разве Джулиана имеет ко всему этому какое-то отношение? Думаю, все произошедшее касается только леди Кальпурнии. И думаю, что на карту поставлено нечто большее, чем ее репутация.

— Нет необходимости защищать ее от меня, Ник. Ты заметил, как она на меня посмотрела, прежде чем последовать за Джулианой? Не удивлюсь, если это была наша последняя встреча с леди Кальпурнией Хартуэлл.

— И ты будешь рад такому повороту событий?

— Конечно.

— В таком случае ты ничего не будешь иметь против, если я стану за ней ухаживать?

От этих слов Ралстон напрягся как от удара и, прищурившись, хмуро встретил веселый, понимающий взгляд брата.

— Вижу, тебе это не слишком понравится. Интересно...

— Ты заходишь слишком далеко, Ник.

— Возможно. Но кто-то должен открыть тебе правду.

— И в чем же она?

— Кальпурния Хартуэлл — женщина не твоего типа, Гейбриел.

— И что же она за женщина?

— Она из тех, кому нужна любовь.

— Любовь. — Ралстон как будто выплюнул это слово. — Калли не настолько глупа, чтобы верить в сказки. В ее возрасте уже приходит понимание, что любовь — это бесполезная и даже опасная штука.

— Значит, все-таки Калли? — переспросил Ник.

— Ты что, хочешь, чтобы я отправил тебя в нокаут прямо здесь? — проревел Ралстон.

— М-м, — только и ответил Ник уклончиво.

Он долго смотрел брату в глаза, затем встал и направился к выходу, но у двери обернулся. — Скажи мне только одно. На этот раз правду. Ты за ней ухаживаешь?

«Да».

— Нет, — насмешливо произнес Ралстон. — С чего ты взял, что меня может заинтересовать эта серая мышка? — «Не такая уж и серая и не такая уж мышка». Ралстон раздраженно мотнул головой, заглушая назойливый внутренний голос. — Разве я когда-нибудь ухаживал за такими женщинами? Она нужна не столько мне, сколько Джулиане. Не моя вина, если мисс Аллендейл находит меня привлекательным.

Ник лишь кивнул в ответ и взялся за ручку двери, но в этот момент тяжелая дверь распахнулась и в проеме показалась Калли — глаза ее были широко открыты, а лицо побелело. Ралстон едва сдержался, чтобы не выругаться.

Было очевидно, что девушка все слышала.

Все мысли о Джулиане тотчас вылетели у нее из головы. Калли переводила взгляд с одного брата на другого и молчала, не находя нужных слов.

Действительно, говорить больше было не о чем. Ралстон высказался достаточно ясно.

Она сделала глубокий вдох; его слова все еще звучали в ее ушах: «С чего ты взял, что меня может заинтересовать эта серая мышка?» Что ж, по крайней мере теперь она знает правду. В этом тоже можно найти некоторое утешение.

Только не сейчас, конечно... но... наверняка когда-нибудь... в будущем... а сейчас эти жестокие слова причинили ей почти физическую боль.

А затем Калли почувствовала, как ее охватывает гнев, который рос внутри ее словно долгожданный шторм. После минутного замешательства ей страшно захотелось нанести ответный удар этому самоуверенному, самовлюбленному человеку, который, как оказалось, вовсе и не джентльмен.

— Что ж, — недобро усмехаясь, произнесла Калли, входя в комнату и пристально глядя в глаза Гейбриела, — похоже, вы о себе слишком высокого мнения, милорд.

Ралстон молчал, а Ник, быстро сориентировавшись, чуть смущенно кашлянул и произнес:

— Пожалуй, я пойду разыщу Джулиану. Возможно, у нее дела обстоят лучше, чем у моего брата.

Он низко поклонился, несмотря на то что Калли даже не посмотрела в его сторону, и вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Калли шагнула к Ралстону.

— Как вы смеете?

Гейбриел направился к ней.

— Я не хотел...

Калли подняла руку, не позволяя ему продолжить.

— Вы сорвали урок вашей сестры, не говоря уж о том, что испортили ей весь день.

Он остановился, удивленный неожиданной сменой темы.

— О Боже! Вы же видели, Джулиана была готова устроить скандал...

— Но скандал затеяли именно вы. — Калли расправила плечи. — И я буду вам очень благодарна, если впредь вы не станете появляться на ее уроках.

Некоторое время Ралстон молчал, переваривая услышанное, потом холодно произнес:

— Похоже, вы неплохо проводили время.

Калли вызывающе вздернула подбородок.

— Так оно и есть. Жаль, что все так внезапно закончилось.

Несколько долгих секунд она дерзко рассматривала своего оппонента, потом развернулась, собираясь выйти из комнаты, но, коснувшись пальцами дверной ручки, обернулась.

— Вы должны извиниться перед своей сестрой.

Ралстон усмехнулся:

— За что же?

— Она молода и, в сущности, совершенно одинока, а сейчас еще и очень расстроена тем, что разочаровала вас, лорд Ралстон. Обо мне можете говорить что хотите, но постарайтесь запомнить, что у вашей сестры очень тонкая и нежная душа. Кроме того, к моему сожалению, вы ей нужны.

— Я не чудовище.

Она улыbnулась, но в глазах улыбки не было.

— Нет. Конечно, нет.

У него возникло отчетливое впечатление, что она не верила тому, что сказала.

Калли опять повернулась к двери, намереваясь выйти, и в этот момент Ралстон спросил:

— Он тоже значится в вашем списке?

— Прощу прощения? — Надменно выгнув бровь, девушка обернулась к нему, всем своим видом выказывая максимальное пренебрежение.

Гейбриел нервно повел плечом и уточнил:

— Николас, Калли. Мой брат. Он тоже значится в вашем списке? «Номер три: приручить Сент-Джона»?

Калли широко раскрыла глаза.

— Вы думаете, что я включила вашего брата в свой список?

— Именно так я и думаю. — Его глаза сверкнули едва сдерживаемой эмоцией, которую она не смогла определить. — Вы действительно это сделали?

Калли едва не расхохоталась прямо в лицо этому высокому, красивому, но такому бестолковому человеку.

— Нет, Ралстон, я этого не делала. Уверяю вас, что если бы в моем списке значилось завоевание чьего-то расположения, то этот пункт не имел бы отношения к вашему брату.

— А к кому он бы имел отношение?

«Вопреки моим убеждениям он имел бы отношение к тебе, бестолочь».

— Я не стану отвечать на столь бестактный вопрос.

Калли потянула на себя дверь, и тут Ралстон оказался рядом с ней. Крепко схватив девушку за руку, он развернул ее к себе лицом. Она ощутила тепло его кожи, и кровь быстрее побежала по ее жилам.

— Я еще не закончил.

— Лорд Ралстон! — Глаза у Калли сверкали неукротимым гневом. — Похоже, вы находитесь во власти заблуждения, что я обязана потакать вашим капризам. Позвольте мне кое-что вам разъяснить. Вы можете сколько угодно командовать своими слугами и давать указания членам вашей семьи, но я не отношусь ни к тем ни к другим. И пусть я останусь для вас серой мышкой, подчиняться вам я больше не собираюсь. Я ухожу.

Поняв, насколько Калли разгневана, он отпустил ее руку.

Она рванула на себя дверь, но Ралстон, перекрывая выход, придержал тяжелую створку красного дерева.

— Вы не моя служанка и не член моей семьи, Кальпурния, но ведь у нас есть договор.

Она замерла, услышав эти слова, не сводя глаз с его руки.

— Я выполнила свою часть сделки.

— Сегодняшнее поведение Джулианы свидетельствует об обратном.

— Перестаньте, — насмешливо произнесла Калли. — Мы оба знаем, что она готова.

— Я в этом не уверен. И потом, только я могу судить о степени готовности Джулианы к выходу свет.

— Наше соглашение не предусматривало таких условий.

— Но и не было оговорено их отсутствие. Теперь я их вношу. Вы получили то, о чем просили. Или вы забыли?

От этих слов по спине Калли пробежала дрожь. Гейбриел стоял у нее за спиной, и она чувствовала теплый поцелуй его дыхания на своей обнаженной шее. От этого ощущения тело Калли окатывало жаром.

— Я не забыла.

Эти слова сорвались у нее с языка непроизвольно, и она закрыла глаза.

Он положил руку на ее плечо и с легкостью развернул лицом к себе. Когда их взгляды встретились, глаза Калли уже не полыхали гневом, в них колыхалась сложная смесь самых разных чувств.

— И я не забыл. А ведь пытался.

Прежде чем Калли попыталась осознать значение этих слов, маркиз прильнул к ее губам, лишив ее способности думать.

— Я пытался забыть этот поцелуй... поездку в экипаже... фехтовальный клуб... Но, по-видимому, ты прочно обосновалась... в моей памяти.

Все эти слова он произнес в коротких перерывах между долгими, притупляющими сознание поцелуями. В то же время Ралстон потихоньку провел Калли по кабинету и усадил в большое кресло, стоявшее подле камина. Опустившись перед девушкой на колени, он погладил ее щеку сильной теплой рукой и посмотрел в лицо обжигающим взглядом. Покачав головой, словно не понимая, что это на него нашло, Ралстон издал негромкий горловой рык и снова поцеловал ее. Она запустила руки в его густые черные волосы, а Гейбриел с такой нежной страстью начал покусывать ее нижнюю губу, что уже через мгновение у Калли возникло предчувствие, что сейчас она просто умрет от интенсивности этого ощущения. Она застонала, и Ралстон начал целовать с настоящей страстью, наконец дав ей то, чего Калли действительно хотела.

На мгновение он прервал поцелуй и скользнул рукой под ее юбки, глядя внутреннюю сторону бедер.

— Такая нежная кожа... — шептал он, лаская ее бедра и возбуждая желание такой силы, что ее лоно буквально горело от нестерпимого жара.

Лишаясь рассудка от захлестнувшего ее желания, Калли жадно ласкала его грудь и плечи, подсознательно раздражаясь на мешавшую ей ткань. Проснувшаяся в Калли страсть жаждала ощутить его кожу, жаждала, чтобы его руки касались того места, к которому она лишь недавно начала привыкать. Маркиз на секунду замер, потом припал губами к ее шее и осторожно отстранился от нее. Калли открыла глаза.

— Я никуда не уйду, императрица, — прошептал Ралстон, улыбаясь своей, наверное, самой соблазнительной улыбкой. — Я хочу лишь получше тебя рассмотреть.

Прежде чем Калли полностью осознала значение его слов, он быстрым движением вскинул ее юбки еще выше.

— Нет, — сказала Калли, смущенная самой мыслью о том, что он хочет видеть такое интимное место.

Ралстон потянулся к ней, обхватил пальцами затылок и уверенным движением привлек к себе для обжигающего поцелуя. Когда она снова расслабленно прильнула к нему, Ралстон во второй раз поднял ее юбки и мягко раздвинул бедра, вновь пробежав умелыми пальцами по коже.

— Такая гладкая и нежная, — прошептал он, покрывая короткими влажными поцелуями внутреннюю сторону ее бедра и прокладывая грешную, но такую горячую тропинку вверх.

Калли закрыла глаза, чтобы не видеть этого греховного движения, но вновь открыла, как только Гейбриел попросил ее об этом, — похоже, она была полностью в его власти.

Когда его губы коснулись самого интимного места, он слегка отстранился, с восхищением глядя на черные блестящие завитки, обрамлявшие ее лоно.

— Я воображал себе этот момент поздней ночью, в своей спальне. Я представлял себе, как ты открываешься мне, как сейчас, полностью моя.

От этих слов ее опалило огнем.

— Я представлял, как прикасаюсь к тебе, как сейчас... открываю тебя... ласкаю тебя...

Гейбриел говорил, а движения умелых пальцев следовали за его словами.

Неожиданно он припал губами к ее складкам, запечатлевая долгий и нежный поцелуй.

Оторвавшись от ее лона, Ралстон спросил:

— Ты трогаешь себя, милая?

Он провел пальцем по влажным и жарким губам.

Услышав этот вопрос, Калли крепко зажмурилась. Она не могла говорить... не могла на него ответить... не могла посмотреть Ралстону в глаза, которые потемнели от сдерживаемой страсти.

— Императрица, ответь мне. Ты это делаешь?

Калли кивнула, с легким стоном прикусив губу, щеки окрасились румянцем — свидетельством страсти и смущения, а он сверкнул белыми зубами и возобновил это сводящее с ума поглаживание.

— О ком ты думаешь, когда трогаешь себя?

Калли закусила губу, не в силах признаться.

Он нежно поцеловал ее в живот и поднял голову, посмотрев ей в глаза.

— Императрица...

В его голосе не слышно было никакого упрасивания, но ей отчего-то захотелось рассказать ему все.

— О тебе, — простонала Калли.

Услышав это признание, Ралстон возобновил ласку. Она охнула от удовольствия и подалась навстречу его дарящему наслаждение рту.

Когда волна удовольствия окатила Калли, она громко выкрикнула его имя и судорожно вцепилась в плечи. Через несколько долгих секунд она приоткрыла глаза, с трудом обретая осознание места и времени. Ралстон вновь попытался поцеловать ее лоно, но она нашла в себе силы отстраниться.

— Нет... — выдохнула Калли, качая головой и борясь с мощными ощущениями, которые пронизывали ее. — Гейбриел... остановись...

Маркиз поднял голову, напряженно наблюдая за Калли. Она открыла глаза и встретила его взгляд, наполненный страстью, удовлетворением и чем-то еще, что она не смогла опознать. Поднявшись на ноги, он припал к ее губам поцелуем, который больше походил на подтверждение права собственника, чем на ласку. Отпустив Калли, Ралстон хрипло произнес:

— Ты действительно меня хочешь.

Эти слова развеяли дымку поглотившего ее чувства, и Калли моментально оцетинилась. С отчетливой ясностью она поняла значение его слов. Им двигала не страсть, заставившая его заниматься с ней любовью в кабинете и при свете дня, а скорее необходимость самоутверждения и получения еще одного доказательства своего мастерства соблазнителя. Это было всего лишь состязание, в котором она оказалась призом.

Он не хотел ее... конечно, не хотел. Она для него серая мышка.

От этой мысли ее словно пронзило холодком, и она так резко оттолкнула Ралстона, что тот потерял равновесие. Калли встала, кое-как поправила свои юбки и, пошатываясь, пошла к двери.

Ралстон высокомерно поднял брови, его тяжелое дыхание отражалось эхом вокруг них.

— Ты хочешь отказаться от своих слов?

Боль становилась все сильнее, и она уже не могла скрывать ее. Когда она заговорила, ее голос заметно дрожал.

— Нет, не хочу. Я всегда думала о тебе.

Немного помолчав, она добавила:

— Лучше бы я думала о ком-то другом.

С этими словами она повернулась и — черт с ней, с гордостью! — побежала.

Ралстон не двинулся с места, прислушиваясь к затихающим шагам девушки. Спустя минуту хлопнула тяжелая входная дверь, и глухой стук зловещим эхом отозвался в комнате.

Некоторое время спустя Ралстон сидел за фортепьяно, искренне надеясь, что музыка поможет ему изгнать из головы мысль об этой неуправляемой, взбалмошной девице. Он играл, и напряжение, до сих пор не отпускавшее его, извлекало из инструмента совершенно неукротимые звуки. Музыка звучала все быстрее и яростнее, пальцы маркиза буквально летали по клавишам, глаза были закрыты. Ралстон играл и ждал, когда музыка развеет тупую тоску, терзавшую сердце. «Я всегда думала о тебе».

Музыка захватила его, мрачная и отравляющая, обостряя его чувства, Ралстон задержался на клавишах нижнего регистра, вбивая в них свои эмоции. Но эти звуки, мучительные и в то же время страстные, причиняли ему боль, вновь и вновь напоминая о том, с каким страдальческим выражением лица выбежала из его дома Калли.

«Лучше бы я думала о ком-нибудь другом».

Ралстон выругался, но его проклятие утонуло в очередном мощном аккорде. Ее отповедь — такая заслуженная — тем не менее не охладила его желания обладать ею.

Он подвел эту молодую женщину к тому, что она начала осознавать себя, свое тело, свои эмоции. Ралстон понимал, что делает, хотя и чувствовал, что заходит слишком далеко. Но он не мог остановиться, даже если бы и захотел. В тот момент он был слишком возбужден — наверное, так же сильно, как и Калли. Даже если бы сам король вошел в кабинет, Ралстон не смог бы остановиться.

Поняв это, Ралстон испытал некоторое потрясение, и его пальцы замерли над клавишами. Он потряхнул головой, словно пытаясь освободиться от воспоминаний. Что же такое было в этой женщине? В этой заурядной, непритязательной женщине, которую он раньше даже не замечал?

И он ненавидел себя за то, что говорил о ней так.

Нет... Леди Кальпурния Хартуэлл была совершенно непохожа на тех женщин, которых он знал до нее. И именно это безрассудное сочетание невинного любопытства и женственности соблазнило его.

Он хотел ее. Всею душой. Так, как он никогда не хотел ни одной женщины раньше.

Но, конечно же, он не мог обладать ею.

Ник был прав — Калли нужна любовь. Ралстон знал это с самого начала — она не скрывала своей веры в силу чувств и непоколебимой убежденности в их существовании. Он перестал играть, задумавшись над тем, каково это — так сильно верить в то, что любовь способна творить добро. Приносить счастье.

Ралстон качнул головой и низко склонился над клавишами. Он никогда не видел этой стороны любви. Он видел только разрушающую душу боль, которую вызывала безответная любовь. В памяти пронеслись воспоминания об отце, не скрывавшем неугасающей любви к жене, которая отказалась от своих обязанностей супруги и матери и ушла, даже не оглянувшись. Дважды.

И о какой вечной любви тут можно говорить?

Ралстон зло выругался. Он мог не соглашаться с Калли в отношении любви, но это не означало, что он мог причинить ей боль.

Он не собирался отрицать, что испытывал огромное удовольствие, держа ее в своих объятиях, но вынужден был признать, что вел себя недопустимо. Эта женщина заслуживала лучшего.

Нужно обязательно вымолить у нее прощение, хотя, честно говоря, сам он несколько не жалел о своем поведении.

Ралстон продолжал играть, мелодия звучала медленнее, становясь более созерцательной и задумчивой.

Раздался стук в дверь, и Гейбриел перестал играть. У него мелькнула сумасшедшая мысль: а вдруг это Калли?

— Войдите! — чуть громче, чем следовало, произнес он.

Дверь открылась, и он увидел девушку, силуэт которой выделялся на фоне ярко освещенного холла. Свою сестру.

Казалось, его окружали женщины, у которых он должен был просить прощения.

— Входи, Джулиана.

Ралстон встал, взял длинную лучину и от каминного огня зажег свечи в большом напольном канделябре, затем указал сестре на кресло.

— Я и не заметил, что уже стемнело.

— Да, уже довольно поздно, — тихо произнесла Джулиана, села в кресло и подождала, пока он зажжет еще несколько свечей и устроится в кресле напротив. Джулиана открыла было рот, собираясь заговорить, но Гейбриел поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Позволь мне перед тобой извиниться. — Джулиана широко раскрыла глаза, и он добавил: — Мне не следовало выходить из себя.

Девушка улыбнулась:

— Похоже, что неспособность держать себя в руках — это наша общая черта, брат.

Гейбриел невесело усмехнулся:

— Похоже, так оно и есть.

Джулиана вздохнула и, расслабившись, поудобнее устроилась в кресле.

— Я пришла, чтобы fare la pace.

Гейбриел вытянул ноги, откинулся на спинку кресла и улыбнулся в ответ на это итальянское выражение.

— Я буду рад восстановить мир.

Она протянула ему большой сверток, завернутый в коричневую бумагу.

— В Италии у нас есть выражение: «Подарок после ссоры — это оливковая ветвь».

Гейбриел взял сверток.

— По-английски это звучит точно так же.

Джулиана улыбнулась:

— Ты не хочешь взглянуть на подарок?

Гейбриел посмотрел на сверток, аккуратно упакованный и перевязанный, и почувствовал, как его охватило любопытство. Когда он в последний раз получал подарок? Подарок от того, кто ничего не рассчитывал получить взамен? Посмотрев на сестру, он увидел на ее лице нетерпение — девушка, безусловно, рассчитывала, что ему понравится то, что скрывается под неброской коричневой упаковкой.

Гейбриел развязал бечевку, которой был перевязан сверток, и снял оберточную бумагу.

Взяв книгу в руки, он сразу понял, насколько вдумчиво был выбран подарок.

— Как ты узнала, что я обожаю Моцарта?

Джулиана улыбнулась:

— Моя спальня тоже находится в этом доме. Не трудно определить твоего любимого композитора.

Он почтительно провел пальцами по кожаной обложке.

— Я начну ее читать сегодня же. — Он встретился с ее серьезным взглядом. — Спасибо, Джулиана.

Девушка застенчиво улыбнулась:

— Не за что. Я рада, что подарок тебе понравился.

— Очень понравился.

Больше всего его удивило то, что девушка, которой так много пришлось пережить, позаботилась о подарке для своего недавно обретенного брата.

— А у меня нет для тебя подарка.

Джулиана рассмеялась.

— Конечно, у тебя нет. Да и с какой стати? — Он не смог найти подходящего ответа, и она добавила: — Мы ведь семья. А в семье совершенно не обязательно отдариваться.

Гейбриел помолчал в раздумье.

— Вообще-то я совершенно не представляю, как ведут себя в семье. Уж очень давно у меня нет никого, кроме Ника.

Джулиана задумалась над его словами.

— Действительно. Тогда давай будем считать, что в нашей семье поступают именно так.

— Великолепная идея.

Джулиана захлопала в ладоши и широко улыбнулась:

— Превосходно! — Затем несколько легкомысленно добавила: — Знаете, милорд, я всегда хотела иметь брата, который бы потакал мне.

Гейбриел рассмеялся, оценив ее притворную наивность.

— В самом деле? Могу я предложить вам обсудить этот конкретный вопрос с Ником?

Джулиана широко раскрыла глаза в ответ на его шутку, а затем расхохоталась.

На несколько минут воцарилось непринужденное молчание. Джулиана, спокойно сидя в кресле, наблюдала, с каким интересом Гейбриел просматривает книгу. Наконец он поднял голову и спросил:

— А когда тышла время выбрать подарок?

Джулиана небрежно махнула рукой и не задумываясь ответила:

— Когда мы с Калли и Марианной были на Бонд-стрит, мы зашли в книжный магазин. Продавец порекомендовал мне эту книгу, и Калли одобрила покупку, сказав, что тебе такой подарок понравится.

Он напрягся при упоминании о Калли.

— Она так сказала?

Джулиана кивнула:

— Насколько я заметила, она всегда дает замечательные советы.

Ралстон ничего не ответил, лишь нервно двинулся в кресле и прищурил глаза.

— У тебя виноватый вид, братец.

Гейбриел, отведя взгляд, уставился на горевшие в канделябре свечи.

— Из-за меня она сбежала и, полагаю, сейчас все еще очень сердится на меня.

— Ага! — поддразнила Джулиана. — Ты хочешь сказать, что сегодня в этом доме месье Латюфф был не единственным idiota?

Ралстон с досадой усмехнулся:

— Похоже, ты права. — Он откинулся на спинку кресла. — А знаешь, со мной никто и никогда не говорил таким тоном.

В ответ сверкнула улыбка.

— Вам давно нужно было занять сестру, милорд.

— Пожалуй, да.

— Калли непохожа на других женщин, — произнесла Джулиана, рискнув выйти за рамки. — Она всегда готова сделать все возможное, чтобы исправить ситуацию.

В голове у Ралстона промелькнула сцена: Калли стоит в дверях его кабинета; совершенно очевидно, что его слова, которые она случайно услышала, очень ранили ее, и все же она готова заступиться за Джулиану. Словно ее собственная гордость была не столь важна, как счастье его сестры.

Он встретил понимающий взгляд сестры.

— Вижу, что и ты это заметил.

— Да. Она совершенно замечательная.

— Так, может, тебе следует перед ней извиниться?..

Гейбриел снова подвинулся в кресле, закинул ногу на ногу, и между ними вновь воцарилась тишина: каждый задумался о своем. Наконец Гейбриел нарушил молчание:

— Ты любишь искусство?

Джулиана с любопытством посмотрела на него.

— Люблю.

— Мне бы очень хотелось сводить тебя на выставку Королевской академии искусств. — Он поднял книгу. — Отблагодарить за подарок.

— Тебе нет нужды благодарить меня. Ты не забыл? Это должно стать обычным в нашей семье.

Ралстон кивнул:

— Тогда я хочу, чтобы наша семья посетила эту выставку.

— Хорошо. Если ты хочешь сделать это правилом... полагаю, мне ничего не остается, как принять твое приглашение.

Гейбриел наклонился вперед и улыбнулся:

— Знаешь, Джулиана, думаю, тебе уже давно нужно было заиметь брата.

Она вновь наклонила голову, и этот жест показался ему весьма трогательным.

— Наверное, ты прав.

Глава 16

Калли вышла из экипажа Ривингтонов перед Сомерсет-Хаусом и заботливо подала руку Марианне. Сестра, улыбаясь, последовала за ней. Они моментально оказались в гуще толпы у Королевской академии, где проходила выставка.

Марианна, бросив на жениха любящий взгляд, взяла Ривингтона под руку, и они поднялись по мраморным ступеням ко входу в Сомерсет-Хаус. Калли подавила слабый вздох при виде того нескрываемого обожания, с которым эти двое относились друг к другу.

— Миледи?

Калли вздохнула и повернулась к своему спутнику, барону Оксфорду.

— Мы идем?

Она изобразила широкую улыбку и оперлась на предложенную руку.

— Конечно, милорд.

Они последовали за Марианной и Ривингтоном к широкому входу в галерею. Нельзя, чтобы странное поведение Оксфорда омрачило посещение выставки. Это было одним из самых важных событий для Калли, поскольку выставка давала жителям Лондона редкую возможность увидеть работы самых известных современных художников. Она любила искусство и старалась не пропускать ни одной выставки.

— Я слышала, что сегодня у нас будет возможность увидеть последние гравюры Блейка, —

заметила Калли, поднимаясь по лестнице.

Оксфорд бросил на нее странный взгляд и спросил с недоверием:

— Но ведь вы пришли сюда не за тем, чтобы любоваться произведениями искусства?

— Именно за тем. Я очень люблю искусство. А вы разве нет?

— Как и всем, мне нравятся симпатичные картинки, — ответил Оксфорд. — Но никто не ходит на такие выставки ради самого искусства, леди Кальпурния. Приходят, чтобы показать, что ты в состоянии получить приглашение.

Калли опустила голову, чтобы барон не заметил ее удивления.

— О да. Это производит впечатление.

— Вы бывали здесь раньше? — спросил Оксфорд, в его голосе слышалось открытое хвастовство.

Калли замаялась, не уверенная, что стоит говорить правду.

Марианна, которая вместе с Ривингтоном дожидалась Калли и Оксфорда, ответила за сестру:

— Наш отец был попечителем Королевской академии, барон Оксфорд, и этот день для Калли один из самых любимых в году.

— В самом деле? Я не думал, что вы окажетесь такой... ученой, — с некоторой заминкой пробормотал Оксфорд — очевидно, до сих пор это слово не входило в его лексикон.

— О, Калли блестяще разбирается в искусстве. Слышали бы вы, как она рассуждает об эпохе Ренессанса. — Марианна широко улыбнулась барону и добавила: — Вы ведь не будете возражать, если я украду свою сестру? Я вижу там полотно Пирса, а мы давно хотели познакомиться с его работами.

С этими словами Марианна схватила Калли за руку и, лавируя между посетителями, быстро увела сестру подальше.

— Уф! Он невыносим! С чего ты вдруг решила принять его приглашение?

— Он оказал мне любезность. И хотела бы тебе напомнить, Мари: я не в том положении, чтобы отказываться от приглашений. — Калли помолчала. — В общем-то он не так уж и плох.

— Он дурак и пьяница, — брезгливо сморщив носик, заметила Марианна и тут же широко улыбнулась, приветствуя виконтессу Лонгвелл. Дама в ответ дружелюбно помахала сестрам веером. — Ради Бога, Калли! Ты готова одеваться как мужчина, чтобы проникнуть в фехтовальный клуб Бенедикта, но не можешь отказать Оксфорду!

— Ш-ш! — Калли огляделась, чтобы убедиться, что Марианну никто не слышал. — Ты в своем уме — говорить об этом здесь? Я ведь пришла сюда по приглашению барона Оксфорда. Так что оставлять его надолго как минимум невежливо.

— Фи! Ривингтон его развлечет, — рассеянно произнесла Марианна, вставая на цыпочки и вытягивая голову, словно выискивая кого-то в толпе. — Ты не видишь Джулиану?

Калли оцепенела.

— Джулиану Фиори?

Марианна бросила на Калли недоуменный взгляд.

— Да, Кальпурния. Джулиану Фиори. Какую еще Джулиану я могу искать?

— Я не знала, что она будет здесь.

— М-м, — отозвалась Марианна, оглядываясь вокруг. — Ралстон обещал ей этот выезд. Мы договорились вместе посмотреть на знаменитый «Иерусалим» Блейка.

Калли открыла было рот, но не нашлась что сказать, зная лишь, что должна покинуть Сомерсет-Хаус, прежде чем столкнется с Ралстоном. Она не хотела его видеть. Не могла находиться с ним в одном помещении. И не имеет значения, что, кроме них, здесь будет половина Лондона. Калли слегка запаниковала.

— Ага... вот и наши дамы. — Обернувшись, Калли с Марианной увидели перед собой Оксфорда и Ривингтона. Оксфорд поймал взгляд Калли и улыбнулся во весь рот. — Вы так неожиданно нас покинули, но мы прекрасно умеем выслеживать свою добычу.

— Похоже на то, милорд.

Этот день становился все более странным. Ей следовало остаться дома. Это было совершенно очевидно.

— Леди Кальпурния, не желаете посмотреть картины в Северной галерее?

— Я... — У Калли мелькнула мысль отказаться, но она передумала: сейчас меньшим из двух зол был Оксфорд. — С удовольствием, милорд.

— Замечательно. — Барон предложил Калли руку, и они направились к северному выходу. Чуть склонившись к Калли, Оксфорд, как ему казалось, интимным шепотом проговорил: — Надеюсь, вы согласитесь посмотреть со мной и работы художников Возрождения?

Калли едва не прыснула, но не стала разяснять этому невежде, что на выставке работ современных художников они не увидят эпоху Возрождения. Калли лишь мило улыбнулась, и они направились дальше. В Северной галерее было не так многолюдно; Оксфорд повернулся к Калли, улыбаясь, и обвел зал широким жестом:

— Ну и что вы об этом думаете?

Калли улыбнулась в ответ и вежливо ответила:

— Выставка в этом году превосходная. Большое спасибо, что пригласили меня, милорд.

Он наклонился к ней.

— Ну же, леди Кальпурния. Уверен, вам есть что сказать. — Указав на большой портрет, он спросил: — Например, об этом?

Калли внимательно посмотрела на портрет, имевший отдаленное сходство с королем, и ответила:

— Думаю, что король Георг был им очень доволен.

Оксфорд рассмеялся:

— Весьма дипломатичный ответ.

Калли улыбнулась в ответ. «Может, барон не так уж плох». Конечно, он щеголь и вкус имеет весьма специфический, но у него, похоже, неплохое чувство юмора и в общем-то довольно приятная внешность. Она с удивлением поймала себя на том, что посещение выставки доставляет ей удовольствие. Барон нагнулся и прошептал ей на ухо:

— Я очень рассчитывал на то, что здесь у нас появится шанс скрыться от вашей сестры и Ривингтона.

Она подняла брови:

— Милорд?

— Я понимаю, — начал он, неверно истолковав ее сдержанность, — трудно поверить, — он игриво провел пальцем по ее плечу и вновь склонился к ней, — но это действительно происходит с вами, леди Кальпурния.

— Барон Оксфорд, — заметила Калли, пытаясь найти способ выйти из неловкого положения, — я думала, что мы ищем картины эпохи Возрождения. Здесь я их не вижу.

— Возможно, нам стоит поискать их в более тихом и уединенном месте? — спросил он тихо.

«Это запах виски или его дыхание?»

Калли уклончиво произнесла:

— Думаю, они находятся в Главной галерее.

Оксфорд помолчал, обдумывая ее слова.

— Понимаю. Вас беспокоит, что мы можем привлечь излишнее внимание.

Калли уцепилась за его слова.

— Именно это меня и беспокоит.

Он с понимающим видом сверкнул улыбкой.

— Конечно. Давайте вернемся в Главную галерею.

Калли была так удивлена, что не смогла сдержать улыбки. Они вернулись обратно в Главную галерею и присоединились к многолюдной толпе посетителей. В этой толчее Калли время от времени оказывалась прижатой к барону и вдруг почувствовала, как тот фамильярно провел рукой по ее спине. Калли отпрянула и, поднеся руку к горлу, сказала:

— Очень хочется пить. Не могли бы вы принести мне лимонада, а я пока поищу сестру.

Оксфорд, прищурившись, бросил на нее взгляд, который, как предположила Калли, должен был выражать заботливое внимание, и сказал:

— Разумеется.

— Ох, спасибо, милорд, — поблагодарила она с неуклюжим кокетством.

Барон поклонился и исчез среди приглашенных, и Калли с облегчением вздохнула. Весь этот день был ошибкой.

— Похоже, барон Оксфорд ест у вас из рук.

Калли тотчас узнала этот голос, сухо прозвучавший у нее над ухом.

Стараясь сохранять спокойствие, она обернулась.

— Лорд Ралстон. Какой сюрприз, — произнесла она тоном, совершенно не соответствовавшим ее словам. Неожиданно Калли почувствовала невероятную усталость. Боже, как же она устала от словесных перепалок с Ралстоном, от желания отделаться от Оксфорда, от чертовой галереи, заполненной самыми известными людьми Лондона! Ей захотелось оказаться дома, причем немедленно.

— Леди Кальпурния, — низко поклонился Ралстон, — я знал, что встречу вас здесь.

Несколько месяцев назад такие слова наверняка окрылили бы ее, но сегодня ей больше всего хотелось немедленно сбежать отсюда, потому что каждый взгляд его голубых глаз напоминал ей о том стыде и той боли, которые она испытала во время их последней встречи. Сердце Калли сжалось при мысли о предстоящем разговоре с маркизом Ралстоном, который относился к ней как к разменной пешке в шахматной партии.

Ей даже трудно было оставаться холодно-вежливой.

— Не сомневаюсь, вы ведь наверняка слышали приглашение барона Оксфорда.

— Да, слышал. — Маркиз наклонил голову, словно признавая, что она заработала очко в их словесной игре. — Поэтому и рассчитывал увидеть вас сегодня. Хотя, признаться, я был немного обескуражен, когда увидел, как вы улыбаетесь Оксфорду, словно он единственный мужчина среди присутствующих.

Она не стала доставлять ему удовольствие, открывая правду.

— Барон был исключительно любезен.

— Любезен. — Ралстон попробовал слово на вкус. — Звучит так, словно речь идет о службе из кабака!

Калли не стала скрывать своего раздражения:

— Вы чего-то хотели, милорд?

— Интригующий вопрос, — произнес он с загадочным видом и добавил: — Но вообще-то я хотел с вами поговорить.

Да уж, присутствие барона Оксфорда было действительно меньшим из двух зол.

— Сейчас не самое подходящее время. Возможно, как-нибудь в другой раз? Ведь я здесь не одна.

Взметнув юбки, Калли развернулась, намереваясь уйти.

— Похоже, ваш спутник покинул вас, оставив без защиты, — с усмешкой заметил Ралстон. — Я бы никогда не оставил вас одну в этой толпе. Это совершенно не по-джентльменски.

Раздражение усилилось. Ну почему он не оставит ее в покое? Калли сощурила глаза.

— Ну конечно, вы ведь всегда производите впечатление настоящего джентльмена. — Легкий акцент на этом слове говорил сам за себя. — Не стоит беспокоиться, милорд. Уверена, что барон скоро вернется.

— В такой толчее? Я бы не стал на это рассчитывать, — возразил Ралстон.

Он просто невыносим. Калли попыталась отойти, но людской водоворот не позволил ей сделать ни шагу. Она раздраженно топнула ногой и снова повернулась к Ралстону.

— Вы сделали это преднамеренно!

— Думаете, что я собрал здесь эту толпу, чтобы поймать вас в ловушку?

— Не сомневаюсь.

— Вы преувеличиваете мои возможности, императрица.

Калли вспыхнула, услышав это интимное прозвище, и прошептала:

— Не называйте меня так.

Он взял ее под локоть и повел в Западную галерею. Она попыталась протестовать, но тут же сообразила, что если начнет сопротивляться, то это только привлечет к ним внимание и вызовет ненужные разговоры.

Когда они оказались внутри боковой галереи, Ралстон не отпустил Калли и повел в дальний конец галереи, к большой ширме, которой была отгорожена часть огромного помещения.

— Куда вы меня ведете? — прошипела Калли, беспомощно оглядываясь на посетителей, беззаботно рассматривавших картины и не обращавших на них никакого внимания.

Он завел ее за ширму и подвел к большой нише, где они оказались наедине. Калли вновь охватило чувство, в котором в равной степени смешались возбуждение и страх. Огромная ширма красного дерева была установлена вдоль выходивших на юг окон. Это было сделано для того, чтобы солнечные блики не мешали рассматривать картины. Эта ширма возвышалась над их головами и создавала уголок, залитый ярким солнечным светом, приглушая гул посетителей выставки.

Идеальное место для тайного любовного свидания. Калли тотчас отбросила эту мысль и собрала гнев и боль, которые мучили ее со дня их последней встречи. Она не могла позволить ему одержать верх. Не здесь.

— Вы сошли с ума? — раздраженно прошептала она.

— Никто не видел, — ответил Ралстон.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

Маркиз протянул руку и коснулся ее лица. Он вздрогнула от этого прикосновения.

— Не прикасайтесь ко мне.

В его глазах мелькнуло какое-то чувство, но исчезло, прежде чем она смогла распознать его.

— Я никогда не сделаю ничего, что повредит вашей репутации, Калли.

Эти слова прозвучали искренне.

— Простите, милорд, но все, что вы делаете, ставит мою репутацию под угрозу, — гневно прошептала она, отчаянно желая по сильнее задеть его, чтобы этот человек почувствовал ту же боль, которую ощущала она со дня их прошлой встречи.

Уголок рта у Ралстона дернулся.

— Что ж, наверное, я заслужил этот упрек.

— Вы заслужили гораздо больше. — Она смело встретила его взгляд. — А теперь прошу меня извинить: барон Оксфорд будет меня искать.

— Вы не можете серьезно воспринимать Оксфорда.

Она оставила его реплику без ответа и, резко развернувшись, собралась выйти в зал, но Ралстон схватил ее за руку. Он удерживал Калли не очень крепко, но она отчего-то не вырвала руку, а, обернувшись, лишь грустно посмотрела ему в глаза.

В этот момент единственное, чего он хотел, — чтобы она осталась с ним. Чтобы она простила его. Он приехал сюда вместе с Джулианой с твердым намерением найти Калли и извиниться за свое отвратительное поведение, готовый сделать все, что угодно, чтобы исправить то очевидное зло, которое причинил этой девушке. Ралстон увидел ее, как только пара вошла в главную галерею: Калли мило улыбалась Оксфорду и, несомненно, прекрасно проводила время. Увиденное вывело его из себя: Калли — такая милая и радостная; Оксфорд — такой пустой и недалекий.

Никогда она так открыто не улыбалась Ралстону. А если бы улыбнулась, то он, конечно же, отреагировал бы совсем не так, как этот болван Оксфорд, который отчего-то оставил спутницу и исчез среди посетителей выставки. Нет. Если бы она так на него посмотрела, он схватил бы ее в объятия и зацеловал до бесчувствия. И черт с ней, с Королевской художественной выставкой.

Черт возьми. Он хотел зацеловать ее до смерти прямо тогда, но ведь это не ему она улыбалась.

Он найдет способ все исправить, но сначала следует вывести из игры Оксфорда. Пари, которое он заключил с этим нелепым барончиком, действительно было настоящей глупостью. Сейчас Ралстон понимал, что именно он своими язвительными замечаниями спровоцировал барона на попытку завоевать Калли. Теперь Оксфорд не откажется от своей затеи, тем более что на кону стояла тысяча фунтов.

— Не слишком увлекайтесь Оксфордом, — предупредил Ралстон.

— А почему бы и нет? — поддразнила его она.

— Он охотник за наследством, и мозгов у него не больше, чем у козла.

— Без сомнения, так оно и есть, — спокойно ответила она, словно он только что заявил, что небо — голубое.

Ралстон нахмурил брови.

— Так зачем же вы пришли сюда с ним?

— Потому что он попросил об этом.

Этот простой ответ расстроил Ралстона. Он нервно пригладил волосы и заметил:

— Калли, ради Бога, разве это может служить достаточным основанием?

От ее грустной улыбки сердце Ралстона сжалось.

— Вы правы. Не должно служить.

Он почувствовал странное напряжение в груди, и в этот момент решение было принято. Оксфорд не получит ее. Гейбриел Сент-Джон, маркиз Ралстон, никогда не допустит этого.

Их взгляды встретились, и они долго смотрели друг на друга, затем Калли попыталась отнять свою руку, но Гейбриел не мог позволить ей уйти. Он крепко сжал ее пальцы, не отпуская. Калли удивленно взглянула на него.

— Позвольте мне куда-нибудь вас пригласить.

— Милорд?

— Куда бы вы хотели пойти? Дайте и мне шанс.

— Это не состязание.

Она произнесла эти слова очень тихо, и он почувствовал в них какой-то не до конца понятный ему смысл. Но в этот момент он не обратил на это внимания и повторил:

— Позвольте мне куда-нибудь вас пригласить. На ваш выбор. В театр. На пикник с Марианной и Ривингтоном. Черт возьми, просто прокатиться в экипаже.

Мгновение она обдумывала его слова.

— Я не хочу, чтобы вы меня сопровождали ни в одно из этих мест.

— Отчего же?

— Я начинаю все с чистого листа. И не буду заурядной.

Не буду серой мышкой.

Узнав свои собственные обидные слова, Ралстон вздрогнул как от удара. Проклятие! Что он может сказать, чем загладить вину? Гейбриел вновь запустил руку в волосы, растрепав несколько густых прядей. Неожиданно этот разговор показался ему одним из самых важных в его жизни.

— Бог мой, Калли, мне очень жаль. Дай мне шанс доказать, что я не законченный негодяй и не

полный идиот.

— Я не считаю вас идиотом.

— Значит, первое вы опровергать не будете, — сказал он с кривой улыбкой. — Все, что хотите.

Калли печально вздохнула, стараясь не смотреть на Ралстона. Наконец она решительно вскинула голову и посмотрела ему в глаза.

— Все?

Он прищурился и через мгновение все понял.

— Вы думаете о своем списке?

— Ну вы же поставили условие, чтобы я воздержалась от выполнения остальных пунктов списка без вашего участия.

— Действительно, такой договор у нас был.

— Я, конечно, могла бы попросить Оксфорда... — намеренно протянула она, заставив Ралстона горько усмехнуться.

— Вы весьма быстро научитесь мной манипулировать, мисс Калли. Прекрасно. Мы реализуем еще один пункт из вашего списка. Так что же на сей раз?

Она ненадолго задумалась, покусывая нижнюю губу. Это действие на короткое мгновение отвлекло внимание Ралстона от разговора, и он подумал, что стоило бы поцеловать ее, чтобы отучить от этой нервной привычки. На некоторое время он погрузился в воспоминания о том, как сладки и нежны ее губы, с какой страстностью она отвечает на его поцелуи. Он почувствовал возбуждение и готов был уже вновь впиться губами в ее губы, когда у нее вырвалось одно-единственное слово:

— Игра.

Он удивленно поднял брови и тряхнул головой, словно не верил собственным ушам. Ведь она же никак не могла сказать сейчас...

— Игра в карты?

Калли живо кивнула:

— Да. Игра в карты. В клубе для джентльменов.

Ралстон рассмеялся.

— Вы шутите?

— Я совершенно серьезна, милорд.

— Вы только что попросили меня тайком провести вас в «Брукс»... Калли.

Она слегка улыбнулась:

— Хорошо, Гейбриел. Я хочу, чтобы вы взяли меня на карточную игру. В клуб.

— Ни одна леди никогда не входила в клуб. Меня исключат, если это откроется. — Ралстон решительно покачал головой и продолжил: — Могу я вместо этого предложить вам партию в блэкджек в Ралстон-Хаусе? Сыграем на деньги. Могу вас заверить, что ощущения будут те же самые.

— Я не думаю, что это будет равноценной заменой, — начала размышлять Калли. — Одним из условий этого пункта является именно пребывание в самом клубе.

— Чего ради? — Ралстон действительно был несколько сбит с толку.

Она помолчала и, решив зайти с другой стороны, спросила:

— Вы когда-нибудь интересовались, чем занимаются дамы за закрытыми дверями во время чаепитий или после ужина? О чем мы говорим, как мы проводим время без вас?

— Нет.

— Конечно, нет. Потому что все это мы делаем открыто. Да, мы можем находиться в комнате одни, без мужчин, но ведь именно вам принадлежат дома, в которых мы собираемся, и вы вольны войти в комнаты, где уединяемся. И поэтому мы занимаемся рукоделием или просто разговариваем, никогда не позволяя себе сказать или сделать лишнее либо выходящее за грани приличий из опасения, что вы можете стать тому свидетелем. У мужчин дело обстоит иначе, — продолжила она, все более распаясь от собственных слов. — У мужчин есть укромные места... таверны, спортивные клубы, закрытые клубы для джентльменов. Там, вдали от придирчивых женских взглядов, вы можете делать все, что угодно, и как вам угодно.

— Совершенно верно. Именно поэтому я и не могу взять вас в «Брукс».

— А почему только мужчинам дана такая свобода? Почему, как вы думаете, у меня вообще возникла идея такого списка? Я хочу испытать подобное чувство свободы. Я хочу увидеть эту святая святых, где мужчины чувствуют себя мужчинами.

Он не ответил, не зная, как вести себя с этой решительной и упрямой незнакомкой.

— Калли, — тихо, но твердо произнес Ралстон, пытаясь внести толику здравомыслия в этот спор, — если эта авантюра потерпит фиаско, скандал погубит вас. Играть в карты — это одно дело, но в «Бруксе»...

— Неужели великолепный маркиз Ралстон боится пойти на подобный риск? Тот самый мужчина, который прямо в Гайд-парке умудрился скомпрометировать прусскую принцессу?

От удивления глаза Ралстона едва не вылезли из орбит.

— Я ничего подобного не делал.

Калли не смогла сдержать улыбки.

— Ага, так мы наконец обнаружили легенду, которая не основана на реальных событиях.

Прищурился глаза, он смотрел на Калли, а она, выпрямившись в полный рост, с поистине царственным видом произнесла:

— Понимаете, я не так уж нуждаюсь в вашей помощи. Я и сама могу проникнуть в «Уайте», воспользовавшись приглашением Бенедикта.

Гейбриел бросил на нее взгляд, полный изумления.

— Вы сошли с ума! Вас непременно разоблачат!

— Пока не разоблачили.

— Я вас разоблачил, причем дважды!

— Как я уже говорила, — усмехнулась она, — вы совсем другое дело.

— Почему же? — Он даже не пытался скрыть свое раздражение.

— Потому что вы мой сообщник. — И тут Калли улыбнулась сияющей улыбкой, похожей на ту, которой раньше одарила Оксфорда.

От этих слов весь гнев Гейбриела испарился, и волна неразумной, но радостной гордости захлестнула его... Он был горд тем, что именно ему она доверяла настолько, что предложила стать спутником в этом приключении. И в этом залитом солнцем закутке, всего в нескольких футах от светской толпы, его вдруг поразила ее красота — эти яркие карие глаза, блестящие на солнце золотисто-каштановые волосы и губы, пухлые и чувственные, взгляда на которые было достаточно, чтобы любого мужчину поставить на колени.

Чудесная девушка.

От сделанного открытия ему стало трудно дышать.

— Мой Бог! Вы прелестны!

Она широко раскрыла глаза, изумленно обдумывая его слова, потом с подозрением прищурилась.

— Не пытайтесь сбить меня с толку своими комплиментами.

— Даже и не думал.

— Потому что я это сделаю. Я буду играть в карты.

Ралстон шагнул к ней.

— Я сам отведу вас.

— Даже если вы меня отведете... — Она помолчала. — Что вы сказали?

— Я сказал, что отведу вас.

— Хорошо.

— Да, я подумал, что это великодушно с моей стороны. — Маркиз поднял руку и заправил ей за ухо случайно выбившуюся прядь.

— Я не прелестна! — выпалила она.

Уголок рта Ралстона едва заметно дрогнул.

— А вот в этом, — тихо произнес он, взглядываясь в ее лицо, словно пытаюсь запомнить эту новую Калли, которую только что открыл для себя, — я с вами согласиться не могу.

И он легко коснулся ее губ. Этот поцелуй не был похож на все их прежние поцелуи — он был нежным и ищущим, словно оба открывали что-то новое. Это была гармония поглаживающего языка и нежных губ. Гейбриел поднял голову и подождал, пока она откроет глаза; она открыла, и он вновь был поражен ее очарованием. Он пытливо взглядывался в ее лицо, наблюдая, как она возвращается из того чувственного омута, куда увлек ее этот поцелуй.

— Вы говорили, что я заурядная.

Маркиз медленно покачал головой, поражаясь чистоте открытых эмоций, плещущихся в ее глазах.

— Я жестоко ошибался.

И он вновь поцеловал ее.

Ее рот был его пиршеством. Он мелкими глотками пил ее губы, смакуя их вкус и мягкость. Она обвила руками его шею и запустила пальцы в волосы, перебирая густые завитки. От этой ласки по его телу пробежала дрожь удовольствия. Как же Ралстон жалел, что все это происходит здесь, в галерее, всего в нескольких футах от множества снующих по Сомерсет-Хаусу лондонцев!

Он должен остановиться. Он делал именно то, чего твердо решил не делать. Разве он не дал себе обещание, что больше не будет ее компрометировать? Он должен дать ей большее. Лучшее.

В голове у него промелькнуло видение: Калли в потоке солнечного света, обнаженная и распростертая перед ним, — но Гейбриел быстро отогнал его. Сейчас не время предаваться фантазиям. Он снял руки Калли со своих плеч, нежно поцеловал оба запястья и заглянул ей в глаза.

— Я должен перед тобой извиниться.

Калли чуть нахмурилась.

— Извиниться?

Он нежно поцеловал ее в лоб, разгладив морщинки, слегка привлек к себе и продолжил:

— Попросить прощения. За все. За Ралстон-Хаус, за фехтовальный клуб... Бог мой, Калли, даже за сегодняшний день. Я вел себя совершенно отвратительно и несчетное количество раз мог скомпрометировать тебя. Поэтому приношу свои самые искренние извинения.

Калли удивленно смотрела на него широко открытыми глазами, вся залитая солнечным светом, от которого ее раздурянившееся лицо приобрело идеально розовый оттенок. Поскольку Калли молчала, он добавил:

— Я хотел бы все это компенсировать. Думаю, поход в «Брукс» станет началом.

На мгновение лицо Калли омрачилось, словно она была разочарована, а затем тень

разочарования исчезла.

Ралстон продолжил:

— Пойдем сегодня же вечером.

— Сегодня?

— Если только ты не планируешь провести этот вечер с Оксфордом, — холодно уточнил он.

— Нет... Я приглашена на бал к Кавендишам — придется извиниться перед ними.

Она постаралась избежать его взгляда.

— Это было бы идеально. Если мы отправимся прямо в разгар бала, то все это мероприятие пройдет гораздо легче.

— Что мне надеть? — тихо спросила она.

В его голове промелькнуло воспоминание о Калли, одетой в мужское платье: плотно облегающие бриджи для фехтования, грудь разбинтована и прижата к его телу, кожа покрыта нежным румянцем. Чувствуя, как ему становятся тесны собственные брюки, Ралстон смущенно переступил с ноги на ногу и сказал:

— Полагаю, тебе придется надеть что-то мужское. Найдется что-нибудь подходящее для клуба? Или пойдешь в фехтовальном костюме?

Она зарделась от столь откровенного поддразнивания и отрицательно покачала головой:

— Нет. У меня есть более подходящий наряд.

Это была ужасная идея. Тем не менее он дал ей слово. Лучше уж именно он станет ее спутником, чем кто-то другой. Лучше уж он, чем Оксфорд. Мысль о том, что она может находиться в мужской одежде рядом с Оксфордом, будила в Гейбриеле желание пристрелить этого проходимца.

Пытаясь избавиться от возникшего образа — Калли рядом с Оксфордом, — Ралстон подошел к краю ширмы и заглянул за нее, быстро окинув взглядом помещение, дабы убедиться, что они смогут выйти из своего укрытия незамеченными, затем проворно вывел ее из-за ширмы в основное помещение. И как ни в чем не бывало они направились в Главную галерею.

— Я встречу тебя у Аллендейл-Хауса в половине двенадцатого, — предупредил он, не глядя на нее и намеренно тихо, чтобы только она могла услышать.

Калли кивнула.

— Самое подходящее время. Достаточно поздно — все уже будут на балу, и довольно рано — гости еще не начнут разъезжаться по домам.

Она удивленно посмотрела на него.

— А ты в этом хорошо разбираешься.

Маркиз наклонил голову, словно принимая комплимент.

— Мне не впервые приходится планировать тайную вылазку.

Калли отвела взгляд в сторону.

— Кто бы сомневался, — тихо пробормотала она и остановилась перед большой картиной с изображением спаниеля короля Чарлза. Глубоко вдохнула и добавила: — У заднего крыльца.

Ралстон едва заметно кивнул.

— Я помирился с Джулианой.

Он не понимал, почему посчитал необходимым сказать ей об этом, но чувствовал, что должен был.

На ее лице мелькнуло удивление, но так быстро исчезло, что он даже подумал — ему это привиделось.

— Я рада это слышать. Она хорошая девушка. И думаю, очень скоро полюбит тебя.

От этих слов Гейбриел почувствовал неловкость, хотя и не мог понять почему.

— Что ты думаешь об этом? — спросил он, указывая на картину.

Калли недоуменно посмотрела на него.

— Думаю, это огромное изображение собаки.

Он сделал вид, будто внимательно рассматривает картину, затем кивнул с серьезным видом:

— Проницательное замечание. — Калли коротко рассмеялась, а Ралстон продолжил: — Я никогда не был силен в изобразительном искусстве. Предпочитаю считать себя знатоком музыки. Впрочем, тебе это известно.

Последние слова Гейбриел произнес ей тихо на ухо. Они были сказаны, чтобы взволновать ее напоминанием о вечере в его спальне... об их первом поцелуе. Эта тактика сработала, и Ралстон с удовольствием заметил, как его спутница затаила дыхание.

— Думаю, мне лучше вернуться к сестре, — ответила Калли слегка дрожащим голосом.

— Я вас провожу.

— Нет! — воскликнула она чуть громче, чем ей хотелось бы. Немного помолчала и продолжила: — Думаю, мне следует пойти одной.

Ралстон собрался было настоять на своем, но передумал.

— Пожалуй, вы правы, — сказал он, низко склоняясь над ее рукой, и тихо добавил: — В таком случае до вечера?

Она встретила его взгляд и едва заметно кивнула:

— До вечера.

И ушла, растворившись в толпе.

Глава 17

В девять часов вечера того же дня Калли ходила взад-вперед по спальне, считая часы до того момента, когда, прокравшись по черной лестнице, начнет свое следующее приключение. С момента расставания с Ралстоном нервы Калли были напряжены до предела.

После эпизода за ширмой посещение выставки превратилось в тягостное мероприятие. Оксфорд постоянно говорил о себе, делал какие-то странные намеки, Марианна и Ривингтон видели только друг друга, и даже потрясающий «Иерусалим» не исправил положения.

Впрочем, дома развлечений было еще меньше, чем на выставке. Сразу по возвращении Калли закрылась в своей спальне и, сославшись на сильную головную боль, с разрешения матушки отказалась от намеченного ранее посещения бала у Кавендишей. Теперь она металась по комнате, потихоньку сходя с ума от не отпускавшего напряжения.

Через некоторое время Калли подбежала к окну, чтобы услышать звяканье подков и скрип колес, свидетельствующие об отъезде Аллендейлов на бал. Когда звуки экипажа затихли вдаль, девушка потянулась к ленте колокольчика и вызвала Анну.

Ей многое предстояло сделать до прибытия Ралстона.

За десять минут до условленной встречи Калли незаметно проскользнула по темному саду к воротам в дальней стене и, отодвинув тяжелый засов, осторожно приоткрыла калитку. Пронзительно скрипнули петли, и девушка пробормотала раздраженно:

— Проклятие! Похоже, в этом доме сто лет не смазывали петли.

Калли настолько была поглощена происходящим, что не услышала, как подошел Ралстон.

Он внимательно осмотрел ее костюм и, хотя в темноте мало что удалось разглядеть, увидел темный фрак, светлый жилет и рубашку с таким же светлым галстуком. Ее волосы были убраны под невысокий сельский цилиндр, а довершал наряд короткий плащ, — в общем, костюм вполне подходил для посещения любого закрытого клуба. Похоже, ее служанка уже наловчилась переодевать свою госпожу в мужской наряд. Театрально крутанув тростью, Калли спросила низким голосом:

— Ну что, милорд? Как я вам?

— Думаю, несмотря на довольно субтильное телосложение, вам удастся обвести всех вокруг пальца, но лишь при условии, что освещение в клубе будет таким же, как здесь. То есть его не будет вовсе. — Губы Ралстона сжались в тонкую полоску, он покачал головой. — Надо быть полным идиотом, чтобы не понять, что вы женщина. Мы обречены на провал.

Натягивая перчатки, Гейбриел направился к своему экипажу, который оставил на подъездной дорожке к Аллендейл-Хаусу. Следуя за ним, Калли заметила:

— Но ведь в фехтовальном клубе вы далеко не сразу поняли, что перед вами женщина.

Ралстон лишь фыркнул в ответ.

— Я давно заметила, что люди видят только то, что ожидают увидеть, милорд, а не то, что есть на самом деле.

Ралстон распахнул дверцу экипажа и помог ей подняться в черное нутро кареты. Калли подвинулась, освобождая место, и услышала, как Ралстон пробормотал, закрывая дверцу:

— Господи, что я делаю!

Усевшись, он стукнул тростью в потолок, приказывая кучеру трогать.

Поездка была недолгой, и когда экипаж прибыл на место, Калли прильнула к маленькому окошку, стараясь рассмотреть улицу. Протянув руку, Ралстон откуда-то сверху достал длинный, похожий на балахон плащ и подал ей:

— Вот, накинь.

— Но я...

— Это не обсуждается, — оборвал он ее резко. — На кону стоит мое членство в клубе.

— Не говоря уж о моей репутации, — пробормотала она себе под нос.

Он бросил на нее твердый взгляд.

— Да. Но сегодня меня больше волнует мой клуб. Надень плащ, подними воротник, опусти голову. Держись рядом со мной. Ни на кого не смотри. И, ради Бога, не говори этим нелепым голосом, который, как тебе кажется, похож на мужской.

— Но я...

— Калли, я обещал, что проведу тебя в «Брукс», но не обещал, что сделаю это по твоим правилам.

Ралстон распахнул дверцу, чинно вышел из экипажа и направился к двери клуба, даже не взглянув на Калли. Короткое мгновение она ждала, что он, как джентльмен, поможет ей спуститься по хлипким ступенькам, но быстро опомнилась и, выскочив из кареты, громко захлопнула за собой дверцу.

Ралстон и несколько запоздалых прохожих обернулись на шум. Калли на секунду замерла от страха, но переборола себя и, стараясь не запутаться в полах накидки, подошла к маркизу, который, сдвинув брови, недовольно смотрел на нее.

«Ты готова?» — спрашивал его взгляд.

Она опустила голову, пряча лицо в просторный воротник плаща, и кивнула так, что проклятый цилиндр тут же сполз на нос. Скрипнув зубами, Ралстон развернулся и потянул на себя массивную бронзовую ручку двери. Широко распахнув тяжелую створку, он ступил внутрь, и Калли мышкой прошмыгнула следом.

Первое, что подумала Калли, едва переступила порог клуба, была мысль о том, что «Брукс» великолепен. Она не знала, что ожидала увидеть, но уж точно не это: широкий мраморный холл, позолота и портреты почетных членов клуба на стенах.

В клубе царило оживление. Джентльмены, завидев Ралстона, приветствовали маркиза короткими поклонами, кивками, а то и простым взмахом руки, равнодушно оглядывая невысокого юношу в длинном плаще. Калли заглядывала в открытые двери комнат, некоторые из них были большими и хорошо освещенными. Там джентльмены играли в бильярд, карты или

просто разговаривали. Были и другие, напоминающие приватные апартаменты, где небольшие группки джентльменов, вальяжно расположившись в удобных креслах, пили портвейн и курили.

По мере того как Ралстон вел ее вглубь по лабиринту коридоров, количество открытых дверей уменьшалось и сами коридоры становились темнее и тише. Когда они проходили мимо одной из комнат, Калли заметила, что дверь ее чуть приоткрыта и сквозь щель сочится теплый золотистый свет свечей. Она отчетливо расслышала женский смех, донесшийся из глубины комнаты, и замерла, не в силах удержаться, чтобы не заглянуть в щелку.

От увиденной сцены дыхание у Калли перехватило. В больших кожаных креслах, расставленных по кругу, сидели трое мужчин в маскарадных масках. Взгляды всех троих были прикованы к высокой, с пышными формами женщине, стоявшей в центре круга; роскошная грива ее волос цвета черного дерева волнами спадала на спину. Женщина была потрясающей: высокие скулы, гладкая кожа, идеально подведенные глаза и сочные губы, изогнутые в порочной, понимающей улыбке. Калли, затаив дыхание, не отрывала взгляда от разыгрывающейся перед ней сценой.

На куртизанке было платье из муслина сапфирового цвета, с таким плотно облегающим лифом, что становилось ясно: эта одежда не предназначена для появления на публике. Низкое декольте почти полностью открывало ее грудь, которая едва не выскользнула наружу, когда женщина наклонилась над одним из сидевших Мужчин.

Калли прикусила губу, когда мужчина в маске поднял руку и погладил грудь женщины, его взгляд жадно шарил по роскошным прелестям куртизанки. Она рассмеялась низким грудным голосом и накрыла его руку своей ладонью, побуждая джентльмена к более решительным действиям. Он с видимым удовольствием подчинился, и в этот момент второй мужчина, очевидно, возбужденный происходящим, протянул руку и начал неторопливо поднимать подол платья, обнажая сначала длинные ноги, а потом и круглые лунообразные ягодички. Калли лишь судорожно вздохнула, даже не пытаясь разобраться в нахлынувших на нее чувствах.

Ее вздох перешел в тихий писк, когда Ралстон, крепко схватив за руку бесцеремонно поволок ее по коридору.

Именно поэтому женщинам запрещается посещать мужские клубы! — тихо прорычал он.

— Похоже, этот приватный кабинет как раз и предназначен для женщин, — язвительно возразила она.

Маркиз молча распахнул одну из дверей и почти втокнул Калли внутрь. Тихо щелкнул замок, и сердечко Калли забило чуть быстрее. Она обернулась и посмотрела в глаза Ралстону, который стоял, прижавшись спиной к двери.

Калли, стянув перчатки и повесив плащ на резную вешалку, повернулась к Гейбриелу и перехватила его пристальный взгляд.

— Вы ведь больше на меня не сердитесь? Мы проникли сюда, и никто ничего не заметил.

Ралстон долго и внимательно осматривал ее наряд, затем покачал головой:

— Просто не могу поверить, что ни один из членов клуба не заметил, что ты похожа на мужчину не больше, чем на жирафа.

Уголок рта Калли смешливо дрогнул.

— Думаю, они бы заметили, если бы я была жирафом. — Она оглядела себя сверху донизу, и неожиданно тон ее стал менее уверенным: — Я понимаю, что у меня... гм... формы, но думала, что скрыла их...

Когда он заговорил, голос его звучал низко и мрачно.

— Калли, мужчина должен быть слепым, чтобы не заметить вашей фигуры в этом наряде. Ни у одного из известных мне мужчин нет таких прелестных...

— Достаточно, милорд, — чопорно прервала его Калли, словно не она стояла в мужском наряде в клубе для джентльменов, рядом с одним из самых известных волокит Лондона. — Уже поздно. Я бы предпочла начать учиться играть в карты прямо сейчас, если вы не возражаете.

Маркиз слегка ухмыльнулся и подвинул ей стул, знаком показав, что она должна сесть за карточный стол. Калли заняла предложенное место, остро ощущая его близость. Усевшись напротив, Ралстон взял лежавшую на столе колоду карт и сказал:

— Думаю, следует начать с чего-нибудь простого — например, с игры в «двадцать одно».

В течение следующих нескольких минут он объяснял правила игры, помогая Калли понять тактику, которая позволила бы ей набрать сумму очков, максимально приближенную к двадцати одному. Они сыграли пару конов, в которых Ралстон позволил ей выиграть, но в третьей и четвертой игре быстро вернул проигранное. В пятой игре Калли, у которой на руках оказалось двадцать очков, безудержно повышала ставки, но когда они выложили карты на стол, у Ралстона оказалось двадцать одно. Расстроенная очередным проигрышем, Калли выпалила:

— Вы сжульничали!

Он посмотрел на нее широко раскрытыми глазами, изображая возмущение.

— Прошу прощения, но если бы вы были мужчиной, я бы вызвал вас на дуэль.

— Это было бы чрезвычайно удачно, если бы вы вызвали меня. Мне как раз очень хочется поучаствовать в дуэли.

На мгновение Гейбриел замер, потом качнул головой, признавая свою капитуляцию.

— Не сомневаюсь, что у вас это получится. Калли, скажите, в вашем списке есть хоть что-то, что не шокировало бы меня?

Она невозмутимо взглянула на свои карты, затем сказала:

— Думаю, нет, милорд.

Что ж, принимая во внимание, что моя роль теперь заключается в том, чтобы помогать вам реализовывать пункты вашего списка, я должен спросить: как вам нравится этот конкретный пункт?

Она сморщила носик, обдумывая вопрос.

Клуб совершенно замечательный. Уверена, что никогда бы не смогла испытать ничего

подобного, если бы не вы, милорд.

— Гейбриел, — поправил он.

— Гейбриел, — повторила она. — Но должна сказать, что относительно карточной игры не все так замечательно. Конечно, это прекрасное времяпрепровождение, но я все же не могу понять, что же настолько захватывающего в этом процессе, что многие в результате оказываются в долговой тюрьме.

Он откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Калли.

— Вы этого не понимаете, поскольку ничем не рискуете.

— Не рискую?

В самом деле, — произнес Ралстон, — притяжение карточного стола усиливается не только возбуждением выигрыша, но и страхом проигрыша.

Калли обдумала его слова, потом задумчиво кивнула.

— Если мы собираемся играть в карты по-настоящему, я хочу, чтобы и вы ощутили риск потери.

Голубые глаза маркиза заблестели.

— Назовите ваши условия.

Возбуждение усиливалось.

— Хорошо. За каждую выигранную мной партию... вы должны ответить на один мой вопрос. Откровенно.

Ралстон сдвинул брови.

— Что за вопросы?

— Почему вы спрашиваете? — поддразнила она. — Неужели боитесь проиграть?

Ралстон подался вперед.

— Хорошо, императрица, но за каждую выигранную мной партию вы должны оказать мне услугу... на мой выбор.

Трепет пробежал по ее телу при этих словах, и следом ее тотчас охватило острое чувство страха.

— Какую услугу?

— Почему вы спрашиваете? — передразнил он. — Неужели боитесь проиграть?

«Да». Она решительно встретила его взгляд.

— Конечно, нет.

— Прекрасно, — произнес он, быстро раздавая карты. — Давайте сделаем игру более

увлекательной.

И неожиданно карточная игра показалась Калли чудесным активным времяпрепровождением. Затаив дыхание, переворачивала она очередную карту, каждый раз с надеждой обыграть Ралстона. И в первый раз ей удалось, хотя, может, он просто позволил ей сделать это.

Но победа была для нее не так важна. Она хотела получить ответ на свой первый вопрос. Откинувшись на спинку стула, Калли несколько мгновений наблюдала, как он своими длинными изящными пальцами собирает карты со стола, аккуратно складывает и лениво тасует. Лихорадочно решая, какой вопрос задать первым, она посмотрела ему в глаза.

— Расскажи мне о куртизанках.

Он коротко рассмеялся и покачал головой:

— Я согласился ответить на вопрос. Это был не вопрос.

Она округлила глаза.

— Ладно. Куртизанки здесь часто бывают?

— Да.

Он ограничился односложным ответом, и она продолжила гнуть свое:

— Они часто развлекают мужчин подобным образом?

— Калли, — невозмутимо ответил он, — к чему ты на самом деле клонишь?

Она сморщила носик.

— Я просто никак не могу понять, как она... то есть... что они собирались... я имею в виду...

Он усмехнулся, ожидая, пока она закончит фразу.

— Ну... ты понимаешь, что я имею в виду.

— Простите, мисс, но не понимаю.

— Их ведь было трое, а она одна!

— В самом деле?

— Ты несносен! Ты обещал мне отвечать на мои вопросы!

— Если бы ты задала вопрос, милая, уверяю: я бы ответил.

— Неужели предполагается, что она... — Калли запнулась, не найдя подходящего слова.

— Должна доставить удовольствие? — услужливо подсказал он.

— Развлечь. Всех троих?

Ралстон вновь начал раздавать карты.

— Да.

— Каким образом?

Он поднял на нее глаза, и в них мелькнул коварный огонек.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил на твой вопрос?

Она широко раскрыла глаза.

— Гм... нет.

Ралстон разразился глубоким рокочущим смехом, какого Калли никогда от него не слышала, и ее потрясло, насколько этот смех преобразил его. Его лицо посветлело, глаза стали ярче, черты лица расслабились. Она не могла не улыбнуться ему в ответ, хотя тут же отругала себя за это.

— Вам доставляет удовольствие меня смущать.

— Так оно и есть, императрица.

— Вам не следует так меня называть.

— Почему бы и нет? Вас назвали в честь императрицы, не так ли?

Калли закрыла глаза и шутливо передернулась.

— Предпочитаю, чтобы мне не напоминали об этом ужасном имени.

— Вам следует его принять, — решительно и прямо сказал он. — Вы одна из немногих женщин, которая могла бы соответствовать этому имени.

— Вы это уже говорили, — заметила Калли.

— Он посмотрел на нее с любопытством.

— В самом деле?

Она встретила его взгляд и тотчас пожалела о том, что вспомнила эпизод десятилетней давности, столь незначительный для него и такой значимый для нее. Она быстро заговорила, пытаясь переменить тему:

— Да. Не помню когда. Так мы играем?

Мгновение он пристально смотрел на нее, потом нехотя кивнул. Она была в таком волнении, что он легко выиграл следующую партию — двадцать к двадцати восьми.

— Вам следовало остановиться на девятнадцати, — между делом посоветовал он.

— Почему? Я все равно бы не выиграла, — недовольно проворчала она.

— Понимаете, леди Кальпурния, — Калли была уверена, что он использует это имя, чтобы позлить ее, — полагаю, вы не умеете или по меньшей мере не любите проигрывать.

— Никому не нравится проигрывать, милорд.

— Гм. Однако, похоже, вы проиграли.

Она вздохнула:

— Не тяните. Чего вы хотите?

Ралстон смотрел на нее, дожидаясь, пока их взгляды встретятся.

— Распустите волосы.

Калли нахмурила брови.

— Зачем?

— Затем, что я выиграл. И вы согласились на условия игры.

Она мгновение обдумывала его слова, затем подняла руки и убрала заколки, стягивавшие волосы. Они упали нежными каштановыми волнами на ее плечи, и Калли сказала:

— Должно быть, я глупо выгляжу в этом мужском наряде и с распущенными волосами.

Он не отводил от нее взгляда, пока она освобождала завитки своих волос из жесткого плена.

— Заверяю вас, что я ни в коем случае не стал бы использовать слово «глупо».

Эти слова, произнесенные глухим голосом, который ей так нравился, заставили ее сердце биться чаще. Калли смущенно откашлялась.

— Продолжим?

Ралстон снова раздал карты. На сей раз выиграла Калли. Пытаясь казаться невозмутимой и сдержанной, она спросила:

— У вас есть любовница?

Он на мгновение замер, вертя колоду в руках, и Калли тотчас пожалела, что задала этот вопрос. На самом деле она вовсе не хотела знать, есть ли у него любовница. Или хотела?

— Нет.

— О...

Она и сама не знала, какой ответ рассчитывала получить, но только не такой.

— Вы мне не верите?

— Я вам верю. Я имею в виду, что сейчас вы не были бы здесь со мной, если бы могли проводить время с кем-то, кто вам нравится... — Она умолкла, поняв, что ее слова могут быть неправильно истолкованы. — Нет, я не думаю, что вы здесь... со мной...

Он наблюдал за девушкой, и по его лицу совершенно невозможно было понять, что он об этом думает.

— И все же я был бы здесь с вами.

— Были бы? — пискнула она.

— Да. Вы другая. Необычная.

— О... Вы так считаете? Спасибо.

— Любовницы могут быть весьма капризными.

— Не думаю, что вам нравятся капризные женщины, — тихо произнесла Калли.

— Не нравятся, — согласился Ралстон, положив колоду карт на стол. — Откуда у вас такой интерес к любовницам и куртизанкам?

«Не к любовницам. К вашим любовницам». Калли пожала плечами:

— Их жизнь кажется очень привлекательной, особенно не настолько... свободным женщинам.

— Я бы не назвал их свободными.

— О! Но они именно такие и есть! Они могут вести себя так, как им нравится, и с теми, кто им нравится! Они совершенно не похожи на женщин из общества. От нас ожидают, что мы будем тихонько сидеть, в то время как мужчины торопятся вырваться из дома и окунуться в самые разнообразные развлечения. Думаю, пора и женщинам получить шанс отдать дань молодости. А женщины полусвета именно так и поступают.

— У вас излишне романтичный взгляд на то, что могут и чего не могут позволить себе подобные женщины. Они зависят от мужчин, с которыми состоят в связи, причем абсолютно во всем — деньги, еда, одежда.

— Чем отличается мое положение? Во всем этом я полагаюсь на Бенедикта.

Ему явно пришлось не по душе такое сравнение.

— Это другое дело. Он твой брат.

Калли покачала головой:

— Ошибаешься. Это одно и то же, с одной лишь разницей: женщины, подобные той, что развлекает сейчас троих джентльменов, сами выбирают мужчин, от которых будут зависеть.

Его тон стал совершенно серьезным.

— Ты не знаешь самого главного о женщине, которую видела в той комнате. Она зависима, причем полностью, уверяю тебя. И советую перестать идеализировать этих дам, иначе это доведет тебя до беды.

Было ли это следствием сегодняшнего приключения или словесной пикировки с Ралстоном, но язык Калли, казалось, совершенно утратил связь с ее чувством самосохранения.

— Почему же? Признаюсь, я весьма заинтригована этой идеей. Я не стала бы наотрез отвергать предложение стать чьей-либо любовницей.

Эти слова заставили его онеметь от шока, и Калли не смогла скрыть победной ухмылки, которая появилась на ее лице, когда она заметила его изумление. Ралстон сдвинул брови, а

Калли спокойно взяла карты, собираясь продолжить игру. Ралстон схватил ее за руку и впери́л в нее взгляд, который не сулил Калли ничего хорошего.

— Ты не можешь говорить это серьезно.

Его тон был совершенно категоричен.

— Я... — Она почувствовала опасность и призналась: — Конечно же, нет.

— Этот пункт тоже в твоём списке?

— Что? Нет! — Ее изумление было настолько неподдельным, что он ей поверил.

— Ты слишком дорого стоишь, чтобы быть любовницей какого-нибудь шалопа́я из высшего света. Это вовсе не эффектная и восхитительная роль. И совсем не романтическая.

Эти женщины живут в позолоченных клетках, а ты должна стоять на пьедестале.

— Спасибо, нет. Я бы предпочла, чтобы со мной обращались без лайковых перчаток и никчемных извинений.

Калли отняла руку. Слишком тяжело было ощущать теплоту его прикосновения. Слишком близко это было к тому, чего она действительно хотела — о чем мечтала всю свою жизнь.

— Извинений? — переспросил Ралстон.

Она на мгновение прикрыла глаза, собираясь с духом.

— Да. Извинений. Подобных тем, какие вы учтиво принесли мне сегодня утром. Если бы на моем месте был кто-то другой... твоя оперная певица... женщина из той комнаты... стал бы ты извиняться?

Гейбриел пришел в замешательство.

— Нет... но ведь и ты не из числа этих женщин. Ты заслуживаешь лучшего.

— Лучшего, — разочарованно повторила она. — В том-то все и дело! Вы, как и все остальные, считаете, что для меня лучше стоять на пьедестале чопорности и пристойности. И возможно, это было бы прекрасно, если бы после десятка лет, проведенных там, я не оказалась списанной в архив. Вероятно, молодые незамужние девушки, такие как ваша и моя сестры, должны стоять на этом пьедестале. Но как быть со мной? — Ее голос дрогнул, и она, опустив глаза, посмотрела на карты, которые держала в руках. — На этой высоте у меня никогда не будет шанса узнать настоящую жизнь. Там, наверху, только пыль и ненужные извинения. Такая же клетка, как и у той женщины, — указала она рукой в направлении комнаты, где находилась куртизанка, — только позолота, может, чуть потолще.

Он внимательно смотрел на нее, ни разу не шелохнувшись за все время ее монолога.

Удивленная молчанием Ралстона, Калли подняла глаза, посмотрела на него и... ничего не увидела: лицо маркиза было совершенно непроницаемым. О чем же он думает?

— Бери карты.

Она взяла, и следующий кон они сыграли в полном молчании, но было ясно, что теперь это уже не безобидное «двадцать одно».

По тому, как расслабилось его лицо, Калли поняла, что сейчас проиграет, и от этой мысли сердце сильно заколотилось у нее в груди.

Ралстон действительно выиграл. Не говоря ни слова, он бросил свои карты в центр стола, встал, подошел к уставленному разнокалиберными бутылками буфету и наполнил два бокала скотчем. Вернувшись к столу, он протянул один ей.

Калли взяла бокал и сделала крошечный глоток янтарной жидкости, мимоходом удивившись, что не поперхнулась и не закашлялась, как это было в таверне. Напиток приятным теплом разлился по ее телу и снял напряжение, с которым Калли ждала требований Гейбриела в качестве платы.

Ралстон тем временем прошел к мягкому креслу, стоявшему у камина, и удобно устроился в нем. Калли наблюдала за ним, гадая, о чем же думает этот красивый мужчина. Может быть, размышляет, как побыстрее отправить ее домой? Она наговорила достаточно, чтобы поставить в неловкое положение не только себя, но и его. Может, теперь ей следует извиниться?

— Иди сюда.

Его голос рассек повисшее в комнате тягостное молчание.

— Зачем?

— Я так хочу.

Час назад она бы рассмеялась в ответ на такой повелительный тон, но в этот момент по какой-то необъяснимой причине, словно загипнотизированная, подчинилась его приказу. Она встала и подошла к нему, робко остановившись в нескольких дюймах. Она стояла, прислушиваясь к пульсирующей в висках крови и дыша так тяжело, что ее дыхание, казалось, заполняло комнату.

Ожидание было мучительным.

А потом он обернулся к ней и, сверкнув своими голубыми глазами, повелительно произнес:

— Сядь.

Это было вовсе не то, чего она ожидала. На негнущихся ногах Калли направилась к другому креслу, но он остановил ее, добавив:

— Нет, императрица. Сюда.

Она повернулась к нему, в ее глазах плескалось замешательство.

Он хочет, чтобы она села к нему на колени? Калли отрицательно покачала головой:

— Я не могу.

— Ты хотела примерить на себя эту роль, милая, — произнес он мягким, уговаривающим тоном.

— Так иди же. Сядь со мной.

Глава 18

Их взгляды столкнулись, как два клинка. Калли затаила дыхание, увидев в глазах Гейбриела едва сдерживаемую страсть. Она почувствовала, как вздымается его грудь, и затем он произнес:

— Освободить тебя, прелесть моя?

Эти слова повергли Калли в шок. Она тут же припомнила их предыдущий разговор и прочитала скрытый в его словах подтекст. Она уже открыла рот, чтобы выразить свое возмущение, но Ралстон, словно не в силах противиться своему желанию, подался вперед, куснул ее влажную губку, потом отстранился и, несколько перефразировав, повторил свой вопрос:

— Освободить тебя из твоей клетки?

Эти слова, наполненные чувственным обещанием, совсем лишили Калли сил. Этот человек предлагал ей то, что она не только не могла включить в свой список, но и в чем не могла признаться даже самой себе. Разве могла Калли сказать «нет»?

Она кивнула.

Именно это нужно было Гейбриелу.

Он медленно начал разворачивать льняное полотно, ласково отстранив ее руку, когда Калли вознамерилась ему помочь.

— Нет, — произнес он тоном, в котором слышалось чувство собственника. — Ты мой подарок, и я сам открою тебя.

И он стал разматывать ткань, высвобождая ее стянутые груди. Наконец они спелыми гроздьями упали в его ладони, и Ралстон припал губами к нежной коже, успокаивая разгоряченную плоть. Потеряв голову, Калли вплетала свои пальцы в его волосы, прижимала Гейбриела к себе и сама прижималась к нему, от переизбытка чувств запрокинув голову так, что ее тяжелые локоны щекотали спину, добавляя дополнительный нюанс к тому сонму ощущений, который вызывали умелые ласки Ралстона.

Он обнимал ее, а его губы делали свое дело, распаяя и без того возбужденное тело. Словно сквозь туман Калли подумала, что никогда не испытывала таких восхитительных ощущений, никогда не чувствовала себя такой женственной и такой живой, и все это благодаря ему. Мысль, мимоходом мелькнувшая в ее голове, улетучилась, когда он обратил свои ласки на вторую грудь. Его руки были повсюду: ласкали ее ягодицы, ноги, груди, вздымали массу ее волос, освобождая шею для горячего влажного поцелуя. Потом пришла очередь нежнейшей мочки розового ушка, белой шеи, слегка выступающих ключиц, и вот уже возбужденные соски Калли с восторгом приняли его ласку. Гейбриел, казалось, утонул в ее груди. Он целовал божественные полушария, подобно младенцу сосал взбугрившиеся кончики сосков, с упоением облизывал сладкие розово-коричневые окружности. Калли, почти обезумев от ласк, терзала ненавистную одежду, желая прямо сейчас прильнуть к его широким плечам и рельефным мышцам груди. Она коснулась пуговиц на его жилете и замерла, не зная, может ли продолжить. Ралстон заглянул ей в глаза:

— Делай то, что тебе хочется, императрица.

С той минуты, когда они впервые ступили на тропу Эроса, он делал все, чтобы она научилась преодолевать возникавшие на этой дороге ограничения. Сейчас Ралстон искренне пытался научить свою императрицу действовать смело и уверенно. Его слова подстегнули Калли, и

пальцы, натренированные на бесконечных пуговицах собственных платьев, ловко распахнули жилет и неуверенно замерли, коснувшись тонкой льняной рубашки. Прикусив губу, она замерла, не решаясь сделать следующий шаг.

— Ну же, императрица, чего ты хочешь сейчас?

Потупив взгляд и отчаянно зардевшись, Калли прошептала:

— Мне хотелось бы, чтобы на тебе было меньше одежды.

— Я, конечно же, не могу отказать даме.

Гейбриел сбросил сюртук, затем жилет. И теперь только тонкая батистовая рубашка не давала их телам коснуться друг друга.

— Это то, чего ты хочешь, милая?

Вопрос прозвучал с таким придыханием, что Калли поняла: на мужчину ласки действуют так же, как и на нее. В ответ она улыбнулась и смело прильнула к нему своим лоном. Гейбриел, судорожно вздохнув, обхватил ее бедра и со стоном прижался к горячему телу. Его глаза подернулись томной поволокой, и в этот момент Калли почувствовала, что может управлять страстью этого мужчины.

Она смело качнула головой, не отрывая от него взгляда.

— Еще меньше одежды.

Он вновь улыбнулся и стянул с себя рубашку, которая незамедлительно отправилась туда же, где уже лежала рубашка Калли.

— И что теперь, императрица?

Калли, судорожно сглотнув, окинула взглядом торс Гейбриела: она впервые видела полуобнаженного мужчину, да еще такого великолепного. Неожиданно у нее пересохло во рту. Она робко взглянула Ралстону в глаза и спросила:

— Могу я к тебе прикоснуться?

Он хмыкнул.

— Сделай одолжение.

Калли погладила его по груди и, не в силах противиться подсознательному желанию, нежно потеревила плоский сосок, с удивлением увидев, как светло-коричневый кружок возбужденно напрягся. Калли повторила ласку, и Ралстон издал низкий горловой звук. Калли обеспокоенно вскинула глаза:

— Я сделала тебе больно?

— О нет. Конечно, нет.

Словно стараясь убедить ее в этом, Гейбриел крепко поцеловал Калли, ворвавшись своим языком в ее рот, так что она застонала от желания получить большее.

— Тебе больно?

Она отрицательно качнула головой и судорожно вздохнула.

— Нет, нет. — Калли снова погладила его. — Но хочется чего-то большого и замечательного.

Гейбриел кивнул:

— Так и должно быть.

Помедлив, она прильнула губами к его груди и тут же почувствовала биение его сердца.

Зашипев, как растревоженный питон, Ралстон запустил пальцы в ее волосы. Словно почувствовав момент, когда Калли перешла некий рубеж, он поднял ее на руки и уложил на широкую кушетку.

Калли томно раскинулась на бархатной обивке, а Гейбриел сел рядом.

— Я хочу видеть тебя обнаженной, моя императрица. — Он произнес эти слова ей на ухо, и от его страстного дыхания все тело Калли затрепетало.

Она не могла отказать ему, не могла противиться словам, услышать которые мечтала много лет. Взяв его руку, она решительно придвинула ее к пуговицам своих брюк. Получив долгожданное разрешение, Гейбриел буквально за минуту снял с нее изящные лакированные ботинки и брюки. Теперь Калли лежала обнаженная, и ее нагота принадлежала только ему.

Ралстон остановился, внимательно глядя на нее, поглаживая ее роскошное тело. Она попыталась прикрыться, но он не позволил и игривым движением отвел ее руки, чтобы полнее насладиться видом обнаженного тела. Она уже не пыталась больше скрывать грудь, но не смогла не прикрыть треугольник темных завитков, отмечающих лоно.

Гейбриел уверенным движением убрал ее руку и, накрыв короткие волоски своей ладонью, пылко поцеловал ее, потом чуть отстранился и прошептал:

— Ты смущена, моя прелестница?

Калли кивнула, а он, наслаждаясь ее румянцем, ласково погладил венерин бугорок, и когда она резко вздохнула от пронзившего ее удовольствия, Ралстон хрипло проговорил:

— Ты так красива, любовь моя.

Калли закрыла глаза: невозможно было выносить это сочетание искусных ласк и нежных слов. Он вновь запечатлел поцелуй на ее губах.

— Я никогда не встречал такой искренней страсти, такой острой реакции. Я хочу, чтобы ты тоже ласкала меня.

Он проник пальцем внутрь, и Калли застонала, исторгая влагу страсти.

И затем он оказался у нее между ног и прильнул губами к тому самому тайному и интимному месту, где она жаждала почувствовать его. Она обхватила руками его голову и, обезумев, вцепилась в волосы, пока он ласкал ее лоно, действуя то языком, то пальцами. Уже через минуту Калли почувствовала, как волна удовольствия поднимается все выше и выше, по мере того как его движения становятся все более быстрыми и более уверенными, и, наконец,

полностью утратила контроль над собой. Ощувив пик удовольствия, Калли вскинула бедра, а когда волна небывалого экстаза сокрушила ее, вскрикнула и вцепилась в Ралстона — единственного, кто удерживал ее в этом мире.

Легкими касаниями он вернул ее к настоящему, успокаивая женскую плоть, затем поднял голову и посмотрел в глаза. Чуть задержав дыхание, он встретил ее взгляд, но тут же расслабился, увидев в нем страсть и женское понимание. Она погладила его по волосам и прошептала:

— Иди сюда.

Ралстон с удовольствием подчинился и лег рядом с Калли. Она погладила его по животу и решительно скользнула рукой вниз, туда, где брючная ткань немилосердно стягивала рвущуюся наружу мужскую плоть. Она дотронулась до напряженного выступа, с упоением отмечая его реакцию — дыхание Ралстона стало прерывистым. С улыбкой, порожденной осознанием своей женской власти, Калли повторила эту ласку, теперь более уверенно, и он схватил ее за руку, замедляя движение.

Встретив ее взгляд, Гейбриел произнес, тяжело дыша:

— Настоящий мужчина может сдерживаться довольно долго, моя императрица, но если ты вновь коснешься меня, я не могу гарантировать, что сдержусь.

Калли высвободила руку и обняла его за шею, привлекая к себе для поцелуя. Затем она вновь опустила руку вниз и, не отводя взгляда от его глаз, дрожащими пальцами растегнула брюки. Запустив руку внутрь, она обхватила пальцами горячую плоть. Его глаза потемнели от возбуждения, а Калли с дрожью в голосе спросила:

— Что, если я дотронусь до тебя вот так?

Калли затаила дыхание, пока Ралстон осмысливал ее слова. Мгновение он был совершенно неподвижен, и Калли начала опасаться, что неправильно рассчитала свои действия.

Но скоро он сбросил оцепенение. Издав глухой, почти звериный рык, он прильнул к ее губам и плотнее прижал ее руку к своему паху. Было что-то такое в этом желании, смешанном с истинной невинностью, в этой страсти, которая светилась в ее глазах, что буквально потрясло его. Глядя в эти бархатистые карие глаза, он понял, что никогда не встречал подобной женщины. Она была полна противоречий — страстная невинность соседствовала с авантюрной чопорностью и стыдливым исследованием. Этого головокружительного сочетания хватило бы, чтобы очаровать самого закоренелого циника, — и маркиз не устоял.

Он хотел ее. Безумно. Ралстон старательно гнал от себя эту мысль. Эта женщина заслуживает лучшего. С ней он будет истинным джентльменом. Гейбриел закрыл глаза, боясь смотреть на ее обнаженное тело, такое открытое для его желания, жаждущее и нисколько не скрывающее своей страсти.

Пересилив себя, он отвел ее руку и запечатлел нежный поцелуй на ее ладони, в то же время продолжая гладить ее тело, чтобы лишнюю минуту насладиться нежной бархатистостью кожи.

— Думаю, мне следует отвезти тебя домой.

— Но я не хочу. Ты сказал, что освободишь меня из клетки. Ты нарушишь свое обещание?

Этот вопрос дурманил и соблазнял, словно голос сирены. К тому же Калли страстно, но в силу отсутствия опыта неловко, прижалась к нему, что заставило сердце Ралстона биться быстрее.

— Прошу тебя, Гейбриел... покажи мне, как это может быть. Позволь мне попробовать это. Всего лишь раз.

Эти слова, такие откровенные, пронзили его, и Ралстон понял, что был обречен с самого начала. Он не мог отказать этой девушке-женщине.

И вот его брюки оказались на полу, а он лег сверху, удобно устроившись между ее ног.

— Чего ты хочешь, прелестница?

Капли, недоуменно прищурившись, вопросительно взглянула на Гейбриела.

— Ты знаешь, чего я хочу.

— Скажи мне, любимая.

— Я... я не знаю, чего хочу. — Калли вновь провела рукой по его спине, слегка подавшись ему навстречу, и он резко выдохнул. — Я чувствую себя такой... — Ралстон поднял голову, наблюдая за ней, в то время как она пыталась подобрать слово. — Опустошенной.

Он вознаградил ее за эти слова, такие искренние и полные страсти, неистово поцеловал. Потом немного отстранился и, опустив руку, коснулся источающих влагу губ.

— Здесь, любимая? — прошептал он, и эти слова скорее походили на ласку, чем на звук. — Ты чувствуешь себя опустошенной здесь? — Его палец скользнул внутрь. — Ты хочешь меня здесь?

Она закусила губу и кивнула.

— Скажи это, императрица. Скажи мне.

— Я хочу тебя.

— Где?

Его палец усилил движение, настойчиво подсказывая ответ.

— Гейбриел... — Его имя прозвучало одновременно и как мольба, и как протест.

Он улыбнулся, уткнувшись ей в шею.

— Где, прелестница?

Он просто убивал ее.

— Внутри меня.

Гейбриел убрал руку, и Калли вскинула бедра, протестуя против этого отступления. Он запечатлел линию нежных бархатных поцелуев на ее ключице и, приподнявшись, устроился между ее бедер. Он смотрел ей прямо в глаза, в расширившиеся от страха и предвкушения зрачки.

Когда он вошел в нее, Калли приглушенно охнула. Он остановился — сделав то, чего никогда не делал, — и спросил:

— Тебе больно?

Она зажмурилась и, покачав головой, прошептала:

— Нет. Да. Я чувствую... Я хочу... — Она посмотрела ему в глаза. — Я хочу больше. Я хочу все. Я хочу тебя. Пожалуйста.

Острейшее чувство, открыто выраженное этими словами, подвело его к самому краю напряжения, но Гейбриел не позволил себе испортить это ее первое вкушение телесной страсти.

— Калли... — прошептал он, — сейчас тебе будет немного больно. Я не могу этого изменить.

— Я знаю, — задыхаясь, произнесла она. — Это не важно.

Он поцеловал ее: его язык двигался медленно и ищуще, неторопливо поглаживая нежную кожу, словно в их распоряжении было все время мира.

— Это важно для меня, — прошептал он, — но я возьму тебе эту боль.

Покачиваясь, Ралстон прижался к ней, потом неторопливо вошел, осторожно продвигаясь вглубь, давая ей возможность привыкнуть к новому ощущению.

А когда Калли рванулась ему навстречу, он приподнял бедра и сильным толчком вошел на всю глубину. От резкой, но несильной боли она коротко вскрикнула, и Ралстон прошептал, покрывая поцелуями ее лицо:

— Прости меня.

Калли открыла глаза и встретила его взгляд со слабой улыбкой.

— Нет... это не... не так больно. — Она наклонила голову, словно прислушиваясь к собственным ощущениям. — Так это оно и есть?

Гейбриел негромко издал нервный напряженный смешок.

— Это даже и близко не похоже на то самое.

— О. — Она слегка двинула бедрами, и пришел его черед охнуть.

— О... это вполне... — Она снова подвинулась, и он остановил ее бедра своими сильными руками, зная, что не сможет сдержаться, если она продолжит свои движения.

— В самом деле, — прошептал он, обхватывая губами сосок. — Вполне.

После нескольких долгих минут, наполненных разнообразными ласками, Калли начала двигаться под ним, приноравливаясь к ритму его энергичных толчков. Стиснув зубы от удовольствия, которое разливалось по всему ее телу, Калли начала негромко постанывать, и от этих стонов, которые скорее напоминали мяуканье котенка, Ралстон пришел в настоящее неистовство. Никогда в жизни ему так сильно не хотелось достичь высвобождения; никогда так сильно не хотелось ему продлить это мгновение, доставить своей партнерше то удовольствие,

которого она заслуживала.

— Гейбриел, — вскричала она, — мне нужно...

— Я знаю, — прошептал он ей на ухо, — знаю, что тебе нужно. Посмотри на меня, императрица. Я хочу видеть, как ты дойдешь до конца. Я хочу видеть, как ты вместе со мной переступишь рубеж.

— Я не могу... я не знаю... как.

Калли металась, тяжело дыша и неистово запрокидывая голову.

— Мы откроем это вместе.

И они это сделали. Свернувшееся внутри ее тугим кольцом напряжение высвободилось, и она судорожно выгнулась, ее мускулы сжимались вокруг его естества идеальными оковами и, как единое целое, двигались в сладком непереносимом ритме. Она выкрикнула его имя и ногтями впиалась в его плечи. Ралстон, замерев и стараясь даже не дышать, наблюдал, как слабеет Калли, достигнув своего пика.

И только тогда, когда она полностью получила свое удовольствие, он взял свое, последовав за ней с силой, которой никогда не испытывал прежде. После этого Ралстон, тяжело дыша, упал на нее, и теперь ее грудь вздымалась и опускалась в унисон с его грудью.

Они лежали так несколько минут, и вот их дыхание выровнялось, и Ралстон, приподнявшись на локтях, посмотрел на лежавшую под ним Калли. И когда он смотрел на ее порозовевшую, с крохотными бисеринками пота кожу, видел ее удовлетворенную улыбку и слегка прикрытые отяжелевшими веками глаза, Ралстон вдруг неожиданно понял, что никогда не испытывал ничего подобного... никогда не встречал такую женщину. Такую открытую и свободную... Не знал никого, кто способен с таким желанием отдавать и воспринимать страсть. Ралстон обвел взглядом ее тело, обнаженное и прекрасное, купавшееся в золотом мерцающем свете камина, и желание вновь проснулось в его чреслах. Ему хотелось вновь овладеть ею. Немедля. Конечно, ей, должно быть, немного больно...

От этой мысли он вздрогнул как от ушата холодной воды.

«Боже мой! Она была девственницей, а я обошелся с ней как с обычной...»

Он покачал головой при мысли об этом, не желая заканчивать фразу. Сейчас Ралстон был противен самому себе. Калли доверилась ему, а он этим воспользовался. И где, черт побери! В мужском клубе! Боже, что же он натворил?

Когда до него дошел весь непоправимый кошмар произошедшего, Ралстон непроизвольно скрипнул зубами.

Калли услышала.

— Что-то не так?

Эти слова вернули его к реальности, и оказалось, что он не смеет посмотреть в глаза Калли. Так и не подняв глаз, Ралстон поцеловал ее в плечо и сел, отметив про себя, как не хочется ему отрываться от теплого и исполненного желания тела.

Он начал одеваться. Калли некоторое время вопросительно смотрела на него, потом потянулась к своей одежде. Он старался не смотреть на нее, но когда Калли отвернулась, чтобы надеть брюки, Ралстон понял, что это выше его сил. Он сгорал от желания снова прикоснуться к ней, опять заключить в свои объятия и вновь почувствовать, как ее нежная плоть раскрывается под напором его твердости.

Тряхнув головой, чтобы отделаться от фривольных мыслей, он начал завязывать галстук, краем глаза заметив, что Калли натянула рубашку, не перевязав грудь.

Она повернулась, чтобы взять свой жилет, и на мгновение встретилась с ним взглядом. Ралстон заметил печаль в ее глазах. Она уже сожалела о том, что произошло.

Наклонившись, он поднял холщовые полоски и разгладил в своих пальцах.

— Это тебе нужно?

— Нет, — мягко ответила она. — Твой плащ достаточно просторный, он все скроет...

Гейбриел свернул холст и, аккуратно засунув под жилет, нагнулся, чтобы поднять валявшийся на полу смокинг. И в этот момент он заметил лежавший под ним небольшой листок бумаги — тот самый, который заставил их ринуться в это безумное предприятие.

Ралстон открыл было рот, собираясь окликнуть Калли и отдать ей листок, но остановился, когда понял, что она намеренно избегает его взгляда. Она стояла, напряженно выпрямив спину, и, словно готовясь к сражению, быстрыми, немного нервными движениями закалывала волосы. Так и не решившись окликнуть ее, Ралстон сунул листок в карман жилета.

Калли обернулась лишь спустя несколько минут, и он был поражен той болью, которую увидел в ее глазах, блестевших от непролитых слез. От этой невысказанной и невыплаканной женской печали Ралстон почувствовал себя настоящим негодяем. Он судорожно сглотнул, пытаясь найти нужные слова, так как видел, что она ждет их. Эти слова, которые смогут если не исправить, то хоть как-то сгладить произошедшее... слова, которые остановят готовые пролиться слезы.

Он хотел найти самые правильные слова. Пусть нельзя ничего вернуть и исправить, но в этой ситуации он обязан был оставаться истинным джентльменом. И поэтому сказал то, что, по его разумению, обязан был сказать джентльмен, и то, что в подобной ситуации, как ему казалось, хотела бы услышать женщина. То, что должно было остановить слезы Калли.

— Пожалуйста, прости меня. Мы, конечно же, поженимся!

Повисла долгая томительная пауза. Калли с искренним недоумением смотрела на Ралстона, словно тот прямо на ее глазах внезапно лишился рассудка. Он ждал радостного вскрика, пылких объятий, даже, возможно, слез радости — словом, хоть какой-нибудь реакции на свое столь благородное предложение.

Но когда Калли, натягивая перчатки, заговорила, Ралстон услышал совсем не то, чего ожидал.

— Спасибо за исключительно поучительный вечер, милорд. Вас не затруднит отвезти меня домой?

Что ж, по крайней мере она не расплакалась.

Глава 19

— Что он о себе возомнил, этот надменный... надутый и чванливый фанфарон! — бормотала Калли себе под нос, яростно вытаскивая великолепные книги библиотеки Аллендейл-Хауса из книжных шкафов и безжалостно швыряя их себе под ноги. — «Мы, конечно же, поженимся!» Да я не выйду за него... даже если он... останется единственным мужчиной... во всем Лондоне!

Она сдула с глаз выбившуюся прядь и отерла запылившиеся руки о подол серого шерстяного платья, затем обвела взглядом библиотеку, в которой бушевала вот уже целый час. В библиотеке царил полный хаос. Книги были повсюду — на столах и креслах, некоторые сложены в стопки, но большая часть беспорядочными горами валялась по всей комнате.

С того момента как несколько часов назад Ралстон, в экипаже которого в течение всей поездки царил ледяное молчание, подвез ее к Аллендейл-Хаусу и Калли тайком добралась до своей постели, ее раздирали два противоположных желания: залезть под одеяло и никогда больше оттуда не вылезать и немедленно отправиться напрямик в Ралстон-Хаус, разбудить хозяина и высказать ему все, что она думает о его благородном предложении.

Несколько мучительных часов она вновь и вновь прокручивала в голове события этой ночи, и слезы быстро высыхали от гнева, когда она вспоминала, как Ралстон все испортил.

Вместо того чтобы сказать какие-нибудь замечательные слова, уместные в подобной ситуации — например: «Ты самая бесподобная женщина, какую я когда-либо встречал», или «Как я смогу теперь жить, после того как обрел рай в твоих объятиях», или «Я люблю тебя, Калли, такой любовью, о которой не мог даже и мечтать», или даже «Может, нам стоит повторить?» — он взял и все испортил своими пошлыми извинениями.

Хуже того, он упомянул о женитьбе.

Нет, конечно, он мог упомянуть и о женитьбе. И она бы рада была это услышать, где-нибудь между «Ты самая бесподобная женщина, какую я когда-либо встречал» и «Как теперь я смогу жить, после того как обрел рай в твоих объятиях». Было бы чудесно, если бы, глядя ей прямо в глаза с выражением абсолютной преданности, он сказал: «Сделай меня самым счастливым, самым удачливым мужчиной в мире, Калли. Выходи за меня замуж».

Конечно, если бы он это сказал, она бы с восторгом бросилась в его объятия и позволила всю дорогу домой целовать себя до бесчувствия. А сейчас лежала бы в постели, мечтая о долгой и счастливой совместной жизни маркиза и маркизы Ралстон.

А вместо этого сегодня утром, которое могло бы стать утром после самого замечательного вечера всей ее жизни — не считая тех, что еще должны были наступить, — она занимается наведением порядка в библиотеке.

Уперев руки в бедра, Калли резко качнула головой, окинув взглядом открывшуюся ей картину. Сначала ей придется вытереть пыль.

Она подошла к двери и рывком открыла ее, собираясь приказать лакею принести ей щетку для обметания пыли, и обнаружила за дверью Марианну и Анну, которые о чем-то тихо перешептывались. Звук открывшейся двери заставил их резко поднять головы, и Калли заметила, как у горничной при виде хозяйки округлились глаза.

Калли как ни в чем не бывало обратилась к ней:

— Мне нужна щетка. — Анна выглядела совершенно потрясенной, словно никак не могла взять в толк, чего от нее хотят, и Калли терпеливо пояснила: — Чтобы стереть пыль. С книг. В библиотеке.

— О Боже, — выдохнула Марианна, — похоже, дело обстоит хуже, чем мы думали.

Калли резко подняла голову и посмотрела на Марианну.

— К чему ты клонишь?

— Что произошло прошлой ночью?

Калли вновь повернулась к шкафам, содержимое которых пыталась упорядочить.

— Ничего не произошло.

— Тогда с чего вдруг ты взялась наводить порядок в библиотеке? — спросила Марианна.

Калли слегка пожала плечами:

— Почему бы и нет? Сегодня у меня нет никаких других дел.

— Ничего более интересного, чем наведение порядка в библиотеке?

Интересно, насколько трудно будет задушить собственную сестру?

— Этим вы занимаетесь только тогда, когда хотите отвлечься, моя госпожа.

И горничную в придачу.

Марианна встала и подошла к Калли, которая продолжала расставлять книги.

— Но ведь ты обещала все мне рассказать.

Калли вновь пожала плечами:

— Рассказывать нечего.

Их диалог был прерван стуком в дверь. Внимание всех переключилось на дворецкого, который, сделав вид, что не заметил царившего в библиотеке беспорядка, поклонившись, вошел в комнату, тщательно прикрыв за собой дверь, словно пытаясь оградить их от какой-то опасности.

— Миледи, прибыл лорд Ралстон. Он просит вас принять его.

Марианна и Анна удивленно переглянулись, затем Марианна повернулась к Калли и бросила на нее многозначительный взгляд.

— Просит принять.

Калли посмотрела на сестру, сделав круглые глаза, и обратилась к двореckому:

— Спасибо, Дэвис. Можете передать маркизу, что меня нет. Скажите, что сможет застать меня позже.

— Да, миледи.

Дворецкий коротко поклонился и вышел.

Калли закрыла глаза и, пытаясь успокоиться, сделала глубокий вздох. Когда она вновь открыла глаза, то сразу заметила, что Марианна и горничная пристально разглядывают ее.

— Так, значит, рассказывать нечего?

— Нечего.

— Ты никудышная лгунья, — заявила Марианна. — Остается только надеяться, что у Дэвиса это получится лучше.

В этот момент дверь отворилась, и на пороге опять показался пожилой дворецкий.

— Миледи.

Дворецкий поклонился.

— Сэр Ралстон ушел? — спросила Калли.

— Нет, миледи. Маркиз сказал, что будет дожидаться вашего возвращения.

Мари покосилась на кипу книг, потом, как бы между прочим, спросила:

— Как ты думаешь, после этого лорд Ралстон уйдет?

— Я бы не стал делать ставку на это.

Сердце Калли подпрыгнуло, когда она услышала эти слова, произнесенные сухим и даже холодным тоном.

В возникшей тишине Марианна обернулась к Калли и, не обращая внимания на умоляющие взгляды сестры, мило, как и подобает Ангелу Аллендейл, прошептала:

— Калли, похоже, к тебе гость.

Калли прищурилась: нет на свете ничего хуже, чем иметь сестру.

Марианна присела в коротком книксене и вышла из комнаты, а предательница Анна торопливо потрусилась за ней. Калли же, напротив, осталась на своем месте, надеясь, что ей удастся отсидеться здесь и избежать разговора с Ралстоном. Джентльмен не будет настаивать на разговоре, если она не покинет своего убежища между книжными шкафами. Ведь накануне он лез из кожи вон, чтобы доказать свое благородство.

Воцарилось молчание; Калли продолжала устанавливать книги, намеренно пытаясь заставить себя игнорировать присутствие Ралстона.

Не отрывая взгляда от полки, где она выравнивала корешки книг, выстраивая их в идеально ровный ряд, она неприветливо бросила:

— Я не принимаю.

— Интересно, — протянул он. — Но, похоже, вы меня уже приняли.

— Вы что-то хотели, лорд Ралстон? — холодно поинтересовалась она.

Калли повернулась и посмотрела ему в лицо.

Это было ошибкой. Гейбриел был абсолютно спокоен, такой, как и всегда, — волосы тщательно приглажены, золотистая кожа, безупречный галстук и настолько изящно выгнутая бровь, что Калли тут же остро осознала, что на ней серое, невзрачное платье, к тому же отчаянно пропылившееся, и вообще сейчас весь ее вид говорит о том, что ей нужно срочно принять ванну и вздремнуть.

Просто невыносимый человек. В самом деле.

— Я хотел бы продолжить разговор, который мы начали вчера вечером.

Калли, ничего не ответив, поставила на полку еще несколько книг.

Он говорил медленно, словно тщательно обдумывал каждое слово. Калли продолжала расставлять книги: больше всего ей хотелось, чтобы он просто оставил ее в покое и ушел.

Ралстон шагнул ближе, заставляя ее отступить в слабо освещенное пространство.

— Калли, я не знаю, как загладить свою вину.

Он произнес эти слова тихо и искренне.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, — прошептала она. — В этом нет необходимости.

— Конечно, необходимость есть. Мое поведение достойно всяческого осуждения. — Маркиз печально вздохнул. — Но гораздо важнее то, что я незамедлительно исправлю ситуацию.

Значение его слов было абсолютно ясно. Калли вновь покачала головой и тихо сказала:

— Нет.

— Прошу прощения?

Его удивление было очевидным.

Калли решительно откашлялась, чтобы на этот раз голос звучал более твердо.

— Нет. Нет никакой ситуации и, следовательно, нет необходимости что-то исправлять.

Ралстон коротко рассмеялся, демонстрируя полное недоверие.

— Вы не можете говорить это серьезно.

Он запустил руку в волосы, на его лице промелькнуло раздражение.

— Калли, я соблазнил тебя. И теперь хочу это исправить. Мы поженимся.

Она сглотнула, по-прежнему избегая смотреть на него.

— Нет, милорд. Мы не поженимся.

Вероятно, это были самые трудные слова, которые ей когда-либо доводилось произносить.

— Хотя я, конечно, весьма польщена вашим предложением, — вежливо добавила она.

Он, казалось, пребывал в полном замешательстве.

— Отчего же нет?

— Во-первых, вы меня об этом не просили. Вы заявили об этом.

Он посмотрел в потолок, словно моля Господа даровать ему терпение.

— Прекрасно. Вы выйдете за меня?

От этих слов по телу Калли пробежала печальная дрожь. Услышать предложение от маркиза Ралстона, не важно, вынужденное или добровольное, было одним из самых важных и чудесных моментов в ее жизни. О таком она даже не мечтала.

— Нет. Но спасибо за предложение.

— Какая чушь... — Ралстон тотчас одернул себя. — Вы хотите, чтобы я опустился перед вами на колени?

— Нет!

Калли подумала, что не сможет вынести, если он встанет перед ней на колени и будет просить выйти за него замуж. Это будет самая жестокая шутка, какую только может сыграть жизнь.

— В чем же проблема, черт возьми?

«В том, что на самом деле я тебе не нужна».

— Вы наверняка не делали предложение соблазненным женщинам. Так зачем же начинать с меня?

Ралстон широко раскрыл глаза, шокированный ее смелыми словами. Вскоре изумление сменилось раздражением.

— Давайте решим это раз и навсегда. Вы, очевидно, считаете меня гораздо большим распутником, чем я был на самом деле. Вы можете думать все, что угодно, но я действительно делал предложение всем незамужним девственницам, которых лишил невинности. А таковых была всего одна.

Калли зарделась от его откровенных слов и отвернулась, покусывая нижнюю губу Гейбриел явно расстроен всем произошедшим, и ей было его очень жаль. Но ведь он действительно не мог быть расстроен сильнее, чем она. Она провела изумительную ночь в объятиях единственного мужчины, которого желала, и он сразу же сделал ей предложение — все это великолепно, но только без намека на любовь.

И теперь она должна рассыпаться в благодарностях к великодушному маркизу Ралстону. Нет уж, спасибо. Она проживет остаток своих дней, храня память об этой прекрасной ночи, и уже этим будет счастлива. Во всяком случае, она очень надеялась на это.

— Ваши благородные намерения оценены должным образом, милорд...

— Бога ради, Калли, прекрати обращаться ко мне «милорд». — Раздражение, сквозившее в его тоне, заставило ее замолчать. — Разве ты не понимаешь, что могла забеременеть?

При этих словах Калли непроизвольно коснулась рукой талии и тотчас подавила сильное желание, пронзившее ее при мысли о вынашивании ребенка Ралстона. Мысль об этом даже не приходила ей в голову, да и как вообще такое возможно?

— Очень сомневаюсь, что дело обстоит подобным образом.

— Тем не менее такая вероятность есть. А я не допущу, чтобы мой ребенок оказался незаконнорожденным.

Калли сверкнула глазами.

— И я не допущу. Но подобный разговор мне кажется преждевременным, вы так не считаете? Ведь риск, что это могло произойти, очень невелик.

— Любой риск — это уже риск. Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж. Я дам вам все, чего вы только могли бы пожелать.

«Ты никогда не будешь любить меня. Ты никогда этого не сможешь. Я слишком обыкновенна. Это совсем не то, чего ты заслуживаешь».

Ралстон расстроено вздохнул.

— Если ты не хочешь прислушаться к доводам рассудка, мне придется поговорить с Бенедиктом: ты просто не оставляешь мне выбора.

Калли охнула.

— Ты этого не сделаешь.

— Очевидно, ты принимаешь меня за другого человека. Я женюсь на тебе и пойду даже на то, чтобы брат заставил тебя пойти к алтарю.

— Бенедикт никогда не будет принуждать меня выйти за тебя замуж, — возразила Калли.

— Похоже, нам придется проверить верность этого заявления.

Довольно долго они стояли, глядя друг другу в глаза, затем его тон смягчился и он произнес:

— Неужели ты считаешь, что все будет настолько плохо?

Эмоции буквально взорвались в душе Калли, и она не смогла ответить сразу.

Конечно, ничего ужасного не будет, если она выйдет замуж за Ралстона. Она многие годы тосковала по нему, наблюдая за ним из уголков бального зала, читая и перечитывая колонки светской хроники, отыскивая любые сведения о нем, вплоть до сообщений о его эскападах. В течение десяти лет, пока светские хроникеры гадали, кто же станет маркизой Ралстон, Калли тайком представляла себе, как она, став ею, устраивает приемы вместе со своим любимым супругом.

Но все эти годы она мечтала о браке по любви: представляла, как однажды он все-таки заметит ее в переполненном бальном зале, или обратит на нее внимание, когда она будет выходить из

магазина на Бонд-стрит, или увидит ее на каком-нибудь званом обеде и безумно влюбится. И мечтала о том, как потом они будут жить с ним долго и счастливо.

Браки, которые зиждутся на жалости или заключены по ошибке, не приводят к счастливой совместной жизни.

Калли понимала, что в ее возрасте и положении иметь семью означало согласиться на брак без любви, но мысль о подобном браке с Ралстоном была для нее невыносима.

Она слишком долго хотела его, чтобы согласиться на меньшее, чем любовь. Взяв себя в руки, Калли сказала:

— Конечно, это не было бы ужасно. Я уверена, что из вас выйдет отличный муж. Просто я не ищу мужа.

— Прости, но я тебе не верю, — усмехнулся он. — Каждая незамужняя девушка в Лондоне ищет себе мужа. — Он помолчал, обдумывая ситуацию. — Дело во мне?

— Нет. — «На самом деле ты для меня совершенство». Он не отстанет от нее, пока она не назовет причины. Калли слегка пожала плечами. — Я просто не верю, что мы подойдем друг другу.

Он озадаченно уставился на нее.

— Да отчего же, черт возьми?

— Я не та женщина, каких вы предпочитаете.

Ралстон помолчал, удивленный ее формулировкой, и поднял глаза к потолку, словно моля о терпении.

— И каких же женщин я предпочитаю?

Калли обреченно вздохнула. Все-таки он от нее не отстанет.

— Вы правда хотите, чтобы я это сказала?

— Конечно, хочу, Калли. Потому что действительно не понимаю.

В этот момент она его ненавидела. Ненавидела почти так же сильно, как и любила. Она горестно всплеснула руками.

— Красивая, опытная, элегантная — в общем, светская львица. Я не обладаю ни одним из этих качеств. Я полная противоположность вам и тем женщинам, которыми вы себя окружали. Я скорее предпочту посидеть с книгой, чем отправиться на бал, и я терпеть не могу светское общество. И у меня настолько нет никакого опыта в любовных отношениях, что мне пришлось заявиться ночью к вам в дом, чтобы получить свой первый поцелуй. Меньше всего я хочу выйти замуж за человека, который пожалеет об этом шаге сразу после того, как мы произнесем наши клятвы.

Эти слова она произнесла быстро и яростно, так как рассердилась на него за это принуждение к откровенности, а закончила свою гневную речь, пробормотав:

— Спасибо, что вынудили меня все это сказать.

Ралстон смотрел на нее растерянно, пытаясь осмыслить услышанное. А потом просто сказал:

— Я об этом не пожалею.

Эти слова стали последней каплей. С нее хватит. Достаточно его доброты и его страсти. Достаточно того, как он действует на ее разум, на ее сердце и тело.

— В самом деле? Точно так же, как не пожалели о том, что происходило в вашем кабинете? Точно так же, как не сожалеете о событиях прошлой ночи? — Калли грустно покачала головой.
— Вы так торопились со своими извинениями после каждого из этих событий, Ралстон. Совершенно очевидно, что женитьба на мне — это самый последний поступок, который вы совершили бы по доброй воле.

— Это неправда.

Она подняла на него исполненные печали глаза.

— Конечно, это правда. И честно говоря, я не хочу обрекать вас на жизнь с простой серой мышкой.

Она сделала вид, что не заметила, как вздрогнул Ралстон, услышав из ее уст некогда произнесенные им слова.

— Я бы не смогла этого вынести. Так что спасибо вам, но замуж за вас я не выйду.

«Я слишком долго тебя любила. И слишком сильно».

— Калли, мне не следовало говорить...

Калли подняла обе руки, делая ему знак замолчать.

— Прекрати. Пожалуйста.

Он очень долго смотрел на нее, и Калли почувствовала, насколько он огорчен ее словами.

— Дело не закончено, — наконец произнес он твердым и решительным тоном.

Калли спокойно встретила непреклонный взгляд его голубых глаз и сказала, вздохнув:

— Все кончено.

Ралстон резко развернулся и, широко шагая, вышел из библиотеки. Она не смотрела ему вслед, но, закрыв глаза, прислушивалась к удаляющимся шагам. И только когда глухо стукнула парадная дверь Аллендейл-Хауса, Калли дала волю слезам.

Глава 20

Ралстон отправился напрямик в «Брукс», и это было ошибкой. Словно недостаточно того, что она ответила отказом на его предложение, выставив круглым дураком, так она еще и отравила ему пребывание в клубе. Весьма основательно.

За двенадцать часов это место, предназначенное исключительно для мужчин и должное предоставлять им комфорт и уединение вдали от шума и бурь внешнего мира, стало

воплощенным в красном дереве и мраморе напоминанием о Кальпурнии Хартуэлл. Когда Ралстон стоял в великолепном холле, где слышался приглушенный гул мужских голосов, единственное, о чем он мог думать, так это о ней.

Окинув взглядом длинный затененный коридор, по которому они прошлой ночью шли с Калли, Ралстон внезапно испытал сильное желание вновь вернуться в ту комнату, где они провели прошлый вечер.

Откровенно говоря, он был шокирован ее отказом. Ведь не каждый день привлекательный, молодой, богатый маркиз делает такое предложение. Но еще реже, как справедливо можно предположить, на такие предложения отвечают отказом.

А ведь он так долго избегал мамаш, желавших пристроить своих дочерей, и отчаянных девиц, соперничавших между собой за титул маркизы Ралстон! И теперь, когда он наконец добровольно сдался, женщина, которой он все же предложил этот титул, отвергла его. Однако если она думает, что может так просто отказать ему и уйти после всего, что случилось прошлой ночью, серьезно заблуждается.

Расстроенный, Гейбриел снял пальто и бросил его лакею, почувствовав при этом легкий аромат, шедший от ткани, — сочетание миндаля, лаванды и... Калли. Это ощущение заставило его нахмуриться, и Ралстон даже испытал некоторое удовольствие от того, насколько поспешно ретировался лакей, не желая на своей шкуре прочувствовать последствия плохого настроения маркиза.

Ощущение было мимолетным и сменилось новой вспышкой негодования. Какая муха ее укусила, черт возьми? Калли была девственницей, но даже она могла почувствовать, что то, что произошло между ними прошлой ночью — как и все остальные эпизоды, — было далеко не совсем обычным. Несомненно, в спальне их брак окажется на высоте. А если одной только страсти недостаточно, то ведь и в остальном они вполне подходят друг другу — по воспитанию и уму, по чувству юмора и зрелости. К тому же она просто прелестна. Идеальные мягкие формы. Ралстон позволил себе задержаться на этой мысли... Такими плавными роскошными изгибами невозможно пресытиться.

Да, леди Кальпурния Хартуэлл станет прекрасной маркизой.

Если только сама осознает это.

Ралстон машинально провел рукой по волосам. Он один из самых завидных женихов во всей Англии. Когда они поженятся, у нее будет титул, богатство, земли. Чего еще, черт побери, ей не хватает?

Брака по любви.

Эта мысль заставила его задуматься. Калли давным-давно призналась в том, что верит в брак по любви, а он посмеялся над ней и попытался доказать, что влечение обладает не менее могущественной силой, чем любовь, в которую она так верит. Но ведь не могла же она отказать ему только для того, чтобы отстоять свои принципы, свою веру в любовь. Ралстон покачал головой: его расстраивала сама мысль о том, что Калли готова рискнуть своей репутацией и своим будущим, отказываясь от его предложения из-за каких-то детских мечтаний, с которыми никак не хочет расстаться.

Эта идея казалась абсурдной. Даже и думать об этом не стоило.

Маркиз прошел в большой зал рядом с холлом, где всегда можно было найти способ приятного времяпрепровождения. Он надеялся окунуться в политические споры, которые могли бы отвлечь его, но обнаружил, что комната совершенно пуста, за исключением нескольких игроков. За игровым столом, вместе с двумя другими джентльменами, сидел Оксфорд. Вид у них был довольно помятый. Это позволило Ралстону сделать вывод, что троица, вероятно, провела за картами всю ночь.

Поскольку Гейбриел не выносил манеру поведения Оксфорда за карточным столом и был совершенно не настроен общаться с этой компанией, он вознамерился выйти из комнаты так же быстро и бесшумно, как и вошел, однако его заметили.

— Ралстон, старина. Иди продемонстрируй нам свое мастерство, — шутливо обратился к нему Оксфорд.

Ралстон остановился, пытаясь придумать наиболее уместную отговорку, но тут барон добавил:

— Пора тебе начинать у меня выигрывать, Ралстон, ведь скоро твой кошелек ощутимо полегчает.

Эта многозначительная реплика вызвала веселый смех у остальных игроков, заставив Гейбриела развернуться и бросить внимательный взгляд на Оксфорда. Он подошел к столу.

По покрасневшему лицу Оксфорда и запавшим глазам было ясно, что он крепко навеселе. Указывая на груды монет перед компаньонами барона, Ралстон произнес сдержанно-учтиво:

— Похоже, сегодня моему кошельку не грозит опасность стать легче, Оксфорд.

Оксфорд нахмурился, глядя на Ралстона, но затем с трудом поймал нить разговора.

— Ах да, скоро у меня появится возможность пустить кучу денег на игру... — Он помолчал, с трудом поборов желание рыгнуть. — Видишь ли, я намереваюсь объявить помолвку еще до конца этой недели.

Игнорируя грозное предчувствие, пронзившее его, Гейбриел постарался произнести как можно непринужденнее:

— И с кем же?

Оксфорд ткнул длинным тестообразным пальцем в сторону Ралстона и с торжествующим видом злорадно произнес:

— С Кальпурнией Хартуэлл, конечно! Тебе пора отсчитать тысячу фунтов.

От этих слов Ралстона бросило в жар, и у него тотчас возникло сильное желание двинуть кулаком по самодовольной физиономии Оксфорда. И только усилием воли сохранив внешнее спокойствие, он спросил:

— Так ты считаешь, что уже заполучил ее?

В ответ Оксфорд сверкнул широкой улыбкой, которая придала ему придурковатый вид.

— Ну конечно же, я заполучил ее. Она таяла как воск в моих руках вчера в Королевской академии.

Он открыто подмигнул своим друзьям.

Ралстон оцепенел при этих словах — настолько вопиюще лживых. Руки сжались в кулаки, и гнев охватил его, требуя выхода.

Оксфорд, казалось, не почувствовал, как напряглись мускулы Ралстона, и продолжал гнуть свое:

— Завтра я нанесу ей визит и покончу с этим делом — сделаю предложение. Скорее всего к концу недели мне удастся скомпрометировать девицу, чтобы уж все было наверняка, и Аллендейлу ничего не останется, как принять меня в семью. Он еще и отблагодарит меня щедрым приданым за то, что я возьму его засидевшуюся в девицах сестру.

Мысль о том, что этот мерзавец прикоснется к Калли, окончательно вывела Ралстона из себя. Буквально через секунду он сдернул барона с его места за карточным столом, словно тот весил не более ребенка. Приятели Оксфорда, отбросив стулья, тотчас вскочили со своих мест и поторопились отодвинуться подальше от разъяренного Ралстона.

Оксфорд извивался у него в руках, и Гейбриел ощущал запах страха, исходивший от барона, и это еще больше усиливало его отвращение. Когда Ралстон заговорил, его слова больше походили на рычание.

— Леди Кальпурния в тысячу раз лучше тебя! Ты не достоин дышать одним с ней воздухом.

Отпустив Оксфорда, который неуклюже грохнулся в свое кресло, Ралстон испытал острое чувство мужского удовлетворения и с высокомерным видом, достойным короля, добавил:

— Я поставил тысячу фунтов на то, что ты ее не получишь, и не изменил своего мнения. Теперь я в этом просто уверен. И готов удвоить ставку здесь и сейчас.

Ралстон наблюдал за бароном, отметив, как руки его слегка задрожали, когда он начал приводить в порядок сюртук. Оксфорд грызнулся:

— После твоего хамского поведения, Ралстон, мне доставит еще большее наслаждение облегчить твои сундуки.

Ралстон развернулся и молча вышел из комнаты, пытаясь убедить себя в том, что его срыв оправдан стремлением защитить даму, перед которой он был в большом долгу. Гораздо проще было убедить себя в этом, чем попытаться понять те чувства, которые все еще бурлили в нем при мысли о том, что Калли может стать баронессой Оксфорд.

После того как Ралстон стремительно покинул их дом, Калли некоторое время проплакала. Затем ей передали, что портниха закончила заказанное леди Хартуэлл платье, а также некоторые вещи из нового гардероба Джулианы.

Она восприняла это сообщение как знак: не стоит просто сидеть и жалеть себя — и приготовилась провести вторую половину дня в мастерской у портнихи — событие, которое для Калли было не многим веселее похорон. Но она остро ощущала потребность отвлечься, и встреча с французской модисткой вполне подходила для этой цели.

Калли убедила Марианну пойти с ней, и младшая леди Хартуэлл вышла из Аллендейл-Хауса раньше Калли, чтобы заехать за Джулианой, которой предстояло провести немало времени за

примеркой своих новых нарядов. Калли следовало бы присоединиться к девушкам, но ей была невыносима сама мысль о новой встрече с лордом Ралстоном — пусть даже вероятность этой встречи была невелика. И вот теперь она стояла у двери салона, ожидая, когда кто-нибудь обратит внимание на ее появление.

В салоне царил рабочая суета, мадам Эбер не было видно, зато ее помощницы металась взад-вперед через занавешенный вход в примерочную, нагруженные рулонами ткани, пуговицами, кружевами и оборками. В передней части мастерской находились еще три дамы, которые рассматривали выставленные платья, восхищаясь мастерством швей.

— О! Леди Кальпурния!

Валери, помощница мадам Эбер, появилась из рабочей части салона и присела в быстром поклоне перед Калли.

— Мадам Эбер просит передать извинения, что заставила вас ждать. Она как раз сейчас заканчивает с другой леди, и мы специально освободили большую часть дня мадам, чтобы она могла уделить вам внимание. Она выйдет к вам... — Валери взмахнула рукой, пытаясь подобрать нужное слово, — *tout de suite...* в ту же секунду. Да?

— Да, конечно. Я охотно подожду.

— Валери! — раздался из-за занавески голос мадам Эбер, которая буквально через несколько секунд выглянула из примерочной в салон. — Пригласи леди Кальпурнию. Я начну с ней работать тотчас.

Калли проследовала за француженкой за высокую ширму, установленную у одной стены комнаты, и резко остановилась, заметив в углу манекен, на котором висело, вероятно, самое прелестное платье, какое она когда-либо видела.

Мадам Эбер ответила на ее взгляд понимающей улыбкой.

— Вам нравится?

— О да... — Калли очень хотелось коснуться пальцами ткани, погладить волны шелка: это было восхитительно и превосходило все ее ожидания.

— Превосходно. Думаю, пора посмотреть, каким оно должно быть... на вас. Вы согласны?

Портниха развернула Калли и начала расстегивать пуговицы ее платья. Указав на предметы туалета, выложенные рядом с платьем, модистка сказала:

— Мы начнем с нижнего белья.

Калли тотчас покачала головой:

— О нет, не стоит... У меня достаточно белья. Нет необходимости в новом.

Освободив Калли от платья, модистка возразила:

— Уверю вас, это вам нужно. — Она помогла Калли снять корсет и рубашку, заметив: — Самые уверенные в себе женщины — это те, которые могут положиться на каждый кусочек ткани, облегающий их тело. Это те женщины, которым их трусики нравятся не меньше, чем платья.

Калли облачилась в прелестное нижнее белье, украшенное маленькими деталями: атласными ленточками, крошечными, ручной работы цветочками прелестных оттенков и кружевными вставками, которые добавляли такую нотку женственности, о какой она раньше не задумывалась и какую не считала необходимой в нижнем белье. По мере того как на нее набрасывали слой за слоем, Калли, ощущая на коже ласковое прикосновение чудесных тканей, убеждала себя, что глупо получать такое удовольствие от этих мелочей. Однако мадам Эбер была права. Было что-то чарующе особенное в облачении в это легкомысленно красивое нижнее белье. Тем более если учесть, что единственный человек, который когда-либо его увидит, — это ее горничная.

Словно читая мысли Калли, модистка наклонилась к ней и произнесла шепотом:

— И давайте не будем забывать, что никогда не знаешь, кто, возможно, однажды станет снимать такую красоту.

Калли страшно покраснела при этих словах, а французенка с понимающим видом слегка хихикнула.

Затем настал черед платья, которое село просто идеально. Мадам Эбер выглядела чрезвычайно довольной. Она медленно обошла вокруг Калли, придирчиво разглядывая каждую, даже самую мелкую, деталь платья. Модистка с удовлетворенным видом посмотрела в широко распахнутые глаза Калли и сказала:

— А теперь в примерочную, там мы посмотрим повнимательнее.

Постаравшись подавить в себе внезапно возникшее чувство неуверенности, Калли поднялась на возвышение. Мадам Эбер мягким движением развернула ее к зеркалу, и Калли с удивлением широко раскрыла глаза, когда осознала, что видит в этом зеркале свое отражение. Она никогда не видела себя такой красивой.

Глубокий вырез платья выгодно подчеркивал ее грудь, которая выглядела роскошной, но при этом никак не казалась вульгарной. Складки шелковой ткани вокруг изгиба талии, бедер и живота делали ее идеально сложенной, а не пухленькой. Цвет ткани — самый прелестный, какой она когда-либо видела, светящийся голубой — придавал ее коже, обычно слишком румяной, оттенок клубники со сливками.

На лице Калли расцвела улыбка. Мадам Эбер была права: это платье было создано для вальса. Калли не удержалась и в возбуждении покружилась перед портнихой. — О, оно прелестно, мадам!

Модистка ответила ей такой же улыбкой:

— Так оно и есть. — Она наклонила голову, критически глядя в зеркало на отражение Калли, и добавила: — Нужно сделать юбку немного повыше. Прошу меня извинить, я приведу девушку, чтобы помогла мне.

Французенка исчезла в дверях, а Калли смотрела на свое отражение в зеркале, расплывавшееся из-за набегающих слез. Она может каждый день быть такой же прекрасной, как эта женщина в зеркале, но это не заставит Ралстона полюбить ее. И возможно, если бы он был кем-то другим — тем, кого она любила бы меньше или не любила вовсе, — она бы воспользовалась его предложением и приняла его. Но ведь она так долго мечтала принадлежать ему. И этим браком по расчету он сокрушил все ее мечты. А ей хотелось заполучить все: его ум, его тело, его имя, — но больше всего — его сердце.

Возможно, она сделала ошибку, отказав ему. Возможно, она с радостью должна была ухватиться за возможность стать женой маркиза. Стать матерью его детей. Сердце Калли сжималось при мысли о крошечных темноволосых голубоглазых детишках, цепляющихся за ее юбку. Но похоже, худшее несчастье будет заключаться не в том, чтобы быть без него, а в том, чтобы не обладать им целиком.

Калли вздохнула, желая в этот момент прогнать из головы все эти мучительные мысли, поскольку сейчас открыла новую, более привлекательную себя. Из передней части мастерской раздался знакомый смех, и Калли заставила себя улыбнуться, когда Джулиана и Марианна, торопливо пройдя за занавеску, остановились как вкопанные, увидев ее.

— О, Калли, — благоговейно произнесла Марианна. — Ты такая красивая!

Калли опустила голову, услышав комплимент, к которым она совершенно не привыкла.

Джулиана радостно подтвердила:

— Правда. Ты очень красивая.

Калли зарделась.

— Спасибо.

Мари медленно обошла вокруг сестры.

— Потрясающее платье... но есть еще кое-что... есть что-то... — Она помолчала, глядя в большие карие глаза сестры. — Ты чувствуешь себя красивой, не так ли?

Эти слова заставили Калли улыбнуться:

— Вообще-то думаю, что да.

Джулиана рассмеялась.

— Bravo! Пора почувствовать себя красивой, Калли. — Марианна ободряюще кивнула, и Джулиана продолжила: — Конечно, я считала тебя хорошенькой с самого первого момента нашего знакомства. Но сейчас, в этом платье... Ты обязана надеть его на бал. — Через три дня ожидался бал в Солсбери, на который был намечен официальный дебют Джулианы в свете. — Она восторженно хлопнула в ладоши. — Это будет наш общий выход! В новых платьях! Хотя и представить не могу, чтобы хоть одно из моих платьев могло сравниться с твоим.

Марианна согласно кивнула, и Калли с потрясенным видом перевела взгляд с одной девушки на другую.

— О, я не думаю, что это платье будет готово к балу. Подол нужно подогнуть, а я уверена, что у мадам Эбер есть более важные клиентки, чем я.

— Если вы хотите получить это платье к балу, оно у вас будет, миледи. — Эти слова произнесла портниха, которая вновь вернулась в комнату. — Я сама займусь подолом, и платье будет доставлено вам уже утром, но при одном условии. — Она наклонилась к Калли и добавила: — Вы должны пообещать, что не пропустите ни одного вальса.

Калли улыбнулась и покачала головой.

— Боюсь, что это зависит не от меня, мадам.

— Чепуха, — усмехнулась портниха. — В этом платье вы покорите не одно сердце. Мужчины будут наперебой ухаживать за вами.

Калли рассмеялась словам модистки, но затем Марианна произнесла:

— Они действительно не дадут тебе проходу.

Джулиана задумчиво улыбнулась и, склонив голову набок, стала рассматривать Калли.

— Согласна. Мне не терпится увидеть реакцию Гейбриела. Ты просто восхитительна!

Марианна посмотрела на свою подругу и произнесла сухо:

— О, с Ралстоном, рискну предположить, и так уже все ясно.

Калли зашикала, услышав такие смелые, неподобающие речи; кровь прилила к ее щекам. Неужели ее чувства к Ралстону настолько очевидны? Неужели Джулиана что-то рассказала брату?

На ее смущение никто не обратил внимания. Девушки продолжали щебетать о чем-то своем, а мадам Эбер снова увела Калли с собой.

Оказавшись за ширмой, Калли рискнула взглянуть на модистку, и та тихо спросила с понимающей улыбкой:

— Маркиз Ралстон ухаживает за вами?

В ответ на этот смелый вопрос Калли покачала головой и тотчас ответила:

— Нет. Конечно же, нет.

Что-то пробормотав, модистка начала расстегивать платье на клиентке. Она молчала довольно долго, и Калли уже решила, что в этом разговоре поставлена точка.

И только когда она вынырнула из облака воздушного голубого шелка, модистка добавила:

— Что ж, если вашей целью является Ралстон, то вам обязательно стоит надеть это белье, миледи. Оно понравится ему не меньше, чем вам.

Калли залилась краской, а портниха слегка усмехнулась.

Глава 21

Калли и Марианна стояли у стены бального зала в особняке Солсбери, наблюдая за непрерывным потоком прибывающих гостей. Огромное пространство было залито золотистым светом тысячи свечей, высоко мерцавших в огромных хрустальных канделябрах. Казалось, на этот бал собрался весь Лондон. Конечно, иначе и быть не могло. Зал был набит битком — дамы в шелках и атласе всех воображимых оттенков слетались в небольшие стайки и сплетничали, джентльмены в темных официальных костюмах говорили о политике и парламенте.

Калли стояла на цыпочках и оглядывала бальный зал, боясь пропустить появление Джулианы.

Большинство гостей уже прибыло, а для дебютантки в обществе считалось крайне нежелательным опоздать на свой первый бал. Но ведь Ралстон наверняка это прекрасно понимает, подумала Калли, выискивая ее взглядом.

Бал у Солсбери станет идеальным местом для представления Джулианы в свете. Это ежегодное событие было одним из самых значительных в великосветском обществе, а доброжелательных и гостеприимных графа и графиню Солсбери Калли всегда считала одной из самых прелестных пар Лондона. Когда ушел из жизни ее отец, именно лорд и леди Солсбери оказали самую большую поддержку и сокрушенной горем матери Калли, и юному, плохо подготовленному к жизни Бенедикту. Супруги Солсбери их друзья и будут рады приветствовать у себя Джулиану и Ралстона — в этом сомнений не было.

Калли тихонько вздохнула — так нервничала, словно это был ее первый выход в свет.

— Они обязательно приедут, — спокойно сказала Марианна. — Я не настолько хорошо знаю Ралстона, как ты, но достаточно, чтобы быть уверенной: он не пропустит этот вечер. — Она бросила на Калли лукавый взгляд. — А уж когда он увидит тебя в этом платье, он будет просто счастлив, что не пропустил это событие.

Калли сделала круглые глаза и сухо сказала:

— Это уже слишком, Мари, даже для тебя.

Марианна рассмеялась и слегка пожала плечиками:

— Возможно... но тем не менее это правда. Эбер превзошла саму себя. Платье потрясающее.

Калли оглядела себя: складки голубого шелка, ниспадающие по лифу, и прелестная пышная юбка, которая волшебным образом колыхалась во время ходьбы. Ткань в сиянии свечей приобрела совершенно иной оттенок и мерцала словно живая, как самый голубой из океанов.

— Они прибыли.

Размышления Калли были прерваны шепотом Марианны, а взгляд метнулся ко входу в зал, отмеченному широкой лестницей, достаточно длинной, чтобы предоставить присутствующим идеальный обзор прибывающих гостей. Множество людей толпилось по обеим сторонам лестницы и на площадке наверху, но невозможно было не обратить внимания на вновь прибывшее трио.

Джулиана сняла свой девственно-белоснежный плащ и стояла, выпрямив спину, совершенно неподвижно в нежном платье бледно-розового цвета с высокой талией. Это был идеальный наряд для вечера — роскошное платье, но без показного шика, дорогое, но не кричащее. Сразу за девушкой стояли Ралстон и Сент-Джон, прикрывая сестру с флангов. Оба являли собой саму решимость и осматривали собравшуюся внизу толпу так, словно готовились принять бой. Уголки губ Калли изогнулись в легкой улыбке. Возможно, прием лондонского света для этих людей напоминал сражение гораздо больше, чем какое-либо иное событие в их жизни.

Взгляд Калли остановился на Ралстоне, и сердце учащенно забилось у нее в груди, когда она заметила заострившиеся скулы и холодную решимость в его голубых глазах — таких голубых, что она могла разглядеть их со своего отдаленного места посреди зала. И тут их взгляды встретились. Калли немного оттаяла, когда его внимательный взгляд задержался на ней. Она невольно вздохнула, и Марианна слегка подтолкнула ее в бок локотком.

— Калли, не стой с таким видом, словно ты поглупела от любви к этому мужчине, хорошо?

Калли резко повернула голову и, бросив на сестру раздраженный взгляд, прошептала:

— Ничего подобного!

— Гм. А я королева Шарлотта, — сухо произнесла Марианна, игнорируя осуждающий взгляд сестры, и добавила: — Итак, начинается.

Калли проследила за направлением взгляда Марианны и увидела, как Джулиану представляют графине и графу. Джулиана присела в идеальном грациозном поклоне, опустив глаза и изобразив на лице безмятежную улыбку. Длинная шея придавала ей лебединую грацию, которой, без сомнения, могла позавидовать любая дама в этом зале, наблюдающая за дебютанткой. А наблюдали за ней все.

Рядом с Калли удовлетворенно охнула Марианна:

— Она сделала это превосходно — у меня так никогда не получалось!

Калли проигнорировала реплику Марианны и переключила все внимание на остальных гостей, подмечая взгляды, направленные отовсюду на Джулиану.

Да, это будет нелегко.

— Я слышала, что она незаконнорожденная — по матери. — Женский шепот раздался слева от Калли, и, обернувшись, она увидела герцога и вдовствующую герцогиню Лейтон, не отрывавших от Джулианы пристального взгляда. У Калли от гнева перехватило дыхание, когда она заметила презрение на красивом лице герцога, в то время как его матушка продолжала: — Представить не могу, с чего бы это Солсбери вдруг открыли перед ней свои двери. Да и у Ралстона репутация не многим лучше. Уверена, что и у него на стороне найдется не один бастард.

Это было уже слишком. Калли бросила на герцогиню долгий высокомерный взгляд. Герцог Лейтон заметил это.

— Подслушивать — ужасная привычка, леди Кальпурния, — холодно заметил он.

Год назад у Калли не хватило бы смелости ответить, но теперь, бросив уничтожающий взгляд в сторону вдовствующей герцогини, она сказала:

— Полагаю, я могла бы назвать более ужасную привычку, ваша светлость.

С этими словами она направилась через бальный зал спасти Джулиану от этих горгон.

Марианна тотчас последовала за ней.

— Молодец, сестричка! — одобрила ее смелость Мари. — Надо было видеть их лица!

— Они это заслужили. Их снобизм невыносим, — рассеянно ответила Калли, сосредоточенная на том, чтобы быстрее добраться до Джулианы и взять ее под крыло имени и титула Аллендейлов. Это, конечно, сплетни не остановит, но, несомненно, облегчит ситуацию.

Протискиваясь сквозь толпу гостей, сестры прошли мимо Ривингтона, и Мари быстро коснулась руки своего жениха и прошептала тихо, так что только он мог услышать:

— Иди познакомься с Джулианой, Рив.

Конечно, Ривингтон встречался с девушкой и раньше, но герцог тотчас понял, что имела в виду Марианна. «Иди и поддержи ее значимостью своего герцогского титула». Он последовал без промедления.

Калли протолкнулась через последнюю группку людей и увидела, что Джулиана стоит особняком, в некотором отдалении от сбившихся в стайки гостей, которые делают вид, что настолько увлечены разговором, что не могут оторваться, чтобы познакомиться с дебютанткой. Однако Калли прекрасно понимала, что к чему. И не она одна. Ралстон и Сент-Джон стояли по обеим сторонам от своей сестры с таким видом, словно готовы сразиться врукопашную с доброй половиной Лондона. Калли на мгновение встретилась взглядом с Ралстоном и заметила его явное раздражение на это общество, которое так умело игнорировало тех, кого не считало достойными мгновенного признания. Как часто ей самой приходилось испытывать подобное чувство. Однако Калли не могла позволить себе предаваться размышлениям и сочувствовать Ралстону. Сейчас в ее сочувствии и поддержке нуждалась его сестра.

— Джулиана! — радостно воскликнула Калли. Голос ее прозвучал высоко и чисто. — Я так рада, что ты здесь! Мы с Марианной очень ждали твоего прибытия!

Марианна взяла Джулиану за руки и поддержала сестру:

— Мы в самом деле так ждали! Без тебя вечер был совершенно безрадостным! — Она радостно взглянула на Ривингтона. — Ведь правда же, Ривингтон?

Герцог Ривингтон низко склонился над рукой Джулианы.

— Истинная правда, мисс Фиори. Мне бы очень хотелось пригласить вас на следующий танец, — произнес он учтиво и чуть громче, чем обычно. — Конечно, если вы уже не пообещали его другому.

Джулиана взволнованно покачала головой, ощущая важность момента.

— Нет, ваша светлость.

Марианна просияла и сказала, обращаясь к своему будущему мужу:

— Думаю, это превосходная идея! — Она наклонилась к Джулиане и прошептала с заговорщическим видом: — Только смотри, чтобы он не наступал тебе на ноги.

Вся компания дружно рассмеялась, и Ривингтон повел Джулиану в центр зала. Марианна и Калли наблюдали, как пара заняла свое место и Джулиана удостоилась своего первого публичного признания — в виде танца с одним из самых влиятельных людей в Англии. Сестры переглянулись, не в силах скрыть широких гордых улыбок.

— И я с удовольствием станцевал бы этот танец, — раздался голос у них за спиной. Девушки обернулись и увидели улыбающегося Сент-Джона. — Леди Марианна, только не говорите, что вы уже пообещали этот танец другому.

Мари посмотрела на свою танцевальную карту и рассмеялась.

— Я действительно пообещала его, милорд, — шепотом сказала она, — но, как оказалось, мой партнер предпочел мне вашу сестру.

Ник покачал головой и изобразил трагический вид.

— Я приложу все усилия, чтобы исправить это, миледи.

— Это будет поступок настоящего джентльмена, — с сияющей улыбкой ответила Мари.

Калли с веселым видом наблюдала, как они уходят. Она почти забыла, что в конечном итоге они оставили ее наедине с Ралстоном. Почти.

Она молча обернулась и встретила его непроницаемый взгляд. Калли нервничала и поэтому решила остановиться на самой безопасной теме.

— Лорд Ралстон, — сказала она, — похоже, ваша сестра сегодня великолепна.

— Действительно. Это благодаря вам и вашей семье.

— Ривингтон великолепно вписался в нашу дружную команду. — Губы Калли изогнулись в легкой улыбке. Они с Ралстоном следили взглядами за танцующими парами.

Ралстон слегка улыбнулся:

— Я перед ним в долгу. — Он посмотрел на Калли, пронзив ее серьезным взглядом. — И перед вами.

Его глаза потемнели, и он сощурился, оглядывая ее. Калли уловила, как он слегка отстранился. И именно тогда она поняла: он заметил ее платье. «Пригласи же меня на танец». Она понимала, что это ужасная идея — ей ни за что не следует позволять себе вновь терять голову сегодня вечером, ведь прошло лишь несколько часов после того, как она ответила отказом на предложение Ралстона и решила держаться от него подальше, как можно дальше. «Ну пригласи же меня на танец, чтобы мой первый вальс в этом платье состоялся с тобой».

— Леди Кальпурния, вы позволите пригласить вас на танец?

В первый момент Калли естественным образом была поставлена в тупик прозвучавшими словами — она ведь так хотела, чтобы их произнес Ралстон, — но они раздались совершенно с другой стороны, справа от нее. Калли растерянно моргнула, мельком заметив грозное выражение, возникшее на лице Ралстона, и тут ей все стало ясно: повернувшись, она увидела перед собой барона Оксфорда.

О нет! Она подавила желание топнуть ногой.

Она не могла отказать ему — это было бы в высшей степени неприлично. И к тому же Калли находилась не в том положении, чтобы отказываться от любого приглашения на танец, — никак не скажешь, что она была завалена приглашениями. Она украдкой бросила взгляд в сторону Ралстона — у нее промелькнула мысль, что он мог бы вмешаться и заявить, что танец уже обещан ему, и она бы не стала этого отрицать, и пошла бы танцевать с ним. Но он ничего не сказал и лишь пристально смотрел на нее своим холодным непроницаемым взглядом. Калли снова повернулась к Оксфорду.

— Я с удовольствием приму ваше приглашение, милорд. Спасибо.

Барон подал ей руку, и она приняла ее. Когда их руки соприкоснулись, он широко улыбнулся, но глаза его не улыбались.

— Превосходно.

Ралстон наблюдал, как Оксфорд ведет Калли на тур вальса, и его охватила ярость. Только приобретенное за многие годы умение обуздывать свои чувства удержало его от того, чтобы броситься в центр зала и вырвать Калли из лап этого охотника за приданым.

«Это я должен был бы танцевать с ней». Ралстон проклинал себя, следуя за ними вокруг танцевальной площадки. Высокая фигура Оксфорда возвышалась над Калли, когда он кружил ее по залу. словно недостаточно было отставки, которую она ему дала, так теперь она еще оказалась в объятиях Оксфорда в этом великолепном наряде.

Откуда, черт возьми, у нее это платье? Оно сидело на ней идеально, облекая фигуру и подчеркивая роскошные женственные формы, выгодно выделяя ее прелестную грудь, нежный изгиб бедер, всю соблазнительную фигуру. Это платье было создано для того, чтобы вызывать у мужчины желание снять его.

В этот момент Оксфорд и Калли развернулись так, что она оказалась прямо перед Ралстоном. Их взгляды встретились, и его поразила печаль в ее глазах. Сегодня вечером в Калли было что-то необычное, более трагичное, чего он не замечал прежде. Инстинктивно Ралстон почувствовал, что для ее печали есть какая-то причина. Что это он все испортил, окончательно погубив все дело своим предложением, каким-то образом заставив ее поверить, что на самом деле это предложение было вынужденным.

Он мысленно чертыхнулся, когда Оксфорд и Калли растворились в огромной толпе танцующих. Он видел, как девушка в мерцающем голубом платье украдкой бросает на него взгляды, а толпа людей отступает и утекает.

Ралстон начал протискиваться за ними, не желая окончательно упустить из виду. Проходя мимо стоек гостей, он равнодушно кивал в знак приветствия, пытаясь двигаться достаточно медленно, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, но достаточно быстро, чтобы не потерять из виду кружащихся танцоров.

— Лорд Ралстон, как приятно видеть вас на этом балу, — промурлыкала графиня Марсден, когда он проходил мимо.

Ралстон остановился, не желая проявлять неучтивость к даме, несмотря на ее хищный взгляд. Он не удивился бы, если бы увидел, как она сладострастно метнула свой язычок через на помаженные губы.

— Леди Марсден, — произнес он скучающим тоном, который, как он прекрасно понимал, не мог не вызвать раздражения графини. — Рад вам угодить. Очень хотел бы выразить уважение вашему мужу, — многозначительно произнес Ралстон. — Он здесь?

Графиня посмотрела на него сощурившись, и он понял, что удар попал в цель.

— Нет. Его здесь нет.

— Ага, — рассеянно произнес он, уже отходя от графини. — Жаль. Обязательно передайте ему от меня привет.

Он снова посмотрел на танцующих и увидел, что Джулиана смеется, глядя на Ривингтона, который кружит ее по залу, демонстрируя всему Лондону: да, она иностранка, но Джулиана Фиори танцует так же великолепно, как и другие в этом зале. В груди Ралстона поднялась буря

чувств, когда он наблюдал, как его недавно обретенная сестра, сумевшая так быстро найти путь к его сердцу, улыбается герцогу, словно для нее это совершенно естественно — танцевать с одним из самых почитаемых представителей аристократии. Свету трудно будет придраться к девушке, хотя он и приложит к этому все усилия. Однако с их Ником помощью и с помощью семейств Аллендейл и Ривингтон Джулиана будет защищена — настолько, насколько это вообще возможно. Договор с Калли был самым мудрым решением.

Калли.

Она замечательная. Даже несмотря на то что оттолкнула и обидела его, она выполнила все свои обещания и сделала из Джулианы достойную дебютантку, которой мог бы гордиться любой брат. Видит Бог, один он это сделать бы не сумел, даже несмотря на все свои благородные намерения. И только благодаря Калли Джулиана присутствует на этом вечере. Она неотъемлемая часть успеха Джулианы. И каким-то образом она сделалась неотъемлемой частью его жизни.

Эта мысль подстегнула его. Неожиданно Ралстон понял, что должен вернуть Калли. Он понял, что не должен жениться на ней ради соблюдения приличий или из чувства ответственности. Он понял, что действительно хочет сделать ее своей женой. Как это ни странно, но чем больше она отталкивала его, тем сильнее он укреплялся в своем намерении, даже несмотря на то что вся эта ситуация просто выводила его из себя. Теперь ему оставалось только убедить Калли, что и она тоже этого хочет.

Расстроенный, он стал вглядываться в толпу, пытаясь высмотреть среди танцующих Калли. Ему не терпелось увидеть хоть мельком голубой атлас.

Прокружившись в последний раз, пары остановились. Ралстон наблюдал, как они начали неторопливо покидать площадку, в то время как оркестр на время прекратил играть. Он увидел, как Джулиана и Ривингтон подошли к Марианне, продолжая беседовать, но Калли с Оксфордом не было видно.

Куда, черт возьми, они подевались?

После того как они станцевали вальс, Оксфорд подвел Калли к небольшой уединенной нише перед длинным темным коридором, расположенным за бальным залом. Двери в коридор были оставлены открытыми, чтобы свежий воздух проникал в душный зал, и Оксфорд после танца повел Калли в этот уединенный уголок, настаивая, чтобы они насладились спокойным отдыхом.

Бросив взгляд на дверной проем, который теперь оказался слегка прикрыт, Калли нерешительно улыбнулась Оксфорду.

— Благодарю вас, милорд, что сопроводили меня, — произнесла она любезно. — Я забыла, насколько утомительными бывают эти балы.

Оксфорд шагнул к ней ближе.

— Прошу вас, не думайте об этом.

Калли отодвинулась от него, так как он оказался слишком близко.

— Меня мучает жажда, милорд. Может, мы вернемся в зал и найдем буфет?

— Или мы сможем забыть о жажде, попытавшись отвлечься кое-чем другим? — Он сделал

паузу. — Дорогая.

Калли удивленно подняла брови при таком проявлении нежности.

— Милорд, — запротестовала она, когда барон шагнул к ней ближе, едва не прижимая к стене рядом с дверью, ведущей в коридор. Калли занервничала. — Барон Оксфорд! — воскликнула она, не понимая, что движет его поступками.

Он склонился над Калли.

— Руперт. Думаю, нам пора покончить с формальностями. Вам так не кажется?

— Барон Оксфорд! — решительно произнесла она. — Я хотела бы вернуться в зал немедленно. Все это крайне неприлично!

— Вы измените свое мнение, когда услышите то, что я должен вам сказать, — ответил он. — Понимаете... — Барон сделал еще одну долгую паузу. — Я даю вам шанс стать баронессой.

У Калли взлетели брови при этих словах.

Он заметил ее удивление и попытался еще раз, на этот раз обращаясь к ней, словно к ребенку:

— У вас есть возможность выйти замуж. За меня.

Калли с трудом сдержала нервный смешок, незаметно продвигаясь к двери.

— Милорд, я весьма польщена, что мысль обо мне пришла вам в голову... — Девушка замолчала, пытаясь найти подходящие слова для деликатного отказа.

А он вдруг заключил ее в объятия и попытался поцеловать; его губы были влажными и совершенно отвратительными. Его язык вторгся к ней в рот, и Калли передернуло от этого прикосновения. Она уперлась ему руками в плечи, пытаясь остановить его наступление. Оксфорд неправильно истолковал ее жест, приняв его за ласку, и продолжил, возвышаясь над ней, прижимать ее к стене, пока она не почувствовала, как острый край дверного косяка упирается ей в плечи. И тут он на мгновение отстранился от нее и шепотом произнес:

— Не будь такой застенчивой. Нас здесь никто не увидит. А если и увидит, то ведь мы помолвлены.

Калли резко отстранилась, возмущенно тряхнув головой от такой возмутительной наглости барона. Само предположение Оксфорда, что она начнет рассыпаться в благодарностях от одного только намека на его предложение, причинило бы ей острую боль, если бы не было таким нелепым. Оттолкнув его со всей силой, Калли сказала:

— Боюсь, что вы глубоко заблуждаетесь. — Он остановился в недоумении, и Калли проскользнула между ним и стеной. — Я не собираюсь выходить за вас замуж. Прошу вас оставить меня.

Оксфорд удивленно дважды моргнул, словно не мог поверить, что она ему отказывает.

— Да вы шутите!

Калли не могла не осознать иронии происходящего. После двадцати восьми лет приносившего одни лишь разочарования ожидания двое претендентов предлагают ей руку и сердце, и она

отказывает обоим ухажерам. В своем ли она уме?

— Я говорю совершенно серьезно. Похоже, вы неправильно истолковали мою дружбу.

— Дружбу! — презрительно фыркнул Оксфорд, и Калли даже стало не по себе от резкой перемены в его тоне. — Вы думаете, я ищу дружбы? Напротив. Я ищу жену.

Он произнес эти слова со злостью, будто разговаривал с пустоголовой девицей.

Калли инстинктивно отшатнулась от него, удивленная этим новым Оксфордом, — исчезающий улыбкой пустой, но безобидный щеголь, и вместо него появился раздраженный неприятный мужчина.

— В таком случае вы, очевидно, подверглись заблуждению, что я ищу мужа.

У Оксфорда искривились губы, и он заговорил весьма грубо:

— Вы ведь не рассчитываете, что я поверю, будто вы об этом не мечтали? Разве не об этом мечтают все старые девы?

Калли собралась с духом и, приняв гордый вид, произнесла:

— Несомненно, лорд Оксфорд, мы мечтаем получить предложение руки и сердца. Но не от вас.

Она увидела, как его охватила ярость, барон напрягся, его лицо страшно покраснело. Калли могла бы даже испытать удовлетворение оттого, что вызвала в нем такие эмоции, но у нее мелькнула мысль, что он способен даже ударить ее.

Конечно же, Оксфорд этого не сделал, лишь отстранился, освобождая ее от удушающей близости. Она наблюдала, как ярость сменяется отвращением, и наконец-то увидела, что же он на самом деле к ней испытывает — полное и абсолютное презрение.

— Вы совершаете серьезную ошибку, — предупредил он.

— Очень в этом сомневаюсь. — Слова Калли прозвучали холодно, сработал ее защитный инстинкт. — Этот разговор окончен.

Барон пристально смотрел на нее, в его глазах сверкала ярость, и Калли решительно отвернулась, устремив взгляд на видневшийся вдали сад.

— Это лучшее предложение, которое вам когда-либо сделают. Неужели вы действительно думаете, что кто-то и в самом деле захочет такую девицу, как вы?

Эти слова были произнесены, чтобы уколоть и причинить боль, и достигли своей цели. Калли стояла с гордо выпрямленной спиной и слушала, как затихают шаги барона — он возвращался в бальный зал.

Девушка подошла к креслу и глубоко вздохнула, чувствуя, как силы покидают ее, в то время как ужасные слова Оксфорда вновь и вновь звучали в ее голове. Конечно, он был прав. За всю свою жизнь она получила два предложения, и ни одно из них не имело к ней отношения. Оксфорду нужны были деньги, которые он получил бы в качестве ее приданого, а Ралстон... Ралстон лишь пытался сохранить ее репутацию, что, конечно, было благородно, но очень далеко от каких-либо романтических побуждений. Ну почему не найдется того, кто мог бы желать ее ради нее самой?

При этой мысли слезы набежали ей на глаза. Ну почему у нее все так плохо! Калли опустила голову, сгорбилась, сжалась, да так сильно, что все мышцы запротестовали против этого движения.

— Вы не должны оставаться здесь одна.

Она напряглась, услышав эти решительные слова, но не обернулась, не желая, чтобы Ралстон увидел ее залитое слезами лицо.

— Как вы узнали, что я здесь?

— Я увидел, что Оксфорд шел именно отсюда. Что-то случилось? С вами все в порядке?

В ответ Калли лишь прошептала в темноту:

— Пожалуйста, уходите.

Последовала пауза, затем послышалось какое-то движение, и Ралстон сделал шаг к ней и протянул руку.

— Калли? — произнес он, и тихая озабоченность, прозвучавшая в его голосе, пронзила ей сердце. — Боже мой! Оксфорд не тронул тебя? Я его убью!

Она сделала еще один глубокий вдох.

— Нет... Нет. Он ничего не сделал. Со мной все в порядке. Я буду очень благодарна, если вы оставите меня, прежде чем... моя репутация... станет темой для пересудов.

Гейбриел слегка рассмеялся.

— Думаю, мы это уже обсуждали. — Она не ответила, и он продолжил: — Отчасти именно по этой причине я вас и искал.

Калли еще больше вжалась в кресло.

— Ралстон, прошу вас. Просто уходите.

— Я не могу. — Он сделал еще один шаг и положил руки ей на плечи, затем произнес одновременно умоляющим и соблазняющим тоном: — Калли, вы должны дать мне шанс убедить вас, что мое предложение заслуживает внимания. Прошу вас, выходите за меня замуж.

Это стало уже последней каплей. Слезы брызнули из глаз. Калли сидела совершенно неподвижно, стараясь не издать ни звука, чтобы не выдать свою печаль. Ралстон вновь прошептал ей на ухо, и эти слова были так соблазнительны и так прекрасны:

— Выходи за меня.

Наступила долгая пауза, эти слова повисли между ними, и Калли обдумывала, какие у нее есть варианты. Выбора у нее не было. Она повернулась и посмотрела на маркиза, благодаря Господа, что ее лицо в этот момент оставалось в полумраке.

— Я не хочу выходить за вас замуж. — Голос ее дрожал.

Ралстон медленно покачал головой:

— Я тебе не верю. Ты ведь хочешь меня. Думаешь, я не заметил, насколько мы подходим друг другу? В интеллектуальном плане. В физическом. — Она ничего не ответила, и Ралстон добавил: — Я должен вновь доказать тебе это?

Его губы были совсем рядом, и Калли остро ощущала его близость. Его дыхание, когда он говорил эти слова, ласкало ее, и больше всего ей хотелось, чтобы пропало и это малое расстояние между ними и она получила поцелуй, которого так жаждала.

— Ты же знаешь, что я дам тебе все.

Калли закрыла глаза, услышав эти слова и прозвучавшее в них многозначительное обещание.

— Не все, — сказала она, и в голосе ее послышалась печаль.

— Чего же еще ты хочешь, Калли? Я богат. Я красив...

Она прервала его тираду болезненным мучительным смешком.

— Неужели вы думаете, что для меня это важно? — спросила она, испытывая одновременно и раздражение, и печаль, и боль. — Я бы оставалась с вами, если бы вы были бедны и уродливы, это меня не волнует. Если бы вы...

Ралстон, прищурившись, смотрел на нее, а она умолкла.

— Если бы я — что?..

«Если бы ты любил меня».

Она качнула головой, не в силах говорить.

Ралстон резко выдохнул и предпринял новую попытку; собственное замешательство вызывало в нем разочарование и раздражение.

— Чего ты хочешь от меня? Скажи, и я дам это тебе! Я ведь маркиз!

С нее было достаточно.

— Да мне наплевать, даже если бы ты был сам король! Я не выйду за тебя!

— Да почему же, черт возьми?

Он находился совсем рядом с ней и был так раздражен, что Калли выпалила первое, что пришло ей в голову:

— Потому что я люблю тебя!

Они оба были изумлены ее словами. Он пришел в себя первым.

— Что?

Калли покачала головой, и слезы полились из ее глаз.

— Факт остается фактом. Я не могу выйти за тебя. Потому что это убьет меня — провести всю оставшуюся жизнь с тобой, зная, что ты женился на мне только из неуместного в данной

ситуации чувства чести и долга.

Ралстон долго смотрел, как слезы текут по ее щекам.

— Я... — повторил он, впервые в жизни не находя слов.

Ей невыносимо было смотреть на него.

— Ты помнишь ночь в твоей спальне? — прошептала она. — Когда мы договаривались об условиях нашей сделки?

Ночь, которая переменяла все.

— Конечно, помню.

— Ты помнишь о своем обещании? Что выбор останется за мной? В будущем?

Ралстон ощутил внизу живота холодное чувство страха. Внезапно он понял, что она собирается сказать.

— Калли, не делай этого.

— Я хочу, чтобы ты сдержал свое обещание. Прямо сейчас. Прошу, просто оставь меня.

Боль, звучащая в ее голосе, разрывала сердце. Ралстону хотелось прикоснуться к ней, утешить, но вместо этого он запустил ладонь в волосы и яростно чертыхнулся.

— Калли!

Он замолчал, не зная, что сказать, но решительно настроенный сказать хоть что-то, что поможет убедить ее выйти за него замуж. Калли подняла руку, жестом останавливая его, и Ралстон был поражен, что рука ее не дрожала.

— Прошу тебя, Гейбриел. Если я тебе вообще не безразлична, — повторила она, — пожалуйста, просто оставь меня. Уходи и оставь меня одну.

Он так и сделал.

Калли долго сидела в тишине комнаты. Льющиеся из глаз слезы постепенно утихли, и ее окутала пронзительная печаль, принесла с собой ощущение чувства завершенности и бесповоротности, которое оставил после себя разговор с Ралстоном.

Ибо в этот момент она поняла с абсолютной уверенностью, что ей суждено остаться в одиночестве навсегда. Отказ Ралстону в конечном итоге уничтожил шансы для всех остальных. Ведь если она не может получить его, то никогда не захочет никого другого. Возможно, она сделала ошибку. Возможно, ее любви хватило бы на них обоих. Но как смогла бы она прожить целую жизнь, зная, что на самом деле он никогда не любил ее?

Что он сделал ей предложение, потому что это было необходимо. Что, предоставленный сам себе, он нашел бы другую, более красивую?

Нет. Довольно. Отказ будет ее единственным ответом.

Глава 22

Ралстон тотчас уехал с бала. Оставив экипаж для брата и сестры, он двинулся в Ралстон-Хаус пешком.

Всю свою жизнь он избегал именно этого: всегда сторонился заводить отношения с женщинами, с которыми у него было слишком много общего. Он всячески избегал озабоченных мамаш и свах из-за опасений, что ему и в самом деле могут понравиться женщины, которых они пытались ему навязать. Гейбриел вырос в доме, разрушенном женщиной, в атмосфере, омраченной безответной любовью, которая свела в могилу его отца. Тот умер от горя — слишком долго страдал из-за разбитого сердца, и у него уже не хватило сил побороть подхваченную лихорадку.

И вот он встретился с Калли — открытой, чистосердечной, обаятельной и умной. Она казалась полной противоположностью его матери, и все же была не менее опасной, чем маркиза. Ибо когда она посмотрела на него своими поразительными карими глазами и открыто призналась в любви, Ралстон потерял всякую способность мыслить.

А когда она начала умолять его уйти, он наконец понял, что чувствовал его отец, когда мать покинула его, — ощущение полной и абсолютной беспомощности. Словно видишь, как похищают частицу тебя самого, но не можешь ничего сделать, чтобы помешать этому.

Это чувство было пугающим. И если это была любовь, то он ее не хотел.

Моросил слабый, типично лондонский дождик, который, казалось, шел отовсюду, окутывая слабым влажным сиянием потемневший город и делая зонтики бесполезными. Ралстон не замечал этой мороси, все его мысли были затуманены образом Калли: перед глазами стояло ее залитое слезами лицо. И ведь именно он был причиной этих страданий.

Откровенно говоря, Гейбриел признавал, что его жизнь превратилась в беспорядочную путаницу с того самого момента, как Калли появилась на пороге его спальни — со своими огромными карими глазами и соблазнительными пухлыми губами — и попросила поцеловать ее.

Сегодня вечером она дала ему возможность уйти — вернуться к прежней идеально обустроенной жизни. Проводить дни в клубах, тавернах и забыть, что когда-то он был тесно связан со склонной к авантурным приключениям девушкой, которая остается без внимания кавалеров и которая, по-видимому, совершенно не осознает тех рамок, в которые ставит людей светское общество.

Ему следовало при малейшей возможности бежать от этой раздражающей особы.

Но теперь, когда Ралстон размышлял о своей прежней жизни, которую вел до той ночи, когда она ворвалась в его спальню, то эта жизнь уже не казалась ему столь идеальной. В ней ощутимо не хватало смеха, разговоров и совершенно неприличных визитов в таверны и клубы вместе со склонными к авантюрам особами. В ней не хватало открытых улыбок, соблазнительных изгибов и безумных списков. В ней не хватало Калли.

И перспектива возвращения к жизни без нее была поистине гнетущей.

Гейбриел бродил несколько часов, много раз проходя мимо Ралстон-Хауса, блуждая по темному городу, лихорадочно размышляя. Его пальто промокло насквозь, когда он, подняв глаза, увидел, что находится перед Аллендейл-Хаусом. Особняк был темным за исключением

комнаты на нижнем этаже, выходящей в боковой сад, и Ралстон долго стоял, глядя на золотистый свет, льющийся из окон. Решение было принято.

Ралстон постучал в дверь, и когда пожилой дворецкий, в которого он буквально вселил страх в свой предыдущий визит, открыл дверь и изумленно вытаращил глаза, узнав его, Ралстон произнес одну лишь фразу:

— Я пришел встретиться с хозяином дома.

Дворецкий, казалось, прочувствовал безотлагательность дела, поскольку не стал предупреждать о вероятном отсутствии хозяина или искать другие отговорки с намеком на неуместность столь позднего визита. Лишь сделал знак подождать и шаркающей походкой отправился доложить о визитере.

Не прошло и минуты, как он вернулся, принял у Ралстона промокшее пальто и шляпу и жестом пригласил пройти в кабинет хозяина. Маркиз, оказавшись в большой, хорошо освещенной комнате, закрыл за собой дверь. Он увидел, что Бенедикт облокотился на краешек большого дубового стола и, сдвинув на кончик носа очки, просматривает стопку газет, лежащую перед ним. Когда щелкнул замок, Бенедикт поднял голову.

— Ралстон, — поприветствовал он гостя.

Тот наклонил голову.

— Спасибо, что согласились меня принять:

Бенедикт улыбнулся и отодвинул газеты в сторону.

— Честно говоря, я умирал со скуки, так что ваше появление стало для меня приятным отвлечением.

— Думаю, что вы измените свое мнение, услышав то, что я пришел сказать.

Граф поднял бровь.

— Что ж, тогда выкладывайте сразу.

— Я скомпрометировал вашу сестру.

Сначала Бенедикт ничем не выдал, что услышал и осознал признание Ралстона. Он не пошевелился и не отвел взгляда от своего гостя. Затем выпрямился во весь свой немалый рост, медленно снял очки и, положив их поверх газет, подошел к Ралстону.

Стоя перед маркизом, Бенедикт произнес:

— Полагаю, речь идет о Калли?

Взгляд Ралстона оставался таким же твердым.

— Да.

— Я могу предположить, что вы преувеличиваете серьезность ситуации?

— Нет. Я действительно скомпрометировал ее. Весьма основательно.

Бенедикт задумчиво кивнул, а затем внезапно ударил его.

Ралстон даже не заметил удара; он пошатнулся, и вспышка боли взорвалась в его скуле. Когда он выпрямился, то увидел, что Бенедикт невозмутимо потирает руку. Извиняющимся тоном граф произнес:

— Я должен был это сделать.

Ралстон спокойно кивнул, потирая кожу вокруг глаза.

— Ничего другого я и не ожидал.

Бенедикт подошел к низенькому столику и налил два бокала скотча. Один бокал он протянул Ралстону.

— Полагаю, вам следует объясниться.

Ралстон взял бокал и произнес:

— На самом деле все очень просто. Я скомпрометировал вашу сестру и хотел бы на ней жениться.

Бенедикт уселся в большое кожаное кресло и мгновение внимательно смотрел на Ралстона.

— Если все так просто, то отчего же вы заявляетесь ко мне среди ночи, вымокший до нитки?

Ралстон уселся в кресло напротив Бенедикта и сказал:

— Полагаю, все это совершенно очевидно только для меня.

— Ага. — Граф начал понимать, в чем дело. — Калли вам отказала.

— Ваша сестра способна просто вывести из себя.

— Да, этого у нее не отнимешь.

— Она не хочет выходить за меня. Поэтому я пришел сюда, чтобы заручиться вашей поддержкой.

— Конечно же, она за вас выйдет, — ответил Бенедикт, и Ралстона окатила волна облегчения — гораздо более сильная, чем он ожидал. — Но я не стану принуждать ее. Вы должны ее убедить.

Облегчение оказалось слишком кратковременным.

— Я пытался. Никакие разумные доводы на нее не действуют.

Бенедикт рассмеялся, услышав в голосе Ралстона удивление и раздражение.

— Вы говорите как человек, у которого не было сестер. Они никогда не прислушиваются к голосу разума.

Ралстон слегка улыбнулся:

— Да, я начинаю это замечать.

— А она сказала вам, почему не хочет выходить за вас?

Ралстон сделал большой глоток скотча, обдумывая ответ, и наконец произнес:

— Она говорит, что любит меня.

Бенедикт широко раскрыл глаза и сказал:

— Это больше походит на причину, по которой стоит выходить замуж.

— Абсолютно верно. — Ралстон подался вперед. — Но как мне ее в этом убедить?

Бенедикт откинулся на спинку кресла, поймал сердитый взгляд Ралстона, и ему стало жалко маркиза.

— Калли — безнадежный романтик. Такой она была с раннего детства. Это было естественным следствием того, что мы все—дети полного и безоговорочного брака по любви; того, что она прочитала все любовные романы, которые смогла достать за двадцать лет, и того, что я поощрял ее намерение не соглашаться на брак без любви. И меня не удивляет, что она отказывается выйти за вас замуж, не имея надежды на вашу любовь. Отсюда возникает вопрос: вы ее любите?

— Я... — Ралстон умолк. Любит ли он ее?

Бенедикт улыбнулся, наблюдая за ходом мыслей, отражавшимся на лице Ралстона.

— Подумайте хорошенько, чтобы быть готовым к ответу, когда она спросит вас об этом, старина.

— Я стану ей хорошим мужем.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Для этого у меня есть деньги, земли и титул.

— Если вы знаете Калли, то должны понимать, что все это для нее не имеет значения.

— Не имеет. И это является еще одной причиной, дающей мне право считать, что она гораздо лучше, чем я заслуживаю. Но для вас это должно иметь значение, поэтому я и говорю об этом с вами.

Взгляд карих глаз Бенедикта натолкнулся на решительный взгляд Ралстона, и между ними установилось взаимопонимание.

— Я это ценю.

— Значит, я получил ваше благословение?

— На брак? Да. Но не моего согласия вы должны добиваться.

— Я не стану ее принуждать. Но для того, чтобы убедить ее, мне нужно провести некоторое время с ней. Наедине. И как можно скорее.

Бенедикт сделал глоток скотча и внимательно посмотрел на Ралстона. Заметив, как печален

его взгляд, как напряжена фигура, граф сжалился над маркизом, которого его сестра заставила так страдать.

— Если состояние Калли в данный момент напоминает то полубезумное состояние, в каком вы, на мой взгляд, пребываете сейчас, то посоветую вам поискать мою сестру в библиотеке.

Ралстон сдвинул брови.

— Почему вы решили сказать мне это?

Бенедикт усмехнулся:

— Достаточно сказать, что мне не хочется, чтобы моя сестра страдала. Попробуйте застать ее в библиотеке. Я вам не буду мешать. Но не дай Бог, там вас увидит моя матушка — в таком случае вам не позавидуешь.

Ралстон робко улыбнулся в ответ на его шутку.

— Постараюсь проскользнуть незаметно, хотя, честно говоря, ультиматум вашей матушки в этом случае, возможно, как раз и способствовал бы достижению моей цели. — Ралстон встал и, воинственно расправив плечи, посмотрел на Бенедикта: — Благодарю вас. Обещаю, что приложу все усилия, чтобы сделать Калли счастливой.

Лорд Аллендейл поднял стакан, скрепляя клятву маркиза.

— Вам стоило бы подумать о том, как завтра же получить специальную лицензию на брак.

Ралстон кивнул, молчаливо подтверждая свое намерение жениться на Калли как можно скорее, и вышел из комнаты. Он прошел по слабо освещенному тихому коридору к двери библиотеки, осторожно взялся за ручку и сделал глубокий вдох, чтобы хоть немного успокоиться. Никогда еще он так сильно не нервничал, не был так озабочен исходом предстоящего разговора, не был готов на все для достижения своей цели.

Гейбриел распахнул дверь и тотчас увидел ее, несмотря на то что в библиотеке было почти темно. Калли свернулась клубочком в одном из больших кожаных кресел у камина. Она сидела спиной к двери, подперев рукой подбородок и глядя на пламя в камине. Гейбриел заметил, что подол голубого атласа спадал с кресла, почти касаясь пола, — она все еще была в своем прелестном бальном платье. Калли вздохнула, когда он тихо закрыл дверь и подошел к ней, любуясь изящным изгибом шеи и нежной кожей над глубоким вырезом платья. Когда Ралстон осторожно встал позади нее, она тихо произнесла:

— Вообще-то мне не нужна компания, Бенни.

Гейбриел не промолвил ни слова в ответ, только крадучись обошел кресло и присел на оттоманку, которую она отодвинула в сторону, когда садилась в кресло. В этот момент Калли повернула голову, и у нее перехватило дыхание; она выпрямилась и спустила на пол ноги.

— Что... что вы здесь делаете?

Ралстон наклонился вперед и сказал:

— Я попытался держаться от тебя в стороне. Но я обязательно должен кое-что сказать тебе.

Калли в изумлении покачала головой:

— Если вас застанут здесь... Бенедикт в соседней комнате! Как вы сюда попали?

— Твой брат впустил меня. Он знает, что я здесь. И боюсь, императрица, он на моей стороне.

— Ты ему все рассказал?

Калли пришла в ужас.

— Именно так. Ты не оставила мне выбора. А теперь, пожалуйста, помолчи и послушай: мне нужно многое тебе сказать.

Калли отрицательно покачала головой, опасаясь, что не устоит перед его потоком соблазнительного красноречия.

— Гейбриел... прошу тебя... не нужно.

— Нет. Теперь ты играешь обеими нашими жизнями, Калли. И я не позволю тебе принимать решение, пока ты не выслушаешь меня и все хорошенько не обдумаешь.

Калли поджала под себя ноги и свернулась в маленький грустный комочек. От этого вида у Гейбриела сжалось сердце.

— Ты меня любишь. Разве ты не чувствуешь, что тебе самой необходимо выслушать то, что я просто не могу не сказать?

Она крепко зажмурилась и застонала в смущении.

— О Господи, пожалуйста, не возвращайся к этому. Поверить не могу, что призналась тебе.

Гейбриел протянул руку и провел пальцем по щеке девушки, затем произнес серьезным ровным тоном:

— Понимаешь, я не позволю тебе взять свои слова обратно.

Калли открыла глаза, и настолько открытым и ясным был ее взгляд, что ему стало трудно дышать.

— Я и не собиралась.

— Хорошо, — сказал Ралстон. — А теперь послушай меня. — Он не знал, с чего начать, и сказал первое, что пришло в голову: — Моя матушка была очень красива — темные волосы, сияющие голубые глаза, тонкие черты лица, как у Джулианы. Она была чуть старше ее, когда покинула нас, сбежала на континент, оставив здесь свою семью и прежнюю жизнь. Мои воспоминания о ней очень расплывчаты, но одно я помню с абсолютной точностью — мой отец был без ума от нее.

Я помню, как тайком вылезал из постели, чтобы подслушать их разговоры, когда был маленьким. В один из таких вечеров я услышал странный шум, доносившийся из кабинета моего отца. Мне стало любопытно, и я крадучись спустился вниз по лестнице. В коридоре было темно, но дверь в кабинет оказалась распахнута.

Он замолчал, и Калли подалась вперед: рассказ маркиза вызвал в ней чувство беспокойства.

— Я заглянул в комнату и увидел изящные очертания фигуры моей матери: она стояла ко мне

спиной, строгая и бесчувственная, — такой она всегда была со мной и с Ником. Она стояла в центре комнаты в идеально отглаженном платье светло-лилового цвета, а отец, опустившись на колени, обеими руками обнимал ее ноги и плакал. — Слова теперь давались Ралстону легче, и Калли видела, как затуманились его глаза, когда перед ним вставали образы прошлого. — Звуки, которые я услышал с верхней площадки, были всхлипываниями моего отца. Он упрасивал, умолял ее остаться. Прижав ее холодную бесчувственную руку к своей щеке, он признавался ей в своей неугасимой, вечной любви, говорил, что любит ее больше жизни, больше своих сыновей, больше всего на свете. Он умолял ее остаться, вновь и вновь повторяя слова признания, словно они могли смягчить ее бесстрастные взгляды, изменить ее равнодушие к нему, к сыновьям.

Мать исчезла следующим утром. И в каком-то смысле то же самое произошло и с отцом.

Ралстон помолчал; его мысли витали далеко в событиях двадцатипятилетней давности.

— Той ночью я дал себе две клятвы. Первое — я никогда больше не буду подслушивать. И второе — я никогда не стану жертвой любви. В тот день я начал играть на пианино... это был единственный способ заглушить печаль.

Когда Гейбриел вновь посмотрел на Калли, то увидел, что слезы струятся по ее щекам, и взгляд его тотчас прояснился. Он потянулся к ней и обхватил ладонями ее лицо, смахивая слезинки большими пальцами.

— О, Калли, только не плачь. — Ралстон наклонился и нежно поцеловал ее, и она почувствовала своими губами влажность и теплоту его губ. — Прислонившись лбом к ее лбу, он улыбнулся. — Не стоит плакать из-за меня, императрица.

— Я плачу не из-за тебя, — ответила она, коснувшись рукой его щеки. — Я плачу о том маленьком мальчике, у которого не было шанса поверить в любовь. И о твоём отце, которому, по-видимому, тоже не суждено было ее испытать. Потому что это была одержимость, а не любовь. Любовь не бывает односторонней и эгоистичной. Она щедра, великодушна и меняет жизнь к лучшему. Любовь не разрушает, Гейбриел, создает.

Он задумался над ее словами, над ее страстной верой в то чувство, которого он избегал всю свою сознательную жизнь, и решил сказать правду.

— Я не могу обещать тебе любви, Калли. Та часть меня, которая могла... которая, возможно, могла... слишком долго оставалась закрытой. Но я сделаю абсолютно все, что в моих силах, чтобы стать для тебя добрым и великодушным мужем. Создать тебе ту жизнь, которой ты достойна. И если ты дашь мне этот шанс, то тебе никогда не придется усомниться в том, как много ты для меня значишь.

Он встал с оттоманки, опустился на колени, и Калли не смогла удержаться от сравнения, проведя параллель между этим моментом и той сценой, которая произошла между его родителями.

— Прошу тебя, Калли. Прошу тебя оказать мне большую честь и стать моей женой.

Эти слова были произнесены страстным, берущим за душу шепотом, и Калли не смогла устоять. Как могла она отказать ему после всех его признаний? Как могла она отказать себе?

— Да, — тихо промолвила она, так что он едва смог расслышать.

Ралстон недоверчиво улыбнулся:

— Скажи это еще раз.

— Да, — повторила она, на этот раз тверже и увереннее. — Да, я выйду за тебя замуж.

Калли коснулось дыхание Ралстона, и она почувствовала запах скотча и чего-то более необычного, более мужского, и ее пронзило чувство полного и абсолютного восторга. Это был Ралстон, ее будущий муж, и он заставлял ее ощущать себя такой нежной и податливой, такой живой. Он покрывал поцелуями ее шею, шепча ее имя словно молитву, и поднял ее руки, положив их себе на плечи, и коснулся губами нежной кожи над вырезом платья. Дыхание Калли участилось, когда его сильные руки скользнули по ее телу и он обхватил ее груди своими ладонями жестом полного и абсолютного обладания.

— Это платье, — произнес он, и слова были тягучими и плавными, — оно греховное.

Калли не смогла сдержать улыбки, когда он слегка откинулся назад, наблюдая, как вздымается обтянутая атласом грудь.

— Ты так считаешь?

— Несомненно. Оно создано, чтобы сводить мужчин с ума... чтобы подчеркивать все твои роскошные формы, — он неторопливо провел пальцем под атласным вырезом слегка коснувшись кончика соска, — не выставляя их напоказ. Смотреть на него — такая мука, — добавил он соблазняющим тоном, спуская вырез платья ниже, так что показался один напряженный сосок, подставленный прохладному воздуху и его горячим губам. Он втянул сосок, и Калли изогнулась, прижимаясь к нему, но Ралстон отпустил ее и произнес: — Когда мы поженимся, я накоплю тебе таких платьев всех возможных расцветок.

Калли хихикнула в ответ на его слова, и смех ее сменился сначала вздохом, а затем слабым стоном, когда его губы стали творить чудеса на ее нежной, чувствительной коже. Он продлил это наслаждение достаточно долго, но вскоре опомнился, вспомнив, где они находятся.

— Мне пришло в голову, милая, — сказал Гейбриел, вновь отстраняясь, — что это крайне неподходящее место, чтобы заниматься здесь таким деликатным делом, в то время как все твоё семейство находится совсем рядом.

Он встретил ее взгляд, и тягучая страсть в глазах Калли на мгновение захватила его, и, слегка застонав, он вновь обхватил ее губы горячим поцелуем, который на несколько долгих минут лишил их способности мыслить и рассуждать. Когда он вновь отстранился и оба они тяжело дышали, он поправил ей платье, запечатлев на нежной коже груди легкий поцелуй.

— Я не могу остаться, императрица. Ты для меня слишком сильный соблазн, а я не настолько силен и добродетелен, чтобы устоять перед ним.

Он произнес эти слова тихо на ушко Калли, уткнувшись носом ей в волосы, которые он больше не считал обычными каштановыми. Теперь они казались ему насыщенного шоколадного цвета с оттенком красного дерева, которому отныне он отдавал предпочтение перед всеми другими цветами.

— Я вернусь завтра. Возможно, нам удастся прогуляться по Серпентайну.

Калли не хотелось, чтобы Гейбриел уходил. Не хотелось, чтобы эта ночь кончалась. Не

хотелось утром обнаружить, что все происходящее было всего лишь прекрасным, изумительным и очень реальным сном.

— Не уходи, — прошептала она, смело положив руку ему на затылок и захватывая его губы долгим поцелуем. — Останься.

Гейбриел улыбнулся и коснулся лбом ее лба.

— Ты очень плохо на меня влияешь. Я пытаюсь перевернуть новую страницу — стараюсь вести себя более подобающим джентльмену образом.

— А что, если я хочу, чтобы ты остался шалопаем? — поддразнила она, пальцем проводя по его шее и груди, дотрагиваясь до пуговиц на жилете. — Даже распутником?

Калли расстегнула одну пуговицу, и Ралстон взял ее ладонь, поднес к губам и запечатлел мимолетный поцелуй.

— Калли, — произнес он тоном, в котором отчетливо прозвучало предупреждение, когда она свободной рукой взялась за вторую пуговицу.

Она поцеловала его в четко очерченную скулу и прошептала дрожащим от волнения голосом:

— Уложи меня в постель, Гейбриел. Позволь мне испробовать вкус греха.

Дыхание Ралстона участилось при этих словах, но он понял, что если сейчас уйдет, то это будет самый благородный поступок, который он совершал за всю свою жизнь. Глубоким, чуть хриплым голосом он ответил:

— Полагаю, ты достаточно вкусила его за последние несколько недель, императрица.

— Но ведь как только мы поженимся, это станет возвращением к прежней заурядной Калли. Возможно, это мой последний шанс.

Тень неуверенности в себе омрачила ее лицо.

— Даже не сомневайся, милая: в тебе нет ничего заурядного.

Он снова поцеловал ее, поглаживая, пока она не отстранилась от него, тяжело дыша.

Заглянув ему в глаза, она попыталась вновь:

— Пойдем наверх, Гейбриел.

Последовала долгая пауза, и Калли подумала, что позволила себе зайти слишком далеко. Гейбриел встал, протянул к ней руки и, подняв на ноги, поставил перед собой.

— Ты понимаешь, что, если нас застанут, нам придется пожениться незамедлительно?

Ее охватило восторженное возбуждение.

— Я понимаю.

— И у тебя не будет роскошной свадьбы, о какой, несомненно, так давно мечтает твоя матушка.

Калли покачала головой:

— В любом случае я никогда не хотела такой свадьбы. Матушка может отыграться и на Марианне.

Она подняла руки и обняла его за широкие плечи.

— И твоя матушка никогда не простит мне, что я испортил репутацию ее старшей дочери.

Он тоже обнял ее и крепко прижал к себе.

— О, она простит тебя. Маркизы редко испытывают на себе всю силу материнского гнева. И позволю вам напомнить, сэр, что моя репутация и так погублена.

Гейбриел хихикнул.

— Ну что ж, леди, ведите меня.

Они стали украдкой подниматься вверх, напрямик в спальню Калли. Дверь за ними бесшумно закрылась, и воздух тотчас сгустился от напряжения. Калли мгновенно ощутила нервозность.

Присутствие мужчины казалось неуместным в этой изящной маленькой комнатке. Калли посмотрела на свои крепко сцепленные руки и подумала: разве приходило ей голову, что когда-нибудь она окажется с маркизом в этом интимном месте в такой близости? Конечно же, нет.

Но он поднял ее подбородок и, коснувшись ее губ своими губами, притянул к себе настолько крепко, что все мысли разом покинули ее.

Его руки быстро скользнули по длинному ряду пуговиц на ее платье. Калли почувствовала, как натяжение ткани ослабло и прохладный воздух коснулся ее разгоряченной кожи, и поняла, что он останется и что эта ночь станет самой важной в ее жизни — ночь, когда она приняла предложение Ралстона, первая ночь их будущей совместной жизни. И она не могла отрицать неизбежности и естественности всего происходящего — того, что он находится здесь с ней, что его губы ласкают ее, а руки снимают платье, обнажая...

— О моя императрица!

Восторженное восклицание Ралстона отвлекло Калли от ее мыслей. Его взгляд был прикован к нижнему белью из шелка. Изящная ткань облегла ее прекрасные изгибы, соблазнительно намекая на то, что скрывается под ней. Он напомнил ей хищника — голодного, страстно желающего завладеть своей жертвой. И у Калли перехватило дыхание, когда их взгляды встретились и в его глазах она увидела страсть.

Она залилась румянцем.

— Мадам Эбер сказала, что это мне понадобится.

Его глаза потемнели до насыщенно-полуночного оттенка.

— Мадам Эбер была права.

Глава 23

Калли разбудил шелест газетных страниц.

Она открыла глаза и, не сразу сориентировавшись в сумеречном сером свете, обычном для этого предрассветного часа, вновь закрыла.

Огонь в камине давно уже погас, и девушка свернулась клубочком и придвинулась ближе к источнику тепла рядом с ней, прижимаясь всем телом к гладкой теплой коже... и только тут осознала, от кого же исходит это тепло.

Она широко раскрыла глаза и наткнулась на веселый взгляд Ралстона.

— Доброе утро, императрица.

Еще не окончательно проснувшись, Калли скорее ощутила, чем услышала слова, гулко прокатившиеся в его груди, и покраснела. Ведь не каждый день просыпаешься в постели рядом с мужчиной. Отстранившись от него в отчаянной попытке принять надлежащий леди вид, Калли ответила:

— Доброе утро. А который час?

— Почти пять, — ответил Гейбриел, и его рука ловко нырнула под нее и вернула в прежнее положение, прижав к теплему, мускулистому и абсолютно обнаженному телу. — Слишком рано, чтобы подниматься с постели.

— Нас застанут, — шепотом произнесла она.

— Гм-гм, — пробормотал Ралстон, уткнувшись ей в шею, затем отстранился от нее. — Мне просто невозможно оторваться от тебя, такой теплой, нежной и соблазнительной, но я буду утешаться тем, что очень скоро мне этого больше делать не придется.

Калли наблюдала, как он одевается, любуясь его великолепной фигурой; затем он наклонился над ней и запечатлел восхитительный прощальный поцелуй.

— Ты будешь на балу у Чилтонов сегодня вечером?

— Я собиралась пойти.

— Замечательно. Там и встретимся. Оставь за мной один вальс. — Гейбриел вновь поцеловал ее, смакуя ее аромат. — Оставь мне все вальсы.

Калли улыбнулась:

— Это наверняка наделает шуму, сэр.

— Несомненно, но я полагаю, наша репутация это стерпит. — Ралстон подмигнул ей. — К этому времени у меня на руках уже будет специальная лицензия. Как ты согласишься на то, чтобы пожениться сегодня вечером на балу у Чилтонов и покончить со всем этим?

В груди у нее разлилось тепло.

— Думаю, некоторых представителей высшего света это весьма огорчит.

— Им придется это пережить, — ответил Гейбриел и страстно поцеловал ее. Он ушел, оставив Калли ошеломленной, измученной и счастливой.

Девушка почти мгновенно заснула, но и во сне не расставалась с возлюбленным, наслаждаясь картинами их совместной будущей жизни.

— О, Калли! Маркиз!

Калли широко раскрыла глаза, услышав восклицание своей матушки, и в надежде на поддержку посмотрела на своих брата и сестру, сидевших в экипаже напротив. И сразу же поняла, что надеяться ей не на что. Марианна глуповато улыбалась, очевидно, обрадованная тем, что в этот вечер разговоры о ее предстоящей свадьбе уже не будут главной темой Обсуждений и пересудов. А у Бенедикта был такой вид, словно он всерьез подумывал, чтобы выпрыгнуть из экипажа на ходу, лишь бы не слышать возбужденного щебетанья матушки.

— Я не могу поверить, что ты окрутила маркиза, Калли! Тем более Ралстона! А ты, Бенедикт! — переключила внимание на сына графиня. — Поверить не могу, что ты так долго скрывал от меня планы Ралстона!

— Ну ведь и Калли, и Ралстон держали свои планы в секрете, мама.

Герцогиня вновь разразилась оживленным щебетаньем, а Бенедикт поднял бровь и, беззвучно шевеля губами, произнес: «От нас всех».

Калли не сдержалась и слегка взмахнула ножкой в башмачке.

— Ох! — воскликнул Бенедикт и нагнулся, потирая ушибленную голень.

— О, извини, Бенни, — мило произнесла Калли. — Должно быть, все дело в моих нервах.

Бенедикт прищурился, а матушка проговорила:

— Конечно же, ты нервничаешь, дорогая! Подумать только! Наша Калли! Обручена! С Ралстоном!

— Мама, только, прошу тебя, не делай из этой новости представление сегодня вечером: не стоит сообщать о моей помолвке всем и каждому, хорошо? — взмолилась Калли. — Мне бы не хотелось смущать Ралстона.

Бенедикт и Марианна дружно рассмеялись при предположении о том, что графиня способна проявить подобную тактичность.

— Поздноато говорить об этом, тебе не кажется, Калли? — поддразнил ее Бенедикт, выходя из остановившегося экипажа и помогая спуститься своей матушке и сестрам.

Прежде чем выйти из экипажа, графиня утешающим жестом положила руку на колено Калли.

— Чепуха, Калли. Ралстон давно вращается в свете и знает, как это бывает. Он поймет радость матери.

Матушка вышла из экипажа, а Калли простионала:

— Мне следовало уговорить Ралстона на побег.

Марианна широко улыбнулась:

— Теперь ты представляешь, каково приходится мне.

Она подмигнула сестре и последовала за матерью.

Когда Калли вышла из экипажа, ее матушка уже поднималась по парадной лестнице Чилтон-Хауса, радостно сообщая свою новость всем, кто готов был ее выслушать, и у Калли возникло нехорошее предчувствие, что этот вечер станет одним из самых ужасных в ее жизни. Она посмотрела на брата и сестру и сказала скорее утвердительно, чем вопросительно:

— На вашу помощь рассчитывать не приходится.

В ответ они улынулись, не в силах скрыть охватившего их веселья.

— Может, тебе следует попытаться найти Ралстона, Калли? Прежде чем матушка начнет испытывать на нем свои чары? — услужливо подсказала Марианна.

— Это называется чарами? — Калли повернулась, наблюдая, как их мать — в пышном наряде ярко-зеленого цвета, дополненном огромным головным убором, отделанным кружевами и страусиными перьями, — возбужденно рассказывает что-то леди Лавуэлл, самой известной сплетнице света, интимно постукивая веером по ее руке.

— О Господи, — выдохнула Калли.

— Я и сам пытался молиться, — сказал Бенедикт добродушно, — но это не действует. Полагаю, она заключила сделку с Создателем.

— Или с кем-то другим, — возразила Калли и, поправив шаль, последовала за матушкой, провожаемая смехом брата и сестры.

Войдя в зал, Калли безуспешно пыталась отыскать Ралстона в толпе гостей. Она стояла, стараясь сохранять невозмутимый вид, медленно поворачиваясь из стороны в сторону, выискивая его взглядом. Однако ее небольшой рост делал эту задачу довольно сложной, и, вздохнув, она по привычке направилась к «скамье старых дев».

Калли едва успела обогнуть угол зала и увидеть мисс Элоизу и тетюшку Беатрис, как у нее за плечом тихо раздался низкий знакомый голос:

— И куда же вы направились, императрица?

Возбуждение пронзило ее, и Калли обернулась к Ралстону, не в силах скрыть удовольствие от того, что он сумел отыскать ее в этой толчее.

Как только она оказалась с ним лицом к лицу, — таким высоким, широкоплечим, красивым, безупречно одетым, с накрахмаленным галстуком, — ее мгновенно охватила робость. Интересно, что говорят жениху, которого последний раз ты видела утром в своей спальне, когда он перед рассветом тайком выскальзывал из твоего дома?

Маркиз надменно поднял бровь, словно читая ее мысли. Раздались первые звуки вальса, и Ралстон взял ее руку в свою.

— Мне бы очень хотелось станцевать первый вальс со своей невестой, — как ни в чем не бывало произнес он.

— О... — только и смогла она произнести.

Несколько мгновений они двигались молча, затем Ралстон спросил:

— Итак, куда же ты направлялась?

Калли покачала головой, не отрывая взгляда от его галстука.

— Никуда.

Он слегка отстранился, наклонил голову и посмотрел на нее.

— Калли, — произнес он таким тоном, перед которым — в этом она была абсолютно уверена — не смогла бы устоять ни одна женщина. — Куда ты направлялась?

— На «скамью старых дев», — выпалила она и тотчас пожалела о своих словах.

Ралстон моргнул, бросил взгляд на пожилых дам в нескольких футах от них, потом вновь посмотрел на Калли. Губы его слегка искривились в усмешке.

— Зачем?

У нее запылали щеки.

— Я... я не знаю.

— Ты теперь не старая дева, а красавица, — прошептал он ей на ухо.

— Не называй меня так.

Калли окинула быстрым взглядом окружающих — а вдруг кто-то смотрит на них и услышит их разговор? Казалось, что на них смотрят абсолютно все. Матушка не теряла времени даром.

Он быстро развернул ее к себе, вновь завладевая ее вниманием.

— Но ведь это правда, — запротестовал он с притворно невинным видом. — Скоро ты станешь маркизой Ралстон. Я не хочу сказать, что тебе не следует общаться с мисс Элоизой и Беатрис, — поддразнил он. — Я просто напоминаю, что тебе следует переименовать то место, где происходит ваше общение.

Калли не смогла сдержать улыбки.

— Я предпочла бы вальсировать с вами, милорд, нежели сидеть с ними.

Слова вырвались у нее, и Калли подумала, не слишком ли она торопит события... не слишком ли давит на него. Ведь Ралстон никогда не любил высший свет, и нет никакой причины, чтобы теперь он начал исправно посещать званые вечера. Она рискнула заглянуть в его понимающие веселые глаза.

— Я и сам предпочитаю именно это, миледи.

Калли мысленно вновь и вновь проигрывала эти слова, в то время как он кружил ее по залу, и согревалась мыслью о том, что будет часто танцевать с ним, когда они поженятся. Краешком глаза Калли заметила Джулиану, которая наблюдала за ними с широкой улыбкой на лице. Калли повернулась к Ралстону и заметила:

— Ты рассказал о нас брату и сестре.

— Я подумал, пусть лучше они узнают об этом от меня, чем от твоей матушки.

Калли поморщилась при этих словах.

— Мне очень жаль, Гейбриел: я пыталась убавить ее пыл.

Ралстон рассмеялся в ответ.

— Ты сама знаешь, что это бесполезно, так что и пытаться не стоило. Пусть порадуетя.

— Ты не сможешь долго этого выносить, — предупредила Калли.

— Что ж, думаю, стоит наслаждаться моим великодушием сейчас, пока оно не иссякло.

Он покружил ее и остановился, когда музыка умолкла; они направились к Джулиане, которая бросилась в объятия Калли с тихим визгом. Калли рассмеялась, но не могла не поддаться праздничной атмосфере вечера и возбуждению, которое охватывало ее при мысли о предстоящем замужестве. Их оживленный разговор вскоре был прерван: началась кадрили. К ним подошел Ник. Низко поклонившись, он пригласил Калли на танец. Та с радостью приняла приглашение своего будущего деверя, и они присоединились к другим парам. После кадрили ее тотчас пригласили на сельский танец, на вторую кадрили, на менуэт. И так она танцевала каждый танец без перерыва в течение первого часа. И чудесно проводила время.

Прогуливаясь по залу с лордом Уэстоном, приятным молодым человеком, который должен был унаследовать титул герцога, Калли изумлялась странному повороту событий: от «скамьи старых дев» до первой красавицы бала, и все это благодаря предложению руки и сердца.

Она замедлила шаг.

Ралстон.

И тут, словно она вызвала его силой своей мысли, он оказался рядом и, взяв ее под локоток, повел к выходу из зала.

— Ты хорошо проводишь время? — поинтересовался он с совершенно невинным видом и повел ее из душного зала на маленький балкон.

Калли посмотрела на звездное небо.

— Танцевать каждый танец, — тихо произнесла она. — Ралстон, я никогда так много не танцевала в своей жизни, как этим вечером.

— Мне не доставило удовольствия наблюдать, как ты танцуешь с другими мужчинами. Я бы предпочел вообще не посещать этот бал, чтобы не стоять в очереди, дожидаясь возможности коснуться тебя неприличным образом.

Калли возмущенно охнула.

— Мои партнеры не касались меня неприличным образом!

— Тебе придется привыкнуть полагаться на мое суждение в подобных вопросах. — Гейбриел придвинулся ближе, так что между ними оставалось не более нескольких дюймов. Он убрал с

ее лица выбившийся завиток. — Они вели себя неприлично. Особенно Уэстон.

Тут она рассмеялась.

— Лорд Уэстон без ума от своей жены.

Леди Уэстон считалась одной из самых красивых женщин Лондона.

— Она блекнет в сравнении с тобой, — с гордостью произнес Гейбриел, и эти слова прозвучали для нее прекрасной музыкой. Калли зарделась.

Ралстон взял ее за подбородок, и Калли не смогла найти слов.

— Правда?

— В самом деле. — Он слегка коснулся ее губ, поддразнивая, а затем страстно поцеловал, отчего у нее ослабели колени. Калли вздохнула, испытывая отчаянное желание оказаться не здесь — в другом месте, где они могли бы насладиться друг другом. Она прижалась к нему теснее, желая полнее ощутить его тепло, и внутри ее стал разгораться жар; Ралстон издал низкий горловой стон.

— Мне следовало догадаться, что ты затаишься с ней в укромном уголке, Ралстон. Закрепляешь свою победу?

Калли мгновенно отпрянула, услышав эти слова, которые раздались со стороны балконной двери. Она не видела говорившего, но от ненависти, прозвучавшей в его голосе, по ее спине пробежал холодок.

Ралстон напрягся и развернулся лицом к барону, пытаясь прикрыть собой Калли.

— Оксфорд, — произнес он, и в его тоне прозвучало предупреждение.

— Я услышал новость о вашем скором бракосочетании, — произнес Оксфорд. Калли выступила вперед из-за своего укрытия и взглянула в лицо барону. — Признаюсь, был весьма удивлен, узнав, что ты проявил такой интерес к леди Кальпурнии, Ралстон.

— На твоём месте я бы хорошенько подумал, прежде чем сказать еще хоть одно слово, Оксфорд, — процедил Ралстон сквозь зубы.

— С чего бы это? — Калли заметила, что при этом барон слегка покачнулся. — Мне терять нечего. Я ведь проиграл, не так ли?

Их странный разговор был прерван появлением Марианны и Бенедикта.

— Калли, — задыхаясь, произнесла Марианна, — тебе следует пойти со мной.

Калли широко раскрыла глаза.

— Почему? Что случилось?

Марианна смерила Ралстона уничтожающим надменным взглядом.

— К счастью, пока ничего. — Повернувшись к сестре, она повторила: — Ты должна пойти со мной. Сейчас же.

Калли покачала головой и отступила назад, ощутив близость Ралстона. Она отметила самодовольную ухмылку Оксфорда, умоляющий взгляд Марианны, невозмутимый взгляд Бенедикта и повернулась к Ралстону.

— Гейбриел, — обратилась она к нему, и в одном этом слове смешались смтение и неуверенность.

— Калли, иди с Марианной, — вмешался Бенедикт.

Калли повернулась к своему брату.

— Нет. Я не уйду, пока кто-нибудь не объяснит мне, что происходит. — Она перевела взгляд на сестру. — Мари?

Марианна вздохнула:

— Говорят, будто Оксфорд и Ралстон заключили относительно тебя пари.

Эта идея была настолько нелепой, что Калли рассмеялась.

— Что за пари?

— Ралстон поспорил с Оксфордом, что тот не сумеет добиться твоей руки. — Бенедикт не отрывал от Ралстона взгляда, в котором читалось едва сдерживаемое отвращение. — А когда понял, что Оксфорд близок к своей цели, то решил сам заполучить тебя.

— Говорят, что ты была скомпрометирована, Калли, и именно поэтому Ралстон... — Марианна умолкла.

Калли снова рассмеялась.

— Как драматично! Ты можешь представить?

Она, улыбаясь, посмотрела на Ралстона, ожидая, что вся эта ситуация его тоже позабавит, но, увидев его напряженное, застывшее лицо, все поняла.

Калли в растерянности перевела взгляд на самодовольно улыбавшегося Оксфорда.

— Глупышка! Ты думала, что он действительно любит тебя? — произнес барон с насмешливой жалостью.

— Замолчи, Оксфорд, — ледяным тоном произнес Ралстон.

Калли повернулась к нему.

— Ты заключил пари? Относительно меня?

— Так оно и есть, — хвастливым тоном подтвердил Оксфорд, словно ему доставляло удовольствие присутствовать при этой отвратительной сцене, должной навсегда изменить ее жизнь. — Он поспорил, что ты не выйдешь за меня. А когда все стало складываться в мою пользу, он удвоил ставки и сам стал ухаживать за тобой, чтобы выиграть наверняка. Подозреваю, он также рассчитывал, что родство с вашим семейством гарантирует его сестре место в обществе.

Калли не сводила взгляда с Ралстона.

— Это правда? Ты заключил на меня пари?

Мгновение Ралстон пытался найти подходящий ответ. И в этот момент Калли все поняла.

Ралстон сделал шаг к ней, и она отпрянула, а Марианна успокаивающим жестом коснулась ее руки. Он произнес почти с отчаянием:

— Все было не так.

— Сколько?

— Калли, — шепотом произнесла Марианна, пытаясь избежать сцены, но Калли подняла руку, призывая ее молчать.

— Сколько, милорд?

Маркиз отвел глаза.

— Две тысячи фунтов.

У Калли было ощущение, словно ее ударили.

— Когда? — еле слышно произнесла она.

— Калли...

— Когда? — повторила она громче.

— В день, когда состоялся бал в честь помолвки твоей сестры.

У Калли вытянулось лицо.

— В тот день, когда ты пригласил меня танцевать.

Он широко раскрыл глаза, сопоставляя время событий.

— Калли...

— Нет. — Она покачала головой. — А когда ты удвоил ставку?

Ралстон не ответил, и она повернулась к Оксфорду.

— Когда он ее удвоил?

После некоторого колебания Оксфорд ответил:

— Во вторник.

В то утро, когда он сделал предложение. Еще совсем недавно он думал о ней как о предмете пари.

— Я должна была понять, — прошептала Калли, и голос ее прозвучал так грустно, так надрывно, что Ралстон думал, что его сердце разобьется вдребезги. — Я должна была понять,

что на самом деле ты не... ты не мог...

Калли умолкла. Слезы душили ее. Она подняла на него свои огромные карие глаза и сказала:

— Я бы в любом случае помогла тебе с Джулианой. И сделала бы все, о чем бы ты меня ни попросил.

Мысль о ее давней непоколебимой преданности переполнила ее, и одинокая слеза скатилась по щеке девушки. Калли с раздражением отерла ее. Она едва слышала веселые звуки музыки, доносившиеся из зала, — так сильно стучала кровь в ее ушах. И волна знакомой неуверенности обрушилась на нее.

Она была очень, очень глупа.

Сколько раз она говорила себе, что Ралстон не для нее? Что у нее слишком заурядная внешность, она слишком пухленькая, слишком неопытная и неинтересная, чтобы пробудить в нем интерес? Сколько раз ее предупреждали? И все же она позволила себе поверить, что мечты могут стать реальностью. Что мир вдруг повернулся вокруг своей оси и Ралстон влюбился в нее. А он всего лишь... заключил пари на ее будущее. Играл ее чувствами и любовью, словно она была безделушкой, которой можно попользоваться и выбросить за ненадобностью.

Именно такой она сейчас ощущала себя.

Оказалось, очень легко поверить, что она значила для него так мало. Так соблазнительно было вернуться обратно в комфортную безликую невидимость, оставаясь неприметной девушкой у стенки, которую мало кто замечает.

И это было большее всего.

Калли расправила плечи и произнесла абсолютно безучастным голосом:

— Вы действительно выиграли, милорд, поскольку я не только не выхожу замуж за Оксфорда, но также не выхожу замуж и за вас. Ярываю помолвку. Вы вольны вернуться к распутной жизни, потакая своим желаниям и слабостям.

Ралстон открыл рот, чтобы ответить, чтобы задержать ее, чтобы все объяснить, но она не дала ему этой возможности.

— Я прошу вас держаться от меня как можно дальше.

И ушла, проследовав мимо Бенедикта и Оксфорда в бальный зал; Марианна поспешила за ней.

Ралстон метнулся было за Калли, его раздирали два одинаково сильных чувства — неуверенность и гордость за ее вновь обретенную силу, ее стойкую непоколебимость и нежелание идти на компромисс ради своих желаний. Ему хотелось заключить ее в объятия и рассказать всю правду.

— Оставь ее.

Эти слова жестко и неприязненно произнес граф Аллендейл, вставший между Ралстоном и входом в зал, как только Калли исчезла из виду.

— Это пари ничего не значит. Мне не нужны деньги, Аллендейл. Ты ведь это знаешь.

— Я знаю. И не понимаю, какого черта ты продолжал эту нелепую игру. — Аллендейл оставался неподвижным, бросая вызов Ралстону и решительно преграждая ему путь. — Тем не менее, маркиз, вы причинили ей боль. И если вы осмелитесь вновь подойти к ней, я дух из вас вышибу. Нам и так придется непросто после расторжения этой помолвки.

— Помолка не расторгнута. — Голос Ралстона был стальным.

— Да брось ты, Ралстон. Она этого не стоит, — грубо вмешался в разговор Оксфорд.

Ралстон повернулся, посмотрел на самодовольно улыбавшегося франта, который только что разрушил самое лучшее, что было в его жизни, и переспросил:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что она этого не стоит, — повторил Оксфорд, не замечая, как посуровело лицо Ралстона, как напряглись его мускулы. — Конечно, самое лучшее в старых девах то, что они всегда готовы к ухаживаниям. Но ты же не станешь утверждать, что тебя и в самом деле могла заинтересовать такая заурядная и непривлекательная особа, как эта. Хотя она, пожалуй, горела желанием задрать для тебя свои юбки... и, подозреваю, это было что-то.

Ярость, горячая и стремительная, охватила Ралстона при этих словах, таких унижительных и отвратительных, оскорбляющих женщину, которую он собирался сделать своей женой. А в том, что Калли станет его женой, у него не было абсолютно никаких сомнений. Не важно, пьяный он или трезвый, но Оксфорд заплатит за свои слова.

Ралстон схватил барона за отвороты сюртука и ударил о каменную стену, ограждавшую одну сторону балкона. От сильного удара у барона перехватило дыхание, и он, задыхаясь, опустился на пол, хватаясь за грудь.

Ралстон сверху вниз посмотрел на жалкое создание у его ног и сказал:

— Ты только что поставил под сомнение честь моей будущей маркизы. Выбери себе секундантов. Встретимся на рассвете.

Оставив бессвязно лопочущего Оксфорда на полу, Ралстон развернулся на каблуках и уверенно посмотрел в лицо Бенедикту.

— Когда я с ним разберусь, я приду за твоей сестрой. И если ты собираешься не подпускать меня к ней, то тебе стоит обзавестись целой армией.

Глава 24

Калли, сидевшая на подоконнике свернувшись в клубочек, смахнула набежавшую слезу, вспоминая события предыдущего вечера.

Как она будет жить без него? И как она сможет жить, зная, что каждое проведенное вместе мгновение значило для него очень мало, а истинной целью было выиграть пари и помочь своей сестре получить признание общества?

Этого просто не могло быть. Каждая ее частичка отвергала мысль о том, что он мог так бессердечно ее использовать.

И однако он этого не отрицал.

И почему она не должна этому верить? Маркиз Ралстон, закоренелый шалопай и повеса, вполне мог без особых колебаний использовать ее для достижения своих целей. Разве он не делал именно это? Причем с самого начала? Разве не согласился он на поцелуй в обмен на обещание опекать его сестру? И почему она должна верить, что он мог измениться?

А ведь она верила, что мог, что его пренебрежение к прекрасному чувству любви было всего лишь отражением его печального прошлого опыта. Верила, что она любит его достаточно сильно, чтобы доказать ему, что этот мир заслуживает его любви и доверия.

В этом, вероятно, заключалась самая жестокая правда — образ Ралстона, по которому она страдала больше десяти лет, никогда не был реальным.

Даже когда она познала истинного Ралстона — того Ралстона, что не был облачен в героические одежды, — Калли не разглядела правды. И вместо того чтобы понять, что это разобьет ей сердце, она влюбилась, теперь уже не в героя своих мечтаний, а в этого нового Ралстона, со всеми его недостатками.

И она искренне поверила в то, что он может измениться, но сегодня вечером стало ясно, что та метаморфоза, свидетелем которой она стала, происходила не с ним.

Она происходила с ней.

И почти все это получилось благодаря ему.

Невидящим взглядом Калли уставилась в скомканный, потертый листок, который сжимала в своей руке, — список, ставший каким-то образом их общим. У нее сжалось сердце при мысли, что Ралстон был неотъемлемой частью этой новой, смелой, склонной к приключениям Калли, что он поддерживал ее во всех приключениях. Она бесповоротно изменилась благодаря ему.

Как пережить эту душевную боль? Как сможет она забыть, что так сильно любила его?

Этого Калли совершенно не представляла.

Но она точно знала, что не может больше ни одной минуты находиться в этой комнате. Девушка соскочила с подоконника и, открыв дверь, бесшумно прошла по затихшему дому в кабинет Бенедикта. Она решила выпить. Мужчины, по-видимому, ищут утешение в бутылке, когда находятся в отвратительном настроении, — так что же мешает ей сделать то же самое?

Войдя в комнату, Калли тотчас остановилась, обнаружив, что ее брат сидит за своим огромным письменным столом, глядя в пространство. Услышав ее шаги, он повернулся к ней, и Калли увидела, как тень набежала на его лицо.

— Калли, — произнес он, и от сочувствия, которое ему не удалось скрыть, слезы вновь заблестели у нее на глазах. — Четыре часа утра.

— Извини, — сказала Калли и попятилась, собираясь уйти.

— Нет, — он махнул рукой, приглашая ее войти, — останься.

Калли бесшумно прикрыла за собой дверь, подошла к столу и уселась в кресло напротив, поджав под себя босые ноги.

Бенедикт посмотрел ей в глаза.

— Калли?

И тут она расплакалась, быстрые и бесшумные слезы полились по ее щекам. Она опустила голову и уставилась в колени, теребя подол ночной рубашки.

— Я думала, что смогу изменить его. — Бенедикт вздохнул в ответ. — Теперь я понимаю, что не могу. Я просто... думала, что смогу помочь ему полюбить меня.

Он долго сидел молча, тщательно обдумывая ее слова.

— Калли... любовь растет... пробуждается. Не у всех любовь рождается мгновенно, как у нашей матушки и отца. Как у Марианны и Ривингтона. Ралстон слишком долго был одинок.

И вновь слезы подступили к ее глазам.

— Я люблю его, — прошептала Калли.

— Но почему не поверить, что он тоже любит тебя?

— Он поставил две тысячи фунтов на мое будущее, Бенни.

На лице брата появилось подобие улыбки.

— Не буду отрицать, что в этом он повел себя как полный идиот. Но я думаю, что злосчастное пари было всего лишь проявлением мужского самолюбия.

Калли покачала головой:

— Вы, мужчины, очень странные. — Она пожала плечами. — Но это не означает, что он любит меня. Я думаю, что вообще ему безразлична.

— Это нелепо. — Бенедикт замолчал, дожидаясь, когда Калли посмотрит ему в глаза, затем продолжил: — Я бы, конечно, предпочел, чтобы вы с Ралстоном никогда больше не встречались, Калли, принимая во внимание тот скандал, который вы учинили сегодня вечером, не говоря уже и о других скандалах, в которых вы определенно замешаны, но о которых мне ничего не известно, да я и не хочу ничего о них знать. — Бенедикт помолчал. — Однако ты забыла, что я видел его вчера вечером. Он заходил ко мне в библиотеку, перед тем как отправиться к тебе. Он любит тебя. Я это знаю, иначе никогда бы не дал ему своего благословения.

— Ты ошибаешься, — прошептала Калли. — Я думала, что моей любви хватит на нас обоих. Но это не так.

Бенедикт смотрел, как слезы струятся по лицу сестры, и наконец прервал молчание:

— Калли... Ралстон вызвал Оксфорда этим вечером.

Калли резко вскинула голову в полной уверенности, что неправильно поняла брата.

— Прости, я не поняла.

— Он вызвал Оксфорда на дуэль.

Калли потряхнула головой, пытаясь осознать услышанное.

— Нет. Этого не может быть. Ты уверен, что именно он? Может, Сент-Джон? Они ведь близнецы. Можно и перепутать.

— Калли, я прекрасно знаю, что они близнецы. И точно также уверен, что на дуэли встретятся Ралстон и Оксфорд, поскольку все это происходило при мне. А учитывая то, что эта дуэль из-за тебя...

— Из-за меня? — пискнула Калли. — Ралстон никогда бы не стал драться из-за меня на дуэли. Ведь он не любит меня, — усмехнулась она, встретив его обеспокоенный взгляд. Бенедикт промолчал, и только тут до нее окончательно дошел смысл его слов. — О Боже!

— Возможно, он и не любит тебя, Калли, но, готов поспорить, питает к тебе серьезные чувства, иначе они с Оксфордом не выбирали бы сейчас секундантов, пока мы тут с тобой беседуем.

Калли широко раскрыла глаза.

— О Боже... — Она подалась вперед и схватила его за руку. — Бенедикт, ты должен проводить меня туда.

— Калли... — Бенедикт покачал головой. — Я не могу отвезти тебя туда. Ты это знаешь.

Она вскочила с кресла и воскликнула:

— Бенедикт! Он ведь может погибнуть!

Калли стремглав бросилась из комнаты, быстро поднялась по широкой парадной лестнице обратно в свою спальню. Бенедикт последовал за ней. Она с шумом распахнула дверь и, бросившись к изысканно украшенному шкафу, достала оттуда платье.

Бенедикт прикрыл за собой дверь и попытался успокоить сестру, обратившись к ней мягким спокойным тоном:

— Его не убьют, Калли. Дуэли теперь уже не имеют смертельного исхода.

Она повернулась к нему, держа в руках муслиновое платье.

— Я не заблуждаюсь относительно того, как все это происходит, Бенедикт? Двадцать шагов, поворачиваются и стреляют? Из пистолета? Из заряженного пистолета?

— Нуда, — согласился Бенедикт и добавил: — Но смертельного исхода никто не ждет. Я хочу сказать, что за убийство на дуэли можно попасть в тюрьму.

Калли, сощурившись, посмотрела на него.

— А что, если один из участников — плохой стрелок?

Бенедикт открыл было рот, но так ничего и не ответил.

Калли покачала головой и направилась к ширме для переодевания.

— Ты меня отвезешь.

Ночная рубашка тотчас была заброшена поверх ширмы. Бенедикт воздел руки, выражая свое возмущение, и отвернулся.

— Я не возьму тебя с собой, Калли. Ты будешь ждать здесь, как и положено женщинам.

— Конечно же, я этого не стану делать. Я больше не такая покорная и послушная.

— Ты пребываешь в заблуждении, что когда-либо была покорной и послушной!

Бенедикт повернулся и обнаружил, что Калли уже одета и натягивает сапожки.

— У тебя есть выбор, Бенедикт. — Она сверкнула глазами. — Ты можешь сопровождать меня как любящий брат или остаться в стороне, в то время как я выйду из дома и буду бродить по Лондону глубокой ночью одна.

— Ты не найдешь дорогу.

— Чепуха. Ты забываешь, что мне хорошо знакома пара трактиров в этом городе. Уверена, что новость о дуэли с участием одного из самых известных лондонских аристократов разошлась быстро.

Он широко раскрыл глаза.

— Я посажу тебя под замок!

— Тогда я спущусь вниз по шпалере! — заявила она.

— Черт побери, Калли!

— Бенедикт, я люблю его! Я любила его десять лет! И только один день он принадлежал мне, прежде чем я все полностью и окончательно испортила. Или он испортил. Этого я для себя еще не решила. И неужели ты думаешь, что я не буду бороться за его спасение?

Эти слова повисли между ними, брат и сестра упрямо смотрели друг на друга.

— Прощу тебя, Бенни, — тихо и печально произнесла она. — Я люблю его.

Граф Аллендейл издал долгий вздох.

— Господи, за что мне эта твоя кара! Я прикажу заложить экипаж.

— Уверен, что ты этого хочешь? — Ник прислонился спиной к одинокой рябине, съежившись от холодного утреннего тумана, наблюдая, как Ралстон проверяет свой пистолет. — Тебя ведь могут убить.

— Меня не убьют, — рассеянно отозвался Ралстон, оглядывая широкий простор поля, выбранного Оксфордом в качестве места для их дуэли.

— Многие не менее достойные мужчины говорили то же самое, Гейбриел. Мне бы не хотелось, чтобы ты оказался в земле.

— Это было бы лишь к твоей выгоде, — мрачно пошутил Ралстон, методично набивая оружие порохом. — Ты бы стал маркизом.

— Мы с тобой слишком хорошо знаем друг друга, и ты прекрасно понимаешь, что маркизом я быть не хочу, спасибо.

— Тогда я приложу все усилия, чтобы сохранить свой титул.

— Превосходно.

Воцарилось молчание, братья стали ожидать прибытия Оксфорда и его секунданта. Поле купалось в светло-сером свете, который скрадывал яркие краски весеннего ландшафта, делая пейзаж почти унылым.

Через несколько долгих минут Ралстон сказал:

— Я этого не оставлю: он такое о ней говорил, Ник.

— Понимаю.

— Она заслуживает самого лучшего.

— Она заслуживает тебя. Живого.

Ралстон повернулся к своему брату и решительно посмотрел ему в глаза.

— Ты должен мне кое-что пообещать.

Ник тотчас понял, что Ралстон собирается сказать.

— Нет.

— Да. Должен. Ты мой брат и мой секундант. Тебе не остается ничего другого, как выслушать мое последнее желание и поступить в соответствии с ним.

— Если это твое последнее желание, я последую за тобой в ад и заставлю тебя заплатить за это.

— Тем не менее, — Ралстон поднял глаза на небо и поплотнее закутался в плащ, — пообещай мне, что позаботишься о ней.

— Ты сам позаботишься о ней, братец.

Их сверкающие взгляды скрестились.

— Клянусь перед тобой и перед Господом, что я это сделаю. Но если что-то случится, что-то пойдет не так этим утром, пообещай мне, что позаботишься о ней. Пообещай, что скажешь ей... — Ралстон умолк.

— Сказать ей что?

Ралстон сделал глубокий вдох, от слов в груди его возникло стеснение.

— Пообещай сказать ей, что я был болваном. Что деньги не имели никакого значения. Что прошлой ночью, когда я осознал ужасающую вероятность того, что потерял ее... я понял, что она самое важное, что когда-либо было у меня в жизни... — Он снова умолк. — Что же, черт возьми, я натворил!

— Похоже, что ты просто влюбился.

Ралстон задумался. Раньше он мог бы усмехнуться в ответ на эти слова — такие прозаичные, и фантастические, и пугающие, — но вместо этого почувствовал, как по его телу разлилось тепло при мысли о том, что, возможно, он любит Калли.

Ник продолжил, не в силах скрыть самодовольной улыбки:

— Сказать тебе, что сделал бы я, поняв, что был круглым болваном и потерял единственную женщину, которую когда-либо любил?

Ралстон, сощурившись, посмотрел на брата.

— Не думаю, что могу заставить тебя промолчать.

— И правда не можешь, — сказал Ник. — Так вот, я бы не стоял в этом Богом забытом поле на проклятом холоде, ожидая, когда идиот Оксфорд начнет в меня стрелять. Я бы отказался от этого нелепого устаревшего способа выяснять отношения — помчался бы к этой женщине и сказал ей, что был полным идиотом. И сделал бы все возможное, чтобы убедить ее не отказываться от меня, несмотря ни на что. А как только с этим было бы покончено, я потащил бы ее тотчас к викарию и обвенчался с ней. И позаботился бы о наследнике.

В голове у Ралстона промелькнул образ Калли, пополневшей и округлившейся, вынашивающей его ребенка, и он закрыл глаза, наслаждаясь этим видением.

— Я думал, что если позволю себе полюбить ее, то стану таким, как наш отец. Думал, что это делает меня слабым.

— Ты не такой, Гейбриел.

— Теперь я понимаю. Она заставила меня это понять. — Ралстон помолчал, погрузившись в воспоминания о карих глазах Калли, о пухлых улыбающихся губах. — Бог мой, ведь именно с ней я стал самим собой.

Это утверждение, полное изумления и восхищения, было прервано криком с другого конца поля, на котором показались Оксфорд, его секундант лорд Роли и доктор.

Ник чертыхнулся себе под нос.

— Признаюсь, я надеялся, что Оксфорд был слишком пьян вчера, чтобы вспомнить о дуэли.

Он взял пистолет у Ралстона и пошел навстречу Роли, чтобы уточнить подробности дуэли. Как это было принято, Оксфорд, в глазах которого читался страх, подошел к Ралстону и протянул руку.

— Как бы там ни было, Ралстон, я прошу прощения за свои слова о леди Кальпурнии. И хочу, чтобы ты знал: хоть сейчас у меня такой суммы нет, я найду способ выплатить долг.

Ралстон напрягся при упоминании о злополучном пари, которое принесло так много боли и несчастья. Не замечая протянутую Оксфордом руку, он посмотрел ему в глаза и сказал:

— О деньгах можешь забыть. У меня есть леди Кальпурния. Это все, что мне нужно.

Истинность этого утверждения поразила самого Ралстона, и он почувствовал, что идея дуэли потеряла свою привлекательность, теперь, когда он понял, как сильно хочет быть с Калли. Так почему же он стоит в этом холодном сыром поле, когда мог бы тайком прокрасться в

Аллендейл-Хаус, подняться в спальню, забраться в теплую уютную постель и засыпать ее извинениями, пока она не простит его и не согласится выйти за него замуж?

Ник и Роли, желающие побыстрее покончить с этим неприятным делом, вернулись быстро. В то время как Роли разъярял Оксфорду порядок проведения поединка, Ник отвел Ралстона в сторону и тихо произнес:

— Двадцать шагов, повернись и стреляй. И как я узнал из достоверных источников, Оксфорд собирается стрелять мимо.

Ралстон кивнул, признавая, что неприцельная стрельба позволит обеим сторонам защитить свою честь и остаться невредимыми.

— Я сделаю то же самое, — сказал он, сбрасывая свой плащ и беря у Ника протянутый пистолет.

— Хорошо. — Ник перебросил пальто через руку. — Давай побыстрее с этим покончим. Холодно.

— Один... Два... — Ралстон и Оксфорд стояли спиной друг к другу, а Роли отсчитывал шаги. — Пять... Шесть... — Ралстон думал о Калли, о ее ярких глазах и теплой улыбке. — Двенадцать... Тринадцать... — О Калли, которая в этот момент, вероятно, крепко спит в своей постели. — Шестнадцать... Семнадцать...

Ему не терпелось поскорее разделаться с Оксфордом и отправиться к ней. Он попросит прощения, все объяснит и будет умолять ее выйти за него замуж...

— Остановитесь! Нет!

Крик раздался с края поля, и Ралстон повернулся в ту сторону, но, еще не видя, он уже знал, что там Калли и что она бежит к нему. И единственная его мысль была о том, что Оксфорд собирался стрелять в сторону, и если именно в ее сторону...

Ралстон не стал медлить. Он побежал.

Звук пистолетного выстрела эхом отозвался в поле.

Падая на колени, Ралстон видел карие глаза Калли — глаза, о которых он думал все утро, — широко раскрытые от ужаса. Крик разорвал безмолвие раннего утра, вслед за ним послышалось ругательство Ника, затем раздался возглас Бенедикта: «Доктора!» — и высокий гнусавый выкрик Оксфорда: «Я целился мимо!»

Ралстон был охвачен одной-единственной мыслью: «Я так и не сказал ей, что люблю ее».

Он видел, как Калли упала перед ним на колени и начала расстегивать его сюртук, проводя руками по груди и пытаясь обнаружить рану.

Она жива.

Его пронзило чувство облегчения, горячее и подавляющее все другие мысли, и он мог лишь наблюдать за ней, повторяя про себя, что Калли жива и невредима, пока это не дошло до него окончательно.

Шквал эмоций, который обрушился на него за считанные мгновения до выстрела — страх, что

он может потерять ее, что она может быть ранена, — лишил его способности мыслить.

Он застонал от боли, и Калли, ощутив его руку, замерла, глядя на него полными слез глазами.

— Где тебе больно?

Он сглотнул комок, застывший в горле, появившийся от возникшего перед ним образа: она такая обеспокоенная, полная переживаний, так любящая его. Ему хотелось заключить ее в объятия, но сильнее оказалось желание хорошенько отругать.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — взорвался он, и Калли широко раскрыла глаза от удивления.

— Гейбриел, — мягко вмешался Ник, ножом отхватывая рукав его сюртука, — будь осторожен.

— И не подумаю! — Ралстон вновь повернулся к Калли. — Ты не можешь болтаться по Лондону, когда только вздумается, Калли.

— Я приехала, чтобы спасти тебя... — начала Калли и умолкла.

Ралстон хрипло рассмеялся.

— Думаю, что вместо этого тебе прекрасным образом удалось подставить меня под пулю.

Ралстон не обратил внимания на приблизившегося к ним Оксфорда, который, продолжая оправдываться, все бормотал:

— Я целился в сторону.

— Гейбриел, — произнес Ник предупреждающим тоном, отрывая рукав рубашки у брата. Ралстон поморщился, не уверенный, что Ник сопереживает физическим мучениям брата. — Перестань.

— И ты тоже хорош! — Ралстон повернулся к Бенедикту. — О чем ты только думал! Это надо же — привезти ее сюда!

— Ралстон, ты прекрасно знаешь, что ее невозможно остановить.

— Ты должен держать своих женщин под контролем, Аллендейл, — сказал Ралстон, вновь поворачиваясь к Калли. — Когда ты станешь моей женой, я тебя посажу под замок, клянусь Господом!

— Гейбриел! — Теперь Ник уже рассердился.

Ралстону это было безразлично. Он повернулся к брату, в то время как хирург опустился перед ним на колени и осмотрел рану.

— Ее могли убить!

— А как насчет тебя? — На этот раз в разговор вмешалась Калли: ее до этой поры сдерживаемая энергия нашла свой выход в гневе, и мужчины дружно обернулись, удивленные, что она посмела вмешаться в разговор. — Как насчет тебя и этого бездумного намерения защитить мою честь, размахивая оружием в этом нелепом месте с Оксфордом. — Она произнесла имя барона с презрением. — Вы словно дети. Это нелепое, безрассудное,

свойственное именно мужчинам поведение... да кто вообще в наше время стреляется на дуэли?

— Я стрелял в сторону, — вмешался Оксфорд.

— Ох, Оксфорд, кого это волнует! — воскликнула Калли и, вновь повернувшись к Ралстону, сказала: — Ты беспокоился за меня? А как ты думаешь, что чувствовала я, зная, что, когда приеду сюда, могу найти тебя мертвым? Как ты думаешь, что я почувствовала, когда услышала этот выстрел? Когда увидела, как мужчина, которого я люблю, падает на землю? Из всех твоих эгоистичных поступков, совершенных за всю жизнь — а я уверена: ты совершил их немало, — этот самый самонадеянный и оскорбительный. — Теперь Калли уже плакала, не желая останавливать слезы — или не в силах остановить. — И что я буду делать, если ты умрешь?

Его боевой пыл угас при виде ее слез. Ему непереносима была мысль, что она так переживает из-за него. Ралстон отодвинул в сторону доктора и обхватил ладонями ее лицо, не обращая внимания на боль в руке. Он притянул ее к себе и твердо произнес:

— Я не собираюсь умирать, Калли. Это всего лишь царапина.

Его слова, в точности повторение тех, что она сказала ему несколько недель назад в фехтовальном клубе, вызвали у нее слабую улыбку.

— Откуда тебе известно, что это?

Ралстон улыбнулся и нежно поцеловал ее, забыв обо всех присутствующих.

— Вот что, моя императрица. У нас теперь будут совершенно одинаковые шрамы. — Вновь слезы подступили к ее глазам, она с опаской посмотрела на его рану, а он повторил: — Я не умру, милая. Еще очень и очень долго.

Калли подняла бровь — жест, который она позаимствовала у него.

— Даже не могу в это поверить, Гейбриел. Похоже, ты не слишком искусный стрелок.

Ралстон, прищурившись, бросил сердитый взгляд на брата, когда тот хихикнул над словами Калли, затем вновь повернулся к ней.

— Запомни, Кальпурния: я великолепный стрелок, если только мне не приходится переживать, что ты можешь попасть под пули.

— С чего бы переживать за меня? Это ведь ты участвовал в дуэли!

Потерявший терпение хирург приступил к осмотру раны, и Ралстон поморщился.

— Милорд, — обратился к нему доктор, когда Ралстон зашипел от боли. — Боюсь, мне придется извлечь пулю. Это причинит вам некоторое неудобство.

Ралстон кивнул доктору, который уже доставал из своего саквояжа зловещего вида инструменты, готовясь к процедуре.

Калли нервно посмотрела на инструменты:

— Вы уверены, что хотите сделать это прямо здесь, доктор? Возможно, нам следует отправиться в какое-нибудь другое место... не столь живописное?

— Это место ничем не хуже, миледи, — любезно ответил доктор. — И это не первая пуля, которую мне приходится извлекать на этом самом поле, и, уверен, не последняя.

— Понятно, — ответила Калли, и по ее тону было ясно, что на самом деле она мало что поняла.

Ралстон коснулся ее руки. Когда он заговорил, то в голосе послышалась такая настойчивость, какой раньше она никогда не слышала.

— Калли... это пари...

Калли покачала головой:

— Мне безразлично это глупое пари, Гейбриел.

— И тем не менее... — Он поморщился, когда доктор проткнул его рану. — Я был идиотом.

Она, со скептическим видом наблюдая за действиями доктора, кивнула:

— Готова с тобой согласиться. Но я тоже была хороша — поверила самому плохому. А потом Бенедикт сказал мне, что ты здесь... Я так беспокоилась, что тебя могут застрелить. И тогда я приехала сюда, и из-за меня тебя ранили.

— Хуже было бы, если бы ранили тебя: это причинило бы мне гораздо больше страданий. Понимаешь, императрица, похоже, я крепко в тебя влюбился.

Она дважды моргнула, широко раскрыв глаза, словно не совсем поняла значение сказанных им слов, и прошептала:

— Прощу прощения?

— Я люблю тебя. Я люблю твое экстравагантное имя, и твое прекрасное лицо, и блестящий ум, и твой нелепый список, и твою тягу к приключениям, которая, вполне вероятно, станет действительной причиной моей гибели. И мне очень хотелось успеть сказать тебе все это.

Окружающие их мужчины одновременно отвернулись в смущении, почувствовав себя лишними при этом откровенном объяснении и не желая мешать этому исключительно деликатному моменту.

Калли было безразлично, что у этой сцены есть свидетели. Ее волновало лишь одно — правильно ли она расслышала его слова? Не отводя взгляда от Ралстона, она неуверенно спросила:

— Я... ты... ты уверен?

Ралстон криво улыбнулся:

— Абсолютно. Я люблю тебя. И готов любить всю свою жизнь.

— В самом деле?

Она улыбалась словно маленькая девочка, которой пообещали дополнительную порцию пудинга после обеда.

— В самом деле. Однако есть кое-что еще.

— Все, что угодно.

Он ее любит, остальное не имело значения.

— Ник, — позвал Ралстон и попросил, когда тот повернулся к ним: — Тебя не затруднит подать мне пистолет? Он нужен Калли.

Калли открыто рассмеялась, мгновенно поняв его намерение.

— Гейбриел, нет!

— Да, моя проказница! — шутливо произнес он, и в его голосе явно слышалась любовь. — Я хочу, чтобы с этим списком было покончено. Он, несомненно, представляет опасность для твоей репутации и для меня лично. А поскольку сегодня утром ты можешь вычеркнуть пункт «Поприсутствовать на дуэли», уверен, что мы одним выстрелом уьем двух зайцев, предоставив тебе возможность выстрелить из пистолета.

Калли долго смотрела на маркиза, пытаясь прочесть его мысли, затем широко улыбнулась и сказала:

— Хорошо. Я это сделаю. Но только для того, чтобы доставить тебе удовольствие.

Ралстон, морщившийся от боли в руке, громко рассмеялся.

— Как великодушно с твоей стороны!

— Но ты ведь понимаешь, что случится, когда этот пункт будет выполнен?

Ралстон прищурился.

— И что же?

— Я составлю новый список.

Он застонал.

— Нет, Калли. Время списков прошло. Просто чудо, что мне удалось пережить эти приключения.

— В моем новом списке будет всего один пункт.

— Похоже, что он будет весьма опасен.

— Ты угадал, — радостно согласилась она. — Это очень опасно. Особенно для твоей репутации.

Ралстона охватило любопытство.

— И что же это за пункт?

— Исправить повесу.

Он помолчал, обдумывая смысл ее слов, затем притянул к себе и крепко поцеловал. Слегка отстранившись, он коснулся лбом ее лба и прошептал:

— Договорились.

Калли постаралась принять непринужденный вид, выходя из душного бального зала Уортингтон-Хауса и спускаясь по широким каменным ступеням в сумрачный сад, и ощутила прилив возбуждения, ступив в тень лабиринта живой изгороди. Темнота в сочетании с вязкой теплотой летнего вечера и сладким головокружительным ароматом лаванды, исходящим от цветущих кустов, обострили ее чувства, в то время как она уверенно двигалась по поворотам лабиринта.

После дуэли широко и быстро распространились слухи, что леди Кальпурнию Хартуэлл и маркиза Ралстона застали в неприлично откровенных объятиях, и более того — на публике, при свидетелях. И словно этого было недостаточно, сплетники добавляли, что происходило все на том самом месте, где за минуты до этого состоялась дуэль.

Калли вышла на широкую поляну, столь хорошо ей знакомую, в центре которой располагался великолепный мраморный фонтан, сверкавший в лунном свете. Ее сердце забилось сильнее, когда она приблизилась к фонтану и, протянув руку, подставила пальцы под холодную воду, которая с журчанием омывала фигуры херувимов.

В это мгновение сильные руки обхватили ее сзади и прижали к широкой мускулистой груди. Калли не сдержала улыбки, когда Ралстон соблазнительно прошептал ей на ухо:

— Я не был уверен, чего ожидать, когда лакей передал мне неприлично откровенное приглашение на тайное свидание. — Он коснулся горячими губами ее затылка, провел по коже языком, и по ее позвоночнику пробежал холодок, столь приятный в эту теплую ночь. — Вы представляете серьезную опасность для моей репутации, леди Ралстон.

Она ответила на его ласки нежным вздохом.

— Вы забываете, милорд, что всему, что знаю, я выучилась от вас. — Калли развернулась, провела пальцами по его волосам и встретилась с его улыбающимся взглядом. — Вы серьезно поколебали мои нравственные устои, милорд.

Да, репутация каждого из них получила сильный удар.

Но обоим это было абсолютно безразлично.

Не прошло и двух недель, как они поженились. Оксфорд всячески способствовал опровержению слухов о пари и дуэли и собственных ухаживаниях за Калли. Ралстон был явно без ума от своей невесты, и просто невозможно было предположить, что этот поспешный брак являлся чем-либо иным, кроме как браком по любви. Так что общество весьма охотно простило и маркизу, и новоиспеченной маркизе все их явные проступки и прегрешения.

— Как же мне повезло, что у меня такая негодница жена, — сказал он. — Ты способна соблазнить меня в любое время, моя любовь, в любом месте. На самом деле. — Он сделал паузу, покрывая поцелуями ее шею. — И все же... мне бы очень хотелось, чтобы ты увезла меня домой и сделала со мной все, что тебе вздумается. Как ты думаешь, прилично будет уехать прямо сейчас?

Калли рассмеялась, наслаждаясь каждым моментом их нескромного разговора.

— Поскольку это первый бал, на котором мы присутствуем в качестве супругов, не думаю, что нам удастся сбежать, не рискуя остаться без приглашений на последующие балы.

Гейбриел провел языком по ее ключице, в то время как его рука подобралась к груди, и пробормотал:

— Разве это так плохо? Подумай о том, чем мы могли заняться дома вместо этого. Могу заверить, моя любовь, что у тебя не будет недостатка в развлечениях по вечерам.

Калли хихикнула при этих словах, и смешок сменился вздохом, когда он погладил ее напряженный сосок через платье.

— Да, но, возможно, Джулиане жаль будет покидать общество. Она начинает себя чувствовать в свете вполне уверенно, тебе не кажется?

Он ответил ей задумчивым взглядом.

— Действительно. А я ведь так и не поблагодарил тебя за то, что убедила ее остаться с нами.

— Представить не могу, что какая-либо женщина, будь то сестра или кто-то другой, захочет уйти, после того как тебя обрела, Гейбриел. — Она улыбнулась, глядя в его живые голубые глаза. — Боюсь, ты меня к себе привязал очень прочно.

— Великолепно. — Он проговорил ей в губы: — Потому что я никогда не позволю тебе уйти.

Маркиз крепко поцеловал свою возлюбленную, смакуя источаемый ею аромат, затем Калли слегка отстранилась и взглянула ему в глаза.

— Думаю, я любила тебя всю свою жизнь.

Его голубые глаза сверкнули в лунном свете.

— А я буду любить тебя всю оставшуюся жизнь, императрица.

Она откинула назад голову, с улыбкой вглядываясь в ночное небо, и у него перехватило дыхание от ее изящества и красоты.

— А ты знаешь, что впервые назвал меня императрицей именно здесь? В этом саду?

Он задумчиво склонил голову набок.

— Как такое возможно?

Она высвободилась из его объятий и вновь повернулась к фонтану.

— Это было десять лет назад. Я вышла и затаилась в этом лабиринте, чтобы отвлечься от жалкого провала, каким оказался мой первый сезон. И именно здесь увидела тебя. — Калли вновь опустила пальцы в фонтан, погрузившись в воспоминания о том далеком вечере. — Мне тогда и в голову не могло прийти, что мысли о тебе будут занимать меня целое десятилетие.

Он снова поцеловал ее, теребя ее нижнюю пухлую губку, пока она не вздохнула, и произнес:

— Я собираюсь занимать твои мысли гораздо дольше. — Ралстон взял ее руку и поцеловал кончики пальцев. — Хотя, конечно, я понимаю, что должен бы сожалеть о тех годах, которые ты провела в ожидании, но, признаюсь, очень рад, что ты дождалась, пока наконец мои глаза откроются и я увижу тебя, любовь моя. — Он вновь заключил ее в объятия и добавил: — Мне ужасно жаль, что я этого не увидел тогда, иначе мы прожили бы десять счастливых лет и

теперь у нас уже был бы целый выводок очаровательных ребяташек.

— И двумя шрамами меньше.

Он рассмеялся.

— Верно, моя маленькая проказница.

Калли лениво погладила его по щеке, согреваясь теплом от этого прикосновения.

— Ты все это верно подметил, но тогда у меня не было бы моего списка. И ты бы не смог извлечь выгоду из указанных в нем пунктов. Возьми, например, сегодняшний.

Он вопросительно поднял бровь.

— Сегодняшний пункт?

Его глаза потемнели от страсти, и он притянул ее к себе, наслаждаясь близостью своей любимой и теплом объятий. Приподняв Калли, он поднес ее к ближайшей скамье, усадил, а сам опустился перед ней на колени и, запустив руки под подол платья, начал гладить щиколотки. Это прикосновение обещало гораздо большее, и Калли тихонько засмеялась, а затем вздохнула, когда рука скользнула вверх по внутренней стороне ее ноги.

— Да, сегодняшний пункт, — произнесла она, и на ее губах заиграла загадочная улыбка, когда она обвила его руками за шею. — «Свидание в саду».

И он ответил хриловатым шепотом:

— Разве я когда-нибудь смогу отказать тебе?..